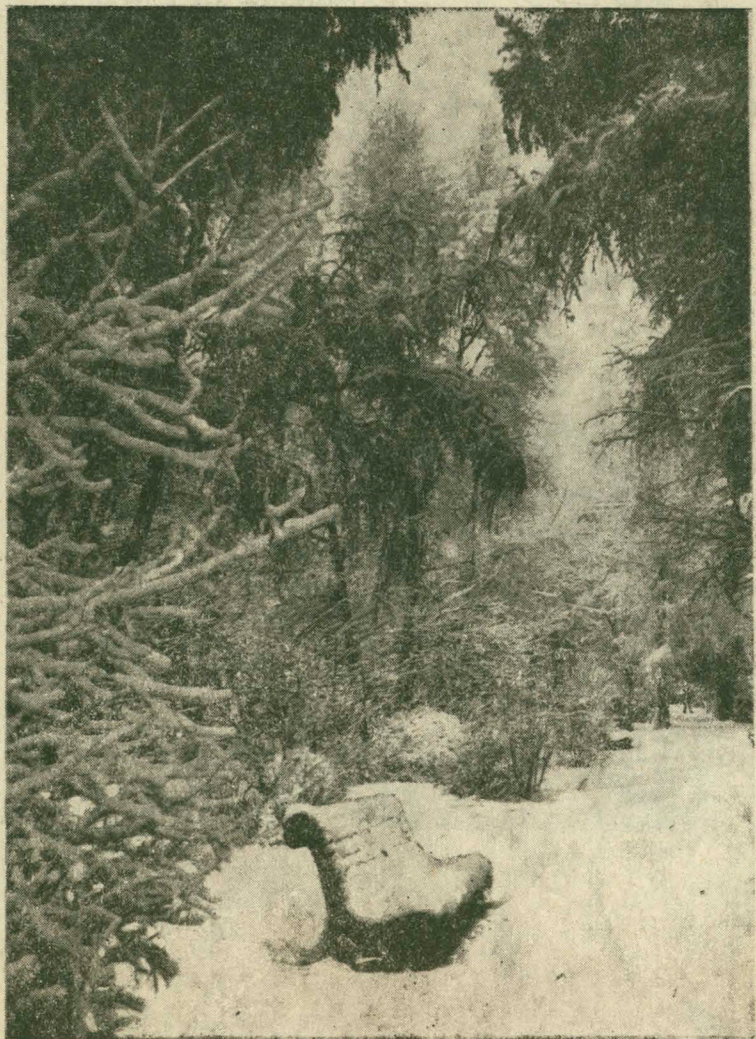
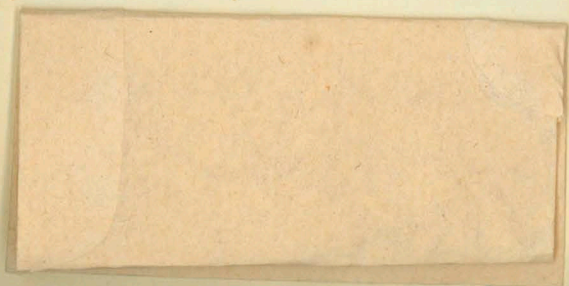
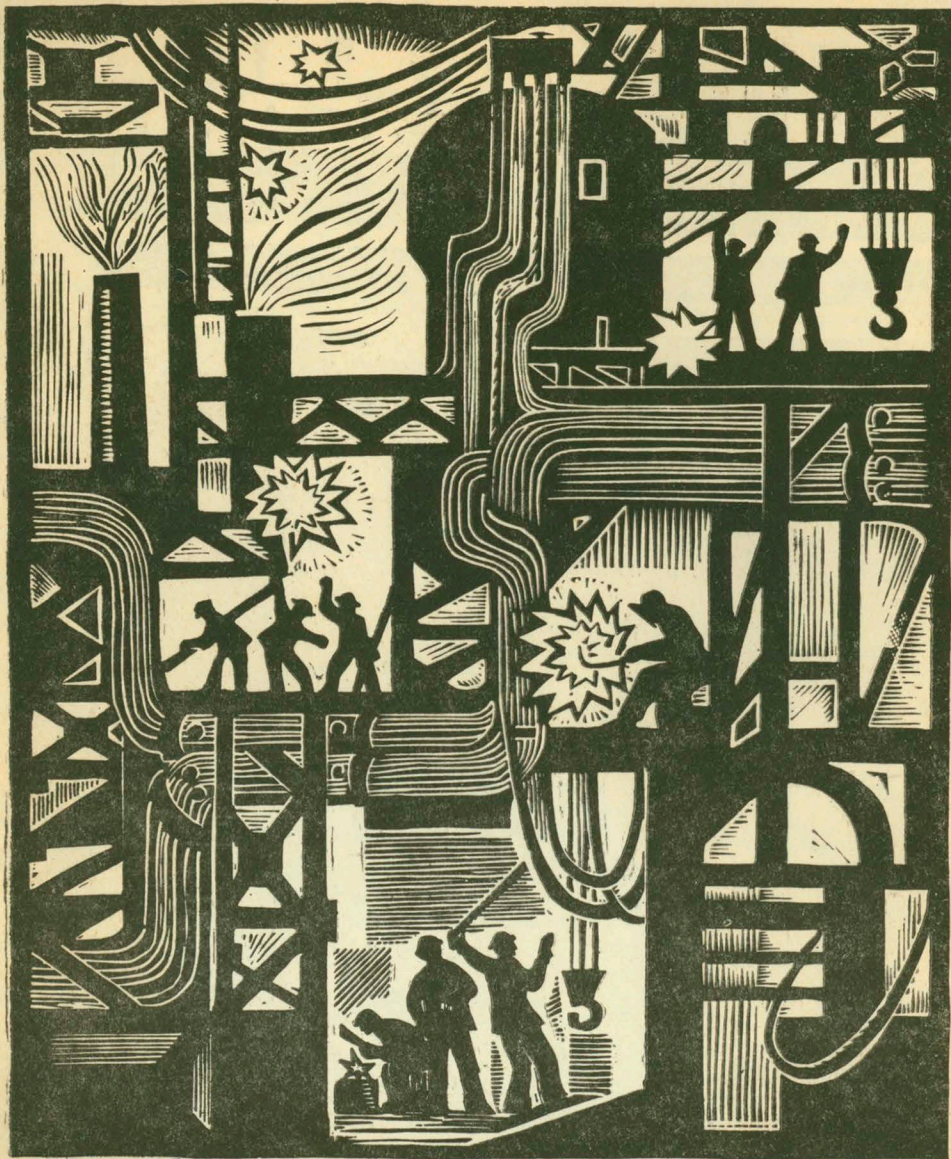

0-38

4·1976 ОГНИ КУЗБАССА

407460

ОГНИ КУЗБАССА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ,
ОРГАН КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Выходит ежеквартально

Год издания 28-й

390377

№ 4 (53)

В Н О М Е Р Е

СТИХИ

Сергей Донбай. «А весною наш городок...». Увидеть землю. «Мне весело живется...». Песня о счастье. Стихи о новом жилом районе в г. Кемерове. Общежитие.	51
Николай Пискаев. О рыбалке. Сенокос. Осеннее.	65
Владимир Юриш. «На рассвете...»	66
Виталий Креков. «От любви твоей я не избавлюсь...», «И хлеб, и соль...», «Чтоб пережить хороший сон...»	66
Владимир Петраш. Парторг Каверин	67

ПРОЗА

Олег Павловский. Баклыковы. Документальная повесть.	3
Виктор Старостин. Родные стены Рассказ.	54

ПРОБЛЕМА?.. ДА, ПРОБЛЕМА!

И. Дрейцер. Время выбора.	68
-----------------------------------	----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Михаил Сорокин. Прощения Григория Бровцина.	77
---	----

СЛОВО КРИТИКЕ

В. Копылов. Дебют и после него. 83

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

Михаил Небогатов. Уроки А. Т. Твардовского. . 88

*На обложке: фотоэтюд «Зима в городском парке».
Фотостудия «Панорама»*

*На второй странице обложки работа художника
Николая Кофанова из цикла «Современные силуэты».*

Редактор В. М. МАЗАЕВ

Редакционная коллегия: В. М. БАЯНОВ, А. Н. ВОЛОШИН,
Г. А. ЕМЕЛЬЯНОВ, В. В. МАХАЛОВ, О. П. ПАВЛОВСКИЙ
(отв. секретарь), З. А. ЧИГАРЕВА, Г. Е. ЮРОВ.

Адрес редакции: 650099, Кемерово-99, Советский проспект, 94.
Тел. 6-85-14

Рукописи не возвращаются

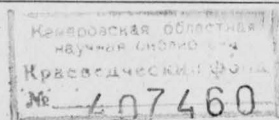
Ведущий редактор Л. В. Г л е б о в а; художественный редактор
А. С. Ротовский; технический редактор Г. В. Адова;
корректор Е. И. Тимошук

Сдано в набор 3.IX.1976 г. Подписано к печати 10.XII.1976 г.
Формат 70×90 ¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Усл. печ. л.
7,02. Уч.-изд. л. 8,1. Тираж 5000 экз. ОП00741. Заказ № 8982.
Цена 29 коп. Кемеровское книжное издательство. Кемерово,
Ноградская, 5. Кемеровский полиграфкомбинат. Кемерово,
Ноградская, 5.

0732—39

М 145 (03) — 76

26—76

© Кемеровское книжное издательство, 1976

БАКЛЫКОВЫ

документальная повесть¹

ОТ АВТОРА

Судьба свела меня с Шуринкой в июне 1966 года.

В Кемерове проходил тогда семинар молодых писателей Урала и Западной Сибири. И, как в таких случаях водится, после рабочей части семинара были встречи с читателями. Нашей группе, которую возглавлял известный писатель-очеркист Леонид Иванович Иванов, выпало выступать перед труженниками Промышленновского района.

Запланировано было, помнится, две встречи: в Доме культуры железнодорожников станции Промышленная и в клубе села Тарасово колхоза «Гигант».

В Тарасово нас встретили хлебом-солью. Недавно выпеченный, не успевший еще остыть каравай преподнесла нам на вышитом полотенце старейшая и заслуженная колхозница, Анастасия Васильевна Криво. Позже мы узнали, что эта сухонькая, невысокая и совсем неприметная старушка все военные годы возглавляла Тарасовский сельсовет, была награждена орденом «Знак Почета».

В клубе, как говорится, негде было яблоку упасть. Каждый из нас что-то сказал, что-то прочитал из новых

своих произведений, поделился мыслями. А потом выступали хозяева и гости, потому как не только мы одни были гостями Тарасово, сюда приехали и представители соседних колхозов. Все они говорили очень хорошие и очень лестные для нас слова и, пожалуй, только в выступлении председателя колхоза имени Мичурина Героя Социалистического Труда Василия Даниловича Баклыкова прозвучала скрытая, очень деликатно высказанная обида: мало, дескать, хороших произведений о сельских труженниках написано, писатели слишком редкие гости в деревнях и селах, особенно в отдаленных от областного центра.

Баклыков был прав. Настолько прав, что будь я на его месте, то говорил бы об этом без всякой деликатности.

Сидевший рядом со мной критик Григорий Александрович Ершов тихо сказал:

— А постарел, постарел... Пожалуй, и не узнал бы на улице. Да и он меня тоже. Шутка ли — двадцать лет прошло.

Оказывается, когда молодой сельский учитель Василий Данилович Баклыков вырастил со своими школьниками небывалый в этих краях урожай пшеницы, Григорий Александрович, работая тогда в журнале «Дружные ребята», по поручению редакции

¹ Из книги «Отцовское поле».

приезжал к Баклыкову и написал о нем очерк.

Григорий Александрович ошибался — Баклыков его сразу узнал, только по деревенской своей стеснительности подойти, напомнить о себе не решился. Зато уж потом, после официальной части, они, тепло обнявшись, забыли обо всем остальном и предались воспоминаниям. А после Василий Данилович стал уговаривать нас заглянуть к нему в колхоз: «ну, хотя бы на поля посмотрите».

Времени у нас было в обрез, к тому же у Маргариты Анисимовой, молодой писательницы из Тюмени, был заказан билет на вечерний поезд, но, посоветовавшись, все же решили «заглянуть на полчаса».

Вот тогда-то я и увидел Шуринку. Обласканная солнцем и тихим июньским ветерком, она стояла на взгорке чистенькая, аккуратная, удивительно миниатюрная, словно вытиснанная талантливым мастером на старинной гравюре тонкой изящной кистью.

Леонид Иванович, большой знаток сельского хозяйства, донимал Баклыкова расспросами об урожайности, надоях, экономической целесообразности выращивания той или иной культуры, а я любовался Шуринкой.

Мне вкратце рассказали о необычайно интересной и сложной ее судьбе, и тогда еще я дал себе слово приехать в Шуринку, сойтись с ней и ее людьми поближе. Но редко бывает так, чтобы все исполнилось, как задумалось. Вдруг всплывали какие-то важные дела и приходилось откладывать встречу до лучших, более свободных времен.

Не знаю, почему, но меня, исконно городского жителя, всегда тянуло в деревню. Возможно, привлекала тишина, воздух, открытая приветливость деревенских лиц и чисто символические замки на дверях бревенча-

тых изб. А может это идет оттуда, из самого раннего моего детства, когда мать оставляла меня коротким северным летом у няньки в архангельской деревеньке на парное молоко и чистые росы.

Мама рассказывала, что после лета меня всю зиму отучали от присутствия жителей архангельских деревень говора. Я же этого не помню, как не помню ни няньки, ни дома, в котором она жила. Помню только огромное, всю землю застлавшее розовое клеверное поле. И еще, — память, правда, тут ни при чем, — до сих пор не выношу даже запаха парного молока. Видимо, перестаралась в свое время нянька, выполняя материнский наказ.

Наконец я сказал себе: «Хватит! В конце концов, всех дел не переделаешь. И может быть, как раз то, что ты собираешься, вернее, столько лет собирался сделать, и есть самое главное, самое важное дело всей твоей жизни...»

Я положил в портфель бритву, смену белья, сунул в карман пару блокнотов и поехал в Шуринку...

ПОСЕЛЕНЦЫ

Я живу в колхозной гостинице, на втором этаже. Из коридора есть выход на просторную веранду, с веранды — на балкон. Это самое большое здание в Шуринке после клуба и восьмиквартирного дома, построенного колхозом для учителей. Таких гостиниц я не видал ни в одном сибирском селе. В шестьдесят шестом году ее еще не было.

В гостинице шесть больших комнат, кухня, столовая, водяное отопление, радио, короче — все, что нужно приезжему человеку для нормального отдыха после работы. Правда, столовая работает только летом и осенью,

когда приезжают сюда на уборку городских шофера и работники подшефных организаций. Вот тогда даже и в этой гостинице не хватает мест. А сейчас, в зимние январские дни, здесь обитают я да четверо строителей-шабашников, заключивших трудовой договор с «Межколхозстроем» на внутреннюю отделку молочного комплекса. «Шабашниками» я называю строителей по привычке, потому, что их, временных рабочих, принято так называть. А вообще это работяги дай бог. Вкалывают они, если есть стройматериалы, с утра до ночи, без суббот и воскресений. Ну и деньгу зашибают солидную—по 700—800 рублей в месяц. Оплата законная, не рваческая — сколько хочу, столько прошу, а по аккордным нарядам плюс соответствующий коэффициент за «отдаленность». Вообще-то, наверное, если перевести эту сумму на обычный рабочий день да на присущую штатным строителям раскочку и перекуры, то не так уж много и получится.

Недели полторы жили буровики из какой-то областной проектной организации, исследовали основание будущей плотины нового пруда. Работать им всегда что-то мешало: то метель, то мороз, то похмелье.

Приезжали любители легких заработков, предлагали свои услуги, но председателя колхоза на мякине не проведешь, и они, переночевав, уезжали наутро, не солоно хлебавши, в другой, видимо, колхоз в надежде найти председателя поговорчивее и порастяпистее.

Ночевали шефы, представитель какого-то НТО, потенциальные переселенцы... В общем, как говорится, свято место пусто не бывает.

В небольшом палисаднике, чуть слева от входа в гостиницу, врыт в землю высокий столб, похожий на пограничный. Столб венчает ступица

колеса с изъеденным временем ободом и почерневшими спицами. Колесо это от одной из телег, на которых добирались сюда шуринские первопроходцы. К столбу прибита мемориальная доска с надписью:

НА ЭТОМ МЕСТЕ
В 1912 г.
БЫЛ ПОСТАВЛЕН
ШАЛАШ
ПЕРВЫМИ
ПОСЕЛЕНЦАМИ
ПОС. ШУРИНКИ

Впрочем, никакой Шуринки здесь еще, разумеется, не было. Шелестела, переливалась разнотравьем широкая степь, дружила лишь с ветром да небом и ведать не ведала, что кончается вольная жизнь, что люди давно предопределили ее участь, и что теперь она не просто степь, а «переселенческий участок «Теодорский» за номером 36 на 189 душ», как сказано в книге образования переселенческих участков по Томскому району. И в участок этот входит всей земли «1905 десятин, в том числе удобной для переселенцев 1890», и что «до ближайшей пристани в Бийске 135 верст, до Кузнецка — 210 верст, до ближайшего села Букашкина — 5 верст. Дорога есть. Водой не обеспечен. Почвы сушлинистые».

Охотников на этот участок среди переселенцев не находилось долго.

Ведь крестьянину что испокон веков было нужно? Земля, вода, лес. Остальное делали руки, спина и голова. На хитрости русский мужик всегда был мастак. И блоху мог подковать, и суп из топора сварить. А вот как при воде да земли нет или при земле бревна срубить негде, тут уж хитри не хитри, крутись не крутись, а из воды муку не смелешь и избу без дерева не поставишь. Оттого и селился русский хлебопашец по

лесистым озерам и речкам, корчевал пни, не жалея труда своего, поднимал целину, и было у него тогда все: вода, лес и земля.

Здесь же была только земля.

И думается мне иной раз, что сам господь-бог долго-долго колесил по российским губерниям, к каждому мужику приглядывался, потом отобрал из них самых что ни есть безземельных, безлошадных, но не бездетных, собрал их вместе, перенес на этот «бугорок в степи», как до сих пор именуют насмешники Шуринку, и молвил: «Вот вам, мужички-страдалыцы, земля, о которой вы столь печалились, живите, трудитесь, а я погляжу-полюбуюсь, на что вы способны, чего стоите». Молвил и... исчез. А мужички остались, не зная — горевать или радоваться такой милости.

Что было делать, скажем, малороссу Емельяну Колбаскину, если ртов в семье семь-восемь, а земли разве что по сажени на каждого. Или тамбовчанину Даниле Баклыкову, у отца которого сорок душ детей и внучат, голодных и разутых. Или Кузьме Камынину... Да что там! Не тысячи, и даже не сотни тысяч таких было...

Известный ученый-аграрник А. А. Кауфман, читая в 1907 году лекции по аграрному вопросу в России, говорил слушателям Московского народного университета:

— Если вы спросите самих крестьян, в чем корень их бед и злключения, ответ будет всегда один: мало стало земли, стало тесно, не к чему приложить руки, нечем пропитаться... В безземелье и малоземелье, частью создавшемся уже в самый момент выхода крестьян на волю, частью обусловленным громадным приростом населения, совершенно естественно искать главную причину бедственного положения русского

крестьянства... Получается безысходный круг: нищета крестьянина может быть устранена только подъемом крестьянского хозяйства, а между тем сама же эта нищета не только не позволяет крестьянину коренным образом улучшить свое хозяйство, но и ведет еще к его дальнейшему упадку.

Прямо-таки революционный вывод!

Неграмотный же русский мужик сам пытался найти выход из создавшегося положения.

Осторожно переступая пороги, ходило тогда по курным российским избам до озноба морозное слово — Сибирь. Сидели мужики, дымили самосадами, так и сяк это слово поворачивали. И выходило, что хоть и каторга, а по слухам и там люди живут. Да как еще живут! Земли, лесу, воды — вдоволь. Была б охота все это к рукам прибрать...

Посудили, порядили, да и двинулись искать свое счастье за Уральские горы. На подводах, пешком, зачастую без копейки денег, перебиваясь по дороге случайной работой, а то и просто попрошайничая.

Это было еще до начала нового двадцатого века.

Немногие из тех, кто ступили на шуринскую землю в 1912 году, дожили до наших дней. Да и те в то время были чуть ли не грудными детьми. Вот разве что Софрон Федорович Гресс, заслуженный колхозный ветеран, 1898 года рождения...

Его домик с узорчатыми наличниками, приветливый и веселый, — тринадцатый от водонапорной станции. Заливистая собачонка на привязи. Лает, словно частушки поет. Чужаки не частые здесь гости, вот и радуется — на своих-то лаять не будешь, а без лая опять же какая собаке жизнь — тоска!

Необычно чистый для деревни двор. Невысокий амбар почти доверху занесен снегом. На снегу ни со-

ломки, ни помета, ни клочка сена.

— Скотины не держим, — говорит мне Софрон Федорович. — Навозились с ней в свое время, да и много ли нам, старикам, надо.

Живут они сейчас вдвоем с супругой, Евгенией Романовной. Пенсию получают приличную, хватает на все. «Сейчас только бы и жить начинать!» Оба еще крепки, подвижны, разговорчивы. Улыбаясь, Софрон Федорович как бы щеголяет своими зубами, — ни одного вставного, все свои целы! — а вот со зрением хуже: без очков слова не разберешь даже на клубной афише.

Говор мягкий, с явным украинским акцентом — сам с Херсонщины, из села Глodosы. Кстати, настоящая его фамилия должна бы произноситься — Хресь, с придыханием на первом слоге. Это уж здесь, в Сибири, его перекрестили. Удобнее для русского произношения.

Так вот, дядя, двоюродный брат Федора Павловича, отца Софрона, уехал в Сибирь еще в 1903 году и приписался в селе Васьково, от нынешней Шуринки это километрах в двадцати пяти. Писал оттуда в Глodosы, что жить здесь можно куда с добром, земли по пятнадцать десятин на душу мужского пола отмеряют и ссуду на «домообзаведение» можно выхлопотать.

Федор Павлович, мужик серьезный и рассудительный, решил сначала посмотреть на все своими глазами. Выправил себе «ходоческое свидетельство» и поехал в Васьково. Лето прожил, зиму, по весне вернулся домой. Все, говорит, ладно бы, да мороз слишком силен, в нашей обуви не выдюжить. Через год поехала мать. И ей не пришлось по душе сибирские снега. А на Херсонщине тепло, да есть нечего. Вот и гадай...

Софрон, — ему тогда тринадцатый год пошел, и он сам уже батрачил за

двадцать копеек в день — твердо, не по-мальчишески, заявил отцу с матерью, что пристанет к чьей-либо семье и уедет к дядьке в Сибирь, чем здесь задарма на помещика спину гнуть. И то ли это его заявление какую роль сыграло, то ли сами родители рассудили, что хуже чем есть больше некуда, только решились все ж таки, пораспродали что было, одну бричку, дедом деланную, взяли с собой. Да вот пока думали-раздумывали, все свободные земли в Васьково раздали, и пришлось подаваться Гресам в голую безводную степь.

Слово Сибирь, несмотря на широкую царскую «рекламу» и «богатые» слухи, пугало, настораживало крестьянскую душу. И было другое слово — Алтай. Хоть и чужое, и непривычное, и такое же далекое, но звучало оно мягко, отдавая теплом и хлебным запахом.

Однако в «Справочной книжке о переселении за Урал», где давались «сведения, необходимые каждому хозяину, задумавшему переселение в Сибирь», наряду с тем, что «переселяться ныне можно всякому, кто только пожелает, и не надо для этого ни у кого испрашивать разрешения», черным по белому, выделительным шрифтом на первой странице вдоль основного текста, дабы сразу привлечь внимание читающего, было сказано: «Переселение на Кавказ, в Туркестан и в Алтайский округ, Томской губ., закрыто». К тому же, дескать, земли Алтая принадлежат не казне, «а составляют вотчину ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, так называемый Алтайский горный округ, и находятся в управлении Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА».

Вообще книжка прелюбопытнейшая, изданная, надо полагать, большим тиражом и явно рассчитанная на то, чтобы будущий переселенец «сознавал свои действия и поступки».

А как их осознаешь, когда с одной стороны тебе говорят — нельзя, а с другой — хоть и нельзя, но все-таки можно. На первой странице переселение в Алтайский округ закрыто, а чуть далее: «В Алтайский округ могут переселяться только те, кто приписывается к обществу старожилов, если те согласятся принять на свою землю».

«А почему, — наверняка размышлял крестьянин, — не примут доброго человека? Примут. Что им — земли жалко, если она там не меряна...»

И какой-нибудь сельский грамотей, а то и писарь за обещанный штоф продолжает читать мужикам:

«Кто хочет приписаться к старым жителям, должен начинать это дело не с села, а с того крестьянского начальника, в участке которого находится село. Если крестьянский начальник скажет, что село многоземельное и приписаться к нему можно, то тогда только можно хлопотать у сельского общества о приемном приговоре».

Значит, выходит, не так страшен черт. Можно все-таки приписаться, и землю получить есть надежда.

Ан нет.

И слушают мужики дальше:

«Приемный приговор в Алтайском округе стоит дорого, а в малоземельных волостях ни за какие деньги его взять нельзя, потому что начальство все равно такой приговор уничтожит; этим пользуются общественники, за все взыскивают с самовольных переселенцев «полетки» — и за скот, и за пашню, и за сенокос, и за усадьбу. А то просто выгоняют из села, ломают дома, раскидывают крыши, разоряют все хозяйство. Защиту найти такому переселенцу трудно, потому что он сам поступил неправильно».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Не знаю, попадала ли эта книжница в руки Даниле Баклыкову, но, ду-

мается, что если даже он ее и не читал, то хоть разговоры о подобном до него тем или иным путем дошли. И все же распрощался с родной тамбовской Серединовкой, поклонился отцу-матери Данила Баклыков и с молодой женой Натальей подался на Алтай самовольцем.

Правильно он поступил или нет, говорить трудно. Нельзя и то в соображение не брать, что чем больше русского мужика стращают, тем он норовистее становится — на узде не удержишь.

Собрались в дальнюю дорогу и Даниловы братья Трифон и Алексей, сестра Анна с мужем, да еще младшая сестра Татьяна.

Пыхтела чугунок, пожирая многие сотни сажень дров. Кончались, бывало, дрова, и паровоз, не добравшись до промежуточной станции, протяжно, тонким дискантом свистнув, останавливался посреди глухой, угрюмой и молчаливой тайги. И тогда из «телячьих» вагонов вываливались с топорами и пилами бородатые пассажиры в залатанных, давно не стиранных холщевых рубахах и, перекрестившись, принимались валить лес, выбирая стволы сухие, выстоянные, набивали тендер аршинными поленьями.

И представить не мог до сих пор Данила, как велика Россия-матушка, хоть и слышан был об этом немало. И нескончаемой казалась дорога, и тяжело думалось под drobный перестук колес: как же так могло получиться, что при такой необъятности русский крестьянин вдруг без земли оказался.

На станциях паровоз стоял подолгу. Люди высыпали из вагонов, толкались на базарах, знакомились, сотовали на горькую судьбину, гадали, что ждет их в новых краях, спрашивали о ценах на лошадей, коров, семенное зерно. И легчало тогда на ду-

ше у Данилы — все ж не один он решился на столь дальнюю дорогу, и не только у них в Серединовке безземелье. Встречал он мужиков курских, орловских, с Полтавщины, изпод Могилева и Минска. Слово вся исконная Русь с ума посходила, собрала какой ни есть скарб и ринулась искать призрачное мужицкое счастье.

Не вынес дорожных тягот годовалый первенец Федянка. Схоронили его на станции с чудным, непривычным русскому человеку названием — Чулымская.

— На погибель едем, Данила, — скорбно и тихо сказала Наталья по возвращении с кладбища.

Данила теребил заскорузлыми пальцами редкую, не успевшую по молодости обрести густоту бороденку, ничего не отвечал. Внезапная смерть сына, будущей его опоры, не предвещала ничего хорошего. И про света впереди тоже не виделось. Но и духом, как баба, тоже падать нельзя — тяни до последнего, пока сил достанет.

На Алтае старожилы приписывать переселенцев к своему обществу отказались. Не соврали в том «Сведения...» А не приписанному к месту мужику хуже, чем каторжнику. У того хоть казенная, да крыша над головой, а тут вроде как бродяга какой — ни избы тебе негде поставить, ни лошадь попасть, не говоря уж о наделе.

И немало таких семей мыкалось по алтайским, рассеянным возле Барнаула селам в поисках хоть какого пристанища. Нанимались в работники к богатым, пасли скот, отправляли ходоков к крестьянским начальникам с жалобами. Но ходоки возвращались ни с чем, ибо «защиту такому переселенцу найти трудно...» Конечно, были бы деньги — писарю сунуть красненькую, самому начальни-

ку сотенную, все бы и сладилось. Да откуда их было взять, красненькие червонцы. Оставалось одно: податься в Сибирь.

Наученные горьким опытом мужики не стали рисковать, снарядили сначала ходоков в Томск, где находилось губернское управление. Вернулись ходоки не скоро, но бумаги привезли с собой дельные. Семьям, которым отказано было в приписке на Алтайских землях, разрешалось приписаться на участке «Теодорский», и при том на каждого едока мужского пола давался надел в десять десятин.

Погрузили что было на телеги, завернули потеплее детишек, и двинули напрямик через увалы, тайгу, болотины. Выспрашивали в редких селениях дорогу, да не каждый мог указать ее толком. В Журавлево кивнули на степь, пожелали удачи и счастья на новом месте.

Колыхались высокие травы под легким, дующим с Салаирского края ветерком, воздух напоен был пыльной терпкостью, и усталые больше чем люди лошади запрядали ушами, вдыхая раздутыми ноздрями вольные запахи.

Верст через десять от Журавлево Данила Баклыков увидел одинокий шалаш возле реденького березового колка, бросил поводья:

— Все, Наталья, приехали...

Поднялась Наталья с телеги, поправила черный платок на голове, посмотрела на шалаш, покрытый увядшей, выжаренной солнцем травой, села на горячую землю, забыв подоткнуть по привычке длинную юбку, и то ли от чувства, что кончились дорожные мучения, то ли от неожиданно охватившего ее одиночества в этой безоглядной степи, уткнула лицо в ладони и заголосила, покачиваясь из стороны в сторону, как не голосила на могилке Федянки.

Данила не успокаивал и не ругал, только угрюмо посмотрел на жену, — баба она баба и есть, пусть вырвется, — и стал выпрягать истомленную лошадь.

К вечеру вернулись хозяева шалаша Ивашовы, — ездили за хворостом, собирали сушняк по околкам, — обрадовались людям, сварили сообща кашу, поели молча, степенно, а когда выскребли котелок, убрали ложки и поставили кипятить чай, то и пошли разговоры о дальнейшем житье-бытье.

В полукилометре от шалаша стояло кочковатое озерцо в полукружии зеленых берез. Вода в нем была чистой, но отдавала болотной затхлостью.

Максим Ивашов утверждал: раз вода в ложку держится, не уходит, знать и подпочвенные воды туточки, колодцы без особых трудов поставить можно. А ежели дальше счастья искать, то ведь никто не поручится, каким боком все это обернется, есть ли где еще в Сибири такие пустоши. Не зря, мол, именно тут коннозаводчики заимки свои понаставили. И так ведь обернуться может: поблукнешь-поблукнешь, назад возвращешься, а и тут уже не протык — не они одни, пол-России с насиженных мест стронулось.

— Эт-то оно так, — совсем отошавший за дорогу Кузьма Камынин помял ладонью заросшие, давно не бритые щеки, — куда еще мыкаться... И так, почитай, полсвета проехали.

Данила Баклыков молчал. Что уж теперь из пустого в порожнее переливать. Трифон тронул его за локоть:

— Ты старшой, скажи слово.

— Я еще днем сказал, когда лошадь выпряг, — Данила положил руки на колени. — С завтрава начнем землянки рыть, а уж избы ставить как бог даст.

Поднялся, оглядел вечернюю степь, похожую сейчас на черную волни-

стую пашню, и, не дождавшись чая, полез под телегу. Завтра нужно было подняться с рассветом.

С тех самых пор и пошли на этой земле Лапыткины, Колбаскины, Боровковы, Камынины, Лукиновы, Баклыковы, Моховы, Шевляковы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

В Кемеровском областном краеведческом музее хранится, можно сказать, исторический документ:

АКТ

1945 года

декабря 12 дня

Мы, нижеподписавшиеся пред. рев. комиссии колхоза «Комсомольская искра» Пьяновского с/совета Титовского района Кемеровской области Абанин Т. Е. в присутствии члена с/исполкома Камынина М. К., член правления Кокарев Л. И. и Мохов Сергей Д., кладовщик Позднышева Ан. С., зав. МТФ Образцов Сергей Е., бригадир полеводческой бригады Боровков М. С., член колхоза Никулин П. И., произвели передачу дел от председателя Другова К. М. вновь назначенному председателю Колбаскину М. Н.

По МТФ

Кошар	1	примитивная
Скот. двор	1	примитивный
Телятник-свинарник	1	примитивный
Дойных коров	5	
Нетелей	5	
Телят рожд. 1945 г.	3	
Быков рабочих	16	
Быков производителей	1	
Овец	50	
Свиноматок	4	
Хряков-производителей	1	
Котлов	2	
Фляг	2	
Ведер железных	2	
Ведер железных худых	4	

Так выглядело в колхозе животноводство. А с чем работали полеводы,

которые должны были ежегодно вспахивать и убирать урожай с шестисот гектаров зерновых? Перевернем еще одну страничку этого акта приема-сдачи.

«Рабочих лошадей	13
Ходков исправных	2
Ходков неисправных	3
Бричек непригодных к работе	1
Грабли конные неисправные	3
Машин сенокосилок	4
Телег неисправных	4
Веялок неисправных	1
Конный двор 9 заплотов без крыши негодный	1
Веялка негодная	1
Сортировка неисправная	1
Сушилка неисправная	1
Хомутов запряжных	7
Дуг	9
Возжей рем. веревочных	2»

В кладовой лежало «семенного материала пшеницы 182 цн. 62 кг», семь килограммов свиного мяса, 12,5 килограмма соли, две деревянные и четыре железные ложки, канцелярские счеты, один чугун и одиннадцать замков, на которые нечего было закрывать.

Прошло полгода. Мало что изменилось в колхозе, да и то разве в худшую сторону.

«Вторая сессия районного совета отмечает, что колхозы... «Комсомольская искра» (Колбаскин)... в результате несоздания прочной кормовой базы, отсутствия надлежащих животноводческих помещений, неудовлетворительного ухода и содержания животных допустили большой падеж и разбазаривание общественно-колхозного животноводства, чем самым резко сократили поголовье скота особенно лошадей».

Из решения № 1 второй сессии Падунского райсовета от 8 июля 1946 года.

Прошло еще полтора года.

11 февраля 1948 года собрались колхозники на очередное отчетное собрание. Самым просторным помещением в Шуринке была тогда изба Кузьмы Камынина — аж целых две комнаты с сенями. В задней, поменьше, ютился сам Кузьма с женой и детьми, а переднюю сдавал колхозу в аренду под правление. Плата за аренду была символической, но Кузьма просто жить не мог без людей, шум любил, разговоры. В «правлении» умещался шкаф, колченогий стол да два стула. Один — председательский, другой — счетовода: весь штат в то время.

На отчетное собрание Кузьма Камынин отдавал и вторую комнату, втаскивал лавки, зажигал две керосиновые лампы — на стене и на председательском столе. Колхозники размещались по лавкам, на сундуке, на печи. Припоздавшие толклись в сенях.

Михаил Колбаскин без особого энтузиазма сделал доклад, уложившись в пятнадцать минут. Свиной в колхозе совсем не осталось, телят тоже. Овец, правда, на девять штук прибавилось, да такая прибавка, что грош ломаный. Строить надо, покупать, увеличивать... А на банковском счету ни копейки, одни долги.

Представитель Тарасовской МТС говорил, что надо трудиться, поднимать сельское хозяйство, чтобы с честью выполнить Постановление февральского Пленума ЦК ВКП (б) о послевоенном подъеме сельского хозяйства, что механизаторы МТС приложат все силы и справятся с возложенными на них обязанностями, остальное же зависит от самих колхозников.

Ему жидко поаплодировали. Керосиновая лампа на стене закоптила, и кто-то кряхтя поднялся убавить фитиль.

Из сеней крикнули:

— Все «дай» да «дай»... А когда «на» будет?

— К делу, к делу давайте...

— Опять — давайте!

— Ха-ха-ха!

— А я так скажу... Пусть-ка тот попробует хозяйство поднять, кто в герои метит. Поглядим, что из того выйдет. На десятине-то и я какой хоть урожай выращу, ежели еще дармовые помощнички будут.

Сказал и сел. А в избе стало слышно, как потрескивают фитили в лампах.

Деревенский учитель Василий Данилович Баклыков, не пропускавший ни одного колхозного собрания, лучше всех знал, в чей огород кинут камушек. Да не камушек, а камень острый, облыжный. И сказал это тот же человек, который восставал на правлении против представления Баклыкова к высокой правительственной награде. И, как тогда, подумалось: «Ну, откуда в людях копится и выплескивается злоба, ненависть, зависть? Что я — украл, обманул или подлость совершил какую? Им же показал, что при желании от земли взять можно. А выходит, я вроде бы и виноват...»

Прервем пока на этом колхозное собрание, перемотаем календарь времени в обратную сторону и заглянем в единственную комнату деревенской школы, где одновременно занимались ученики всех четырех классов.

Василий Данилович оставил тогда ребят после уроков и сказал:

— Дело, ребята, такое... Серьезное дело... Каждый из вас получает горячий завтрак — хлеб и чай. Этот хлеб и чай вы зарабатываете своим трудом, вырабатывая зерно на пришкольном участке, который мы с вами в прошлом году организовали. И неплохой урожай вы собрали, сами знаете... А сейчас я хочу предложить

вам создать настоящее звено. Такое же, как в колхозе иметь положено. Возьмем участок гектаров в десять и покажем, что если взяться дружно и применить передовую агротехнику, то можно вырастить очень хороший урожай. Этим мы и колхозу поможем, и знания свои и силу проверим. Ну, как, принимаете предложение?

— Принимаем.

— Ур-ра!

— Тихо-тихо... — успокоил взволновавшихся ребят Василий Данилович. — Ура будем кричать, если слово сдержим. И, главное, учтите — я никого не прошу и тем более не нуждаю. Звено создается только на добровольных началах. Идите по домам и все хорошенько обдумайте. Работать придется после уроков, в выходные дни и в каникулы. Уроки же спрашивать буду со всех одинаково. Никаких поблажек членам звена не будет. Ясно?

В звено записались двадцать три ученика.

— Чудишь, Василий Данилович, ей-богу, чудишь, — покачал головой председатель колхоза, когда Баклыков поведал ему о своей задумке. — Тут и сто пудов из земли зубами не вырвешь, а ты почти на двести замахнулся. Не мне, тебе придется потом краснеть... Да я не отговариваю тебя, не отговариваю. И земли мне не жалко — бери хоть десять, хоть двадцать гектаров. А вот за семена извини. Сам знаешь — каждое зернышко на учете. Семян дать не смогу...

Участок в десять гектаров отвели удобный, неподалеку от деревни, на хорошо обработанной земле. Но настоящему верили в успех только сам Баклыков, да еще разве главный агроном Тарасовской МТС Цезарь Доминикович Пржегоцкий, к которому Василий Данилович обратился за советом и помощью.

— Это здорово!—воскликнул Пржегоцкий. — Это будет великолепно, если вам удастся доказать возможности этих земель. Словами не докажешь, только делом... А не боитесь?

— Чего?

— Провала.

— Волков бояться...

— Правильно. Надо рисковать. А с семенами я вам помогу.

Пржегоцкий договорился с председателем соседнего колхоза Семеном Давыдовичем Долговым. Долгов обменял 20 центнеров семян на рядовое зерно.

Баклыков стал частым гостем Пржегоцкого. Говорили об агротехнике, просматривали журналы, искали лучшие, приемлемые для них варианты. С семенами дело решилось. Теперь нужно было позаботиться об удобрениях.

Древесную золу собирали ребята — члены звена. Пример всем показал четырехклассник Коля Кудрявцев. Это по его предложению всю деревню разбили на пятидворки и за каждым пятью дворами закрепили по ученику. Ведерко за ведерком, и к весне собрали ни много ни мало — тридцать пять центнеров золы. Рассевали сами, повыпачкались, как чертенята, гурьбой бегали умываться к колодцу.

В последних числах апреля начали сев. Опасались, что если затянут, пшеница может угодить под осенние заморозки. Впервые применили перекрестный сев.

— Дурью мается учитель — посмеивались неверы. — Ему все лишь бы не как у людей.

А когда решили пробороновать всходы, чего никто никогда в Шуринке не делал, то и вовсе посчитали чокнутым. Но вскоре после боронования поле зазеленело так густо и чи-

сто, что и самые шутники-острословы поприкусили языки.

Теперь, в пору кущения, самое время подкормить посевы. Баклыков пошел в правление просить денег на минеральные удобрения. А в колхозной кассе шаром покати, иголку потребовалось бы купить — и то не на что. Были у Баклыкова кой-какие сбережения, поехал в Топки, купил на свои деньги. Купить купил, опять же привезти не на чем. Колхозная полуторка в разгоне да в ремонте, не выпросишь. Снова на поклон к Пржегоцкому, который по полям на эмтэ-эсовской полуторке ездил. Договорились: пока полуторка ходит за удобрениями, учитель возит главного агронома на собственном мотоцикле. На этом же мотоцикле он потом развозил удобрения по полю.

Трижды подкормили посевы. А чтоб не пропало ни единого зернышка, организовали «поход» на сусликов. Только Лёня и Володя Колбаскины поймали за лето около двухсот «обжор».

Для уборки и обмолота собрали из утиля комбайн. Семь дней десять гектаров обмолачивали. Ежесуточное дежурство возле поля установили, чтоб не позарился кто на чужое добро. Каждый мешок взвешивали. Подсчитали — 36,18 центнера отборной пшеницы с гектара!

И сельского учителя представили к самой высокой в стране награде — званию Героя Социалистического Труда.

Но представление еще не награда. Мало ли как оттуда, сверху, на это дело посмотрят, хотя в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 29 марта 1947 года прямо было сказано, что звеньевым, получившим на неполивных землях урожай пшеницы или ржи не менее 30 центнеров с гектара и с площади не менее 8 гекта-

ров присваивается звание Героя Социалистического Труда.

Ну, а теперь вернемся к колхозному собранию.

Тишина стояла недолго. Люди словно обдумывали брошенные в духоту избы не очень-то справедливые слова. Но было в этих словах нечто дельное, если отбросить зло и иронию.

— А что! Из Василия Даниловича председатель бы в самый раз.

— Точно!

— Давай учителя председателем!

— Ставьте на голосование!

Загудела, заходила коромыслом изба.

— Не выборное же сегодня собрание...

— А у нас что — не демократия? Какое захотим, такое и сделаем.

— С райкомом согласовать надо.

— Согласуем. Опосля.

— Тише! Разгадделись, как грачи по весне. По одному давайте высказываться.

— А чего высказываться? Все сказано. Ставь на голосование — и вся недолга.

У Баклыкова гудело в голове. Чего-чего, но такого поворота событий он никак не ожидал. Во сне бы пришлось — тотчас проснулся бы в холодном поту.

— Товарищи! Подождите, товарищи... — Василий Данилович, пожалуй, впервые в жизни растерялся так, что и слов не мог подобрать, чтобы убедить людей в ошибочности их выбора. — Не могу я быть председателем. Поверьте, никак не смогу. Я же учитель. Ничего у меня не получится...

— Получится.

— Не боги горшки обжигали.

— Вот он обжечься-то и побаивается. Ха-ха-ха!

— Ставь на голосование!

Проголосовали.

— Единогласно!

— Поздравляем, Василий Данилович!

Но Баклыкову не до приема поздравлений.

— Не имеете права. Я своего согласия не давал, — поднялся с лавки и, с трудом протиснувшись к дверям, вышел из избы.

По деревне мела поземка. Мелкий колючий снег летел с крыш, перебегал дорогу, вихрился под ногами. Баклыков запахнул поплотнее бекешу, сшитую из овчин своими руками, спрятал от ветра лицо в глубокий воротник.

«Может, вернуться? Попытаться уговорить собрание, чтоб не поднимали зря возни, оставили Колбасина председателем? Мужик-то он неплохой, и до войны руководил хозяйством, и сейчас в общем-то не хуже других работает. Грамотешки, правда, у него не хватает, да и закладывать стал последнее время... Но вот об этом-то и поговорить бы, помочь человеку... Только вряд ли, назад теперь мужиков не повернуть. Как что задумали — колом не перешибешь. Упрямые, черти! Но и я тоже упрям. Председательский стул не по мне. Мое дело — детишек учить. Пользы от этого куда больше, чем из пустого в порожнее переливать».

Услышал, как скрипнули за спиной двери, выплеснулись на улицу шумные голоса, прибавил шагу.

Даже в сумеречном свете керосиновой лампы мать уловила расстроенное выражение сыновнего лица. Подождала, пока разденется, спросила. От матери у Василия секретов не было.

— Еще чего придумали! — оторвалась от веретена Наталья Семеновна. — И правильно, Вася, не соглашайся. Ну их к лешему. Какой тебе от того прибыток, одни хлопоты. И место потеряешь. А там ведь как повер-

нётся, вон их сколько, председателей, поменялось, не упомнишь, кто и когда председательствовал...

Сон не шел. Вспомнился умирающий отец, худое его лицо, заострившийся нос и поникшая рыжеватая борода с застрявшими в ней крошками хлеба.

Умирал Данила Баклыков трудно. И не грешил вроде бы, людей не гневил, работал, не разгибая спины с утра до ночи, как и жена его Наталья, и вот поди ж ты, разбери, почему и за что так жестоко наказала его судьба. Таял, сох, будто талиновое ветка в нежарком костре, но не скорбел, не жаловался на сдавленную невидимой тяжестью грудь, на колкую, до рези в глазах, боль в пояснице. Только все чаще, словно предчувствуя свой близкий, конец, подзывал вечерами сыновей своих, старшего Ивана и меньшого Васю, и хриплым, как бы простуженным голосом наказывал, чтоб берегли мать, слушались ее во всем, чтоб дело свое любили, исполняли его по совести, не воровали чтоб и подлости людям, не дай бог, не сотворяли.

Мать сидела тут же, возле кровати, за прялкой, роняла нить и, прикрывая ладонью рот, чтоб не вырвалась криком наружу скопившаяся за долгие эти месяцы душевная боль, тихо говорила:

— Ну что ты, отец, и себя, и ребят изводишь? Поживешь еще, оклемаешься...

Данила слабо махал рукой и замолкал.

Его привезли зимой в тридцать четвертом году, почерневшего, еле живого, со спекшимися распухшими губами.

В те трудные для страны годы городам, шахтам, новостройкам нужен был лес. Много леса. Столько, что лесопромышленные предприятия не

удовлетворяли и малой толики нужд молодого возрождающегося государства. И правительство вынуждено было разверстать план лесозаготовок по деревням и колхозам. Каждому хозяйству вменялось в обязанность заготовить определенное количество кубометров на ближайшей к нему лесосеке.

Подошла очередь ехать в лес и Даниле Петровичу. «На кубатуру», как тогда говорили. Вековые пихты и сосны гнулись под тяжестью обильных в ту зиму снегов. Вспархивали из-под ног затаившиеся в глубоких сугробах рябчики. Следы разного зверья пересекали тайгу во всех направлениях, и так же пересекались в морозном воздухе хлесткие выстрельные звуки топоров.

Даниле Петровичу не доводилось валить лес, и его определили на вывозку хлыстов. Лошадь была чужая, ленивая. То ли за эту природную лень, то ли за тупую глуповатую морду хозяин наградил ее прозвищем «Свинья», на которое она охотно откликалась. Свинья ходила в упряжке неспешно, раздумчиво, и никакие понукания не могли заставить ее прибавить шагу. И поэтому положенную норму вывозки Данила Петрович выполнял с трудом, прихватывая лишний час у короткого зимнего дня за счет сумерек.

В тот злосчастный день Данила Петрович, как всегда, еще только-только начинало светать, запряг Свинью, подъехал к лесосеке, взвалил на сани толстый пятнадцатиметровый хлыст комлем на передок, стянул веревкой, дважды перекрестив ею бревно с лежащей поперек саней колодиной, завязал натуго двойным узлом и тронул лошадь.

На лесном складе скатил хлыст и, не дав передохнуть ни себе, ни коню, погнал назад. Сначала шагал по привычке рядом с саними, потом, разо-

гревшись, сел боком на колодину. Сонно поскрипывали полозья. Лошадь шла неторопливо, будто и нет для нее разницы — с хлыстом тянуть сани или без. Морозный пар от ее дыхания, казалось, повисал в воздухе, и настороженно следящие за каждым ее шагом молчаливые деревья роняли в испуге хлопья лежащего на их лапах снега. Данила Петрович плотнее закутался в тулуп. И то ли испугалась чего Свинья, то ли решила неожиданно сбросить с себя привычную лень, разогреться, но вдруг понесла рысью, сани раскатились и с силой ударились на повороте о стоящий на обочине пенек.

Данилу Петровича в беспамятстве подобрал выехавший следом возница.

Но крепка все-таки, зная, была мужицкая кость, отошел Данила Петрович, вставать начал, покажывать. Физически работать не мог — острая боль тотчас пронзала поврежденную поясницу и грудь, но и без дела сидеть было ему хуже смерти, — взял на себя колхозную кассу взаимопомощи. Не ахти какая, а все же работа. А когда зазеленела озимь, заневестились молодые березы, и степь задышала весенним, незрелым еще теплом, Данила Петрович слег снова. Слег, и больше уже не вставал.

Мать подняла сыновей с печи грудой ночью.

— Детки... Отец-то...

В комнате горела копчушка и в неровном, вспыхивающем ее свете покрытое зипуном тело отца, казалось, дышало и шевелилось. Тринадцатилетний Василий не хотел, не мог поверить в эту смерть, и она так потрясла его, что и сейчас, по прошествии многих лет, он не может вспомнить ни похоронного обряда, ни поминального вечера, ни людей, пришедших попрощаться с усопшим. Он

хорошо помнил только испуганный голос матери, копчушку и холодную, очень холодную руку отца, к которой он прижимался щекой...

Василий Данилович зарылся лицом в подушку.

Что сказал бы ему сейчас отец, как бы посоветовал поступить? Отец без раздумий вступил в колхоз, без жалости отвел в общее хозяйство бычка и лошадь, сдал плуг, борону, телегу, часть надворных построек. И все мечтал о том времени, когда всего будет вдоволь и деревня заживет новой жизнью.

Двадцать два председателя сменилось в колхозе за шестнадцать лет. Должность эту считали чуть ли не повинностью в наказание за грехи молодости. На что только ни ссылались, лишь бы избежать руководства колхозом, где земли-то в достатке, а ни обработать как следует, ни убрать урожай по сути нечем. Тракторы в МТС без запасных частей, тягло, можно сказать, под открытым небом, да еще и не кормленное. И куда ни кинь — всюду клин. А хлеб с тебя спрашивают, молоко и мясо тоже. Попробуй-ка выкрутиться...

Наталья Семеновна разбудила задремавшего сына.

— Вставай, Вася, заспался... Ребятишки уже щебечут на улице.

По дороге в школу его перестрел Михаил Никитович.

— Ну, когда принимать начнешь?

— Не буду я ничего принимать.

— Это как же не будешь?

— А так, не буду и все.

— Гляди... Теперь ты председатель. С меня взятки гладки.

На другой день Баклыкова вызвали в район.

Председатель райисполкома Иван Федорович Шахов, человек крепкой мужичьей кости, с крупным высоким лбом и развернутыми плечами, вы-

шел из-за стола, протянул руку и сразу с места в карьер:

— Ты что там за бузу развел? Почему дела не принимаешь?

— Не могу я быть председателем, Иван Федорович.

— Не могу или не хочу?

— И не хочу.

— Вот теперь, по крайней мере, все ясно... Слушай, Василий... Ты подумал о том, что тебя народ избрал? Народ— понимаешь? Он от тебя помощи ждет, он тебе доверие оказал, а ты в кусты.

— Я школу люблю.

— Это дело второе. Мало ли кто чего любит. Я вот тоже... В общем, не валяй дурака, Василий, принимай колхоз. На первых порах мы тебе поможем. Сейчас позвоню в районо, чтоб учителя на твое место подыскали.

— Середина ж учебного года...

— Ничего страшного.

— Да хоть подумать дайте, оглядеться, — взмолился Баклыков.

— Сколько тебе на твои думы надо?

— Месяц.

— А два не хочешь?.. Недели достаточно.

— Иван Федорович!

— Ну, две недели, черт с тобой. Обдумывай, оглядывайся — и ко мне. Иди...

Через две недели Баклыков вновь предстал перед Шаховым.

— Надумал?

— Нет. Не по мне такой воз.

— А я о тебе лучшего мнения был. Офицер, войну прошел, порошу нанюхался, осколок фашистской бомбы испробовал, а тут струсил.

— Да не струсил я, Иван Федорович...

— Струсил, — повысил голос предрика. — В общем, не морочь мне мозги, они у меня и без тебя заморожены.

Обойдемся. Иди к чертовой матери... — Шахов отвернулся к окну.

Баклыков вышел на улицу. На душе было пасмурно, нехорошо было на душе. И тем обиднее, что Шахов, человек деловой и умный, любил его, пожалуй, как сына — Баклыков чувствовал это и знал.

Хлопьями валил с хмурого неба крупный снег. У коновязи похрумкивали сеном лошади. Снег таял на горячих их спинах, парил и казалось, что лошади стоят в тумане.

— О чем задумался?

Баклыков поднял голову. Перед ним стоял и улыбался секретарь райкома партии Павел Петрович Халимов.

— Трус я, оказывается, Павел Петрович.

— Даже так?.. Ну-ну... Идем-ка, расскажешь...

Павел Петрович был секретарем по идеологии. Он видел, что Баклыков взволнован, пожалуй, даже подавлен, и потому не стал сразу допытываться, чем же так растрожена душа сельского учителя, а завел речь о прошедшей войне, о трудностях, которые переживает страна, молодость свою вспомнил. Часа полтора говорил, и только когда увидел, что Баклыков успокоился, даже улыбаться начал, спросил:

— Ну, а у тебя что случилось?

И пошел разговор о земле. И вроде бы ничего конкретного о Баклыкове сказано не было, но так получалось, что если не взяты Василий Даниловичу за хозяйство, то захирет Шуринка, пропадет земля, и государство от этого очень многое потеряет.

Из кабинета Халимова Василий Данилович Баклыков вышел председателем колхоза «Комсомольская искра».

ЛИХА БЕДА — НАЧАЛО

«14 марта 1948 г. колхоз «Комсомольская искра», товарищу Баклыкову Василию Даниловичу.

За успехи, достигнутые Вами в 1947 году по выращиванию высокого урожая, Президиум Верховного Совета СССР присвоил Вам звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и Золотой медали «Серп и Молот».

От имени райкома ВКП (б), а также и лично от себя, горячо поздравляю Вас, Василий Данилович, с высокой наградой, желаю Вам дальнейших успехов по выращиванию высоких урожаев и развитию общественного животноводства в 1948 году.

Сделать колхоз большевистским, а колхозников зажиточными — такова задача.

А. Г. Богачев, секретарь райкома ВКП (б)».

Телефонограмму принесли ранним утром. Держа в руках коряво исписанный листок, вырванный из тетради в линейку, кинулся к матери:

— Мама! Мне Героя присвоили. Понимаешь?!

— Понимаю, понимаю, Вася, — улыбнулась Наталья Семеновна, так и не осознав истинного смысла происшедшего.

Он ничего не сказал ей больше, оделся, вышел на улицу и пошел на край деревни, в степь, покрытую начавшим уже оседать при оттепелях снегом. Ему хотелось побыть одному, собраться с мыслями, утишить бурную радость.

В степи было тихо и на редкость безветренно. Рассвет только еще занимался, и бескрайние заснеженные дали с выдутыми черными проплешинами на буграх походили на немелое залатанный тулуп.

— Ну, здравствуй, земля! — ска-

зал про себя Баклыков, и земля будто услышала, откликнулась на приветствие, прошуршав сухими прошлогодними травами под внезапно налетевшим ветерком.

За прожитое в Шуринке время я понял, что земля для Василия Даниловича — живое и самое близкое существо. Он поверяет ей свои и угадывает ее тайны, он с ней советуется, воспринимая ее боль, как свою собственную, и голос земли для него — самый родной голос. Я не знаю только, — да вряд ли и он сам знает об этом, — когда именно начался этот диалог, это обоюдное понимание.

Может быть, оно впиталось с молоком матери или досталось в наследство от отца. Или родилось само в одно из тех прекрасных мгновений в сенокосную пору, когда запахи земли полонят душу и высокие сочные травы покорно ложатся к твоим ногам. А может быть, оно пришло совсем в иную, тяжелую для всего человечества пору...

С Дальнего Востока командира противотанкового орудия младшего лейтенанта Баклыкова перебросили на Западный фронт в июне сорок четвертого года. Когда миновали Москву, он почти не отходил от окна, с болью глядя на израненную землю, лишенную природного естества — родить хлеб. Он еще не видел крови солдат, не слышал взрывов снарядов и бомб, но он слышал глубокие вздохи и стоны изрешеченной, перерытой окопами и траншеями земли, и лишь изредка внутренне улыбался, видя, как в освобожденных от врага районах на небольших клочках полей начинали работать колхозники.

А вскоре и самому пришлось заниматься неестественной для него работой — копать землю лишь для того, чтобы уберечься от пули или осколка снаряда. А копать приходилось много, очень много. Полк был резерв-

ный, шел за фронтом. Только окопавшись, — хорошо если ночь переспишь, — и снова вперед.

И первый бой. Неожиданный, заполошный. Неподалеку от Вислы в местечке Бараново. Немецкие танки с десантом отыскивали где-то прореху в передовой линии фронта и наскочили на батарею противотанковых орудий, окопавшуюся во втором эшелоне. Четыре часа двадцать минут продолжалось неравное сражение. Фашистов поддерживала авиация. Земля содрогалась и стонала, но в те часы Баклыков позабыл о ней. Перед ним был враг, которого нужно уничтожить, не дать ему пройти дальше, в тыл, устоять, несмотря ни на что.

Уже потом, в штабе, узнал, что батарея подбила четыре танка противника, но и наши потери были велики — из шестидесяти артиллеристов в строю осталось только семь человек.

Возможно, тогда он и произнес впервые: «Ну, здравствуй, земля! Видишь — я жив, и я еще отомщу за тебя и за своих товарищей».

А сейчас он говорил ей совсем другое.

«Видишь, — говорил он, — перед тобой не просто Васька, не просто Василий Данилович Баклыков, председатель колхоза «Комсомольская искра». Перед тобой Герой Социалистического Труда. Смешно, правда? Ну, какой я, сказать по правде, герой?! Я же ничего еще в жизни не сделал, ну совсем почти ничего. Значит, мне такое высокое звание авансом дали. Понимаешь?... Да ты все понимаешь... Аванс — штука такая, всю жизнь можешь прожить и не расплатиться. А расплатиться надо, иначе каждый тебя укорить может — на один, дескать, раз тебя и хватило... Я вроде бы плясать сейчас должен от радости, а мне вот не пляшется. И знаешь почему? Из-за тебя. Да-да, из-за тебя. Брать-то мы от тебя хо-

тим много, а взамен давать нечего. Нехорошо получается, не по-людски. А тебе ведь тоже немало нужно — и вода, и удобрения, и, может, мы с тобой вообще не так обращаемся, как следует... Ну, ничего, разберемся. Вот только поукрепнем немножко, в силу войдем. Хотя без тебя опять же как в силу войти — не знаю. Ты уж помоги мне на первых порах, я в долгу не останусь. Честное слово тебе даю...»

Баклыков постоял еще немного, кивнул, как кивают обычно при расставании добрым друзьям, и повернул обратно. Снег не скрипел под ногами, как в зимнюю стужу, лежал под подошвы мягко, податливо, и виделся в этом признак близкой весны. Какова-то она будет, его первая председательская весна?..

«Я заверяю депутатов сессии и присутствующих товарищей, что из колхоза «Комсомольская искра» разгорится пламя большого огня».

Из стенограммы выступления В. Д. Баклыкова на второй сессии второго созыва Падунского райсовета депутатов трудящихся 17 марта 1948 г.

Приложением к решениям этой сессии был план развития животноводства района на 1948 год, в котором «Комсомольской искре» запланировано было: «Купить: 11 коров и 13 молодняка, вырастить 20 телок-нетелей, надоить на фуражную корову 1450 литров молока».

Записать «купить» легко, бумага все стерпит. А вот на какие шиши купить — об этом в плане ни слова. «Соображай, выкручивайся», — сказали Баклыкову в управлении сельского хозяйства. Сообразишь тут, когда в колхозной кассе денег не то что на корову — на курицу не наскребешь. А покупать надо, поднимать хозяйство надо...

Выручила, как это ни парадоксально звучит, беда. Да-да, самая настоящая беда в образе семян сурепки — злейшего сорняка крестьянских полей.

Когда в колхозе стали готовить семена к севу, в пшенице оказалось чуть ли не половина семян сурепки. Баклыков вызвал главного агронома МТС Пржегоцкого. «Придется очищать, обменного фонда у нас нет, — сказал агроном, а потом словно бы невзначай бросил: — Между прочим, из сурепки получается неплохое масло. И выход приличный — масличность этих семян чуть ли не сорок процентов».

— И это масло есть можно?

— Как говорится — на безрыбьи...

Год был тяжелый. Масло на базаре стоило баснословно дорого. Но и получить масло из семени не просто, тут чуть ли не завод нужен.

— Подумать надо, — сказал Кузьма Камынин, услышав от председателя о неожиданной возможности пополнить колхозную кассу.

Не было, пожалуй, в России села или деревни без своего Левши. В Шуринке таким мастером на все руки был Кузьма Федорович Камынин или как его запросто все называли — дед Кузьма. И шорничал, и сапожничал, и столярничал, и по металлу горазд. Лишь бы «струмент» и «матерьял» были. Баклыкову он позже сказал:

— Ты мне два таких вот вала достань и винт, остальное как-нибудь сам докумекаю. Я б винт-то, корова его забодай, сделал, да струмента такого нету, и железо особенно крепкое должно быть.

Дед Кузьма на клочке засаленной бумаги начертил винт и валы, поставил размеры, вручил председателю.

Договорились с мастером из железнодорожного депо, что в Промышленной, сделал тот винт и валы из старых вагонных осей выточил.

— Молодец, корова его забодай, — похвалил дед Кузьма работу. — Чисто сделано, по совести. Да оно конечно, когда струмент... А теперича с богом можно и маслобойку оборудовать.

С неделю дед Кузьма стучал, клепал специальный короб, пристраивал его и валы на становину. И «маслозавод» заработал. Семена сурепки раздавливали меж валами, выжаривали на огне до кондиции, полученную массу клали в мешковине в корб-ступу, и шестеро мужиков подожее начинали закручивать винт, выдавливая масло.

Попробовали на вкус — ничего, есть можно, отдает, правда, горчинкой, но с холодной картошкой — объедение. Повезли на базар. Чуть не с руками оторвали.

А вскоре «завод» остановился из-за отсутствия сырья. Но тут кого-то на счастье занесло на соседние пищинские поля. Сеяли они там просо, просо не возшло, выросла одна сурепка. Ну, сурепку даже голодный скот не ест, никто ее потому не косил, так и стояла в снегу, потренькивая при ветре семенами в дочерна высохших стручках.

Баклыков собрал собрание, внес предложение: каждый колхозник должен сдать по десять килограммов семян сурепки. Остальное, что соберет, — себе на масло. Проголосовали дружно. Шестнадцать центнеров сурепки собрали колхозники на бросовых полях и на вырученные деньги от продажи масла купили тридцать четыре теленка. Начало развитию колхозного животноводства было положено.

Обрадованный председатель помчался в райземотдел с предложением посеять сурепку, как своего рода техническую культуру. Там аж присели. Не хватало еще самим сорняки выращивать — и так поля засорены.

— Масло же... Деньги... — пытался убеждать Баклыков.

— Да разве это масло! Это ж от бедности, от временной нужды народ его покупает. А через год-два его у тебя и даром не возьмут да еще и обругают за суррогат.

На словах согласился, а в душе...

— Сейчас-то можно признаться, — сказал мне Баклыков, посмеиваясь. — Все-таки втихаря мы на следующий год полоску сурепкой засеяли. Не знаю причины, но не взошла. И к счастью. А то засмеяли бы. В пятидесятом с продуктами действительно лучше стало.

СКОЛЬКО СТОЯТ «ЧУДАЧЕСТВА?»

30 декабря 1948 года пятая сессия Падунского районного совета депутатов трудящихся в своем решении записала:

«Лучших успехов в подъеме сельского хозяйства добились колхозники колхозов имени Ворошилова, имени Чкалова, имени Молотова, «Комсомольская искра» Пьяновского сельсовета и другие.

Указанные колхозы наряду с успешным выполнением и перевыполнением обязательств перед государством, обеспечили себя собственными семенами для весеннего сева 1949 года.

Эти колхозы добились высоких устойчивых урожаев, благодаря хорошей работе звеньев и широкому применению на колхозных работах индивидуальной и мелко-групповой сдельщины».

Шуринцы в передовиках!

Соседи чесали затылки: нет ли тут какого подвоха?

Спросят, бывало, побывавшего в Шуринке мужика:

— Ну, чего там?

— А чего! Нищета!

— В канаву-то не завалился?

— Не-е... Я посередь улицы ехал.

— Захошь свернуть — не свернешь. Ха-ха-ха!

О канавах подначка не зряшная. Только в Шуринке, пожалуй, такое и можно было увидеть. Как уберечь от скотины посаженные в огороде овощи, картофель? Плетень нужен, забор, городьба. А где для того в голой степи столбы взять, жерди, ивняковые прутья? Ну, шуринцы и нашли выход — окопали подворья и огороды канавами. Шириной эти канавы были с метр и глубиной того больше. Я как-то посчитал на досуге и вышло, что каждому хозяину пришлось в среднем выбросить до двухсот кубометров земли.

И еще за пласты подковыривали шуринцев: когда, дескать, сенокос на крышах начнете? Под тесом-то в деревне всего пять изб, остальные крыты пластами — прямоугольными кусками дерна, и летом на крышах колыхалась трава.

Я допытываюсь у Василия Даниловича:

— Семнадцать лет колхоз ходил в отстающих. Я пересмотрел разные сводки тех лет и ни разу не видел «Комсомольскую искру» даже в первой десятке. Впрочем, однажды было. В конце сорок четвертого года. Тогда колхоз досрочно выполнил государственный план хлебопоставок и семьдесят восемь пудов сдал сверх плана, за что и был занесен на районную доску Почета. Но в следующий год опять все пошло наперекосяк. Кто тому виной — председатель?

— Слишком часто меняли председателей, — уклончиво отвечает Баклыков.

— Выходит, не справлялись со своими обязанностями?

— Возможно, — опять уклоняется от прямого ответа Василий Данилович, и я его понимаю.

Ему не хочется плохо говорить о своих предшественниках. Он не знает, что в моем блокноте есть выписка из статьи «Соревнование двух колхозов», опубликованной в районной газете «По Сталинскому пути» 8 января 1941 года. Там прямо сказано: «Совсем другое положение в колхозе «Комсомольская искра». Правление артели во главе с председателем тов. Колбаскиным не мобилизовало колхозников на быструю подготовку к севу. До сих пор семена не очищены и не проверены на всхожесть. Ни снегозадержание, ни заготовка местных удобрений не проводятся. Сельхозинвентарь разбитый, валяется под снегом, сбруя порвана, а о ремонте ее никто не заботится. Скот стоит под открытым небом, зачастую не обеспечен кормом». И это ведь было в мирное, довоенное время. Да и в первые послевоенные годы обстановка складывалась, как вы уже знаете, не лучше. Но Баклыкову я об этом не говорю.

— Ладно, оставим прошлые годы и председателей. Но тебе-то как удалось за один год не на одну, на добрых десять ступенек поднять колхоз?

— Не мне — людям.

— Пусть так. Но почему же они раньше не сделали этого? Кто им мешал?

— Смотрите — чибисята!

Василию Даниловичу явно не по душе затеянный мною разговор. Но я твердо решил не отступать.

— А у чибисов есть вожак? Как у гусей, скажем?

— Право, не знаю. Но вообще-то должен быть.

— Почему — должен? Разве не мо-

гут они жить так просто, сами по себе?

— Базу подводишь? Хитер!.. Ну, чего ты от меня хочешь?

— Хочу знать, каким образом тебе удалось увлечь людей.

— Вот ты людей и спроси. Чего ж меня спрашивать?

Вывернулся. Открутился. Ушел-таки от разговора.

...26 ноября 1949 года районная газета «Победа» посвятила колхозу «Комсомольская искра» полный разворот.

«Колхозники колхоза «Комсомольская искра», — выделялось крупным шрифтом, — идут по пути социалистического переустройства деревни. Труженики района! Превратим наши деревни в социалистические села. Сотрем грань между городом и деревней!».

Что же еще могло произойти в Шуринке за полтора года, чтобы о ней так громко заговорила печать?

Баклыков, оказывается, начал «чудить».

Точка зрения редакции расходилась со мнением некоторых товарищей.

— Это ж придумать надо! — открыто, даже на совещаниях говорили они. — У колхоза ни кола, ни двора, за душой ни копейки, скот по существу под открытым небом стоит, а он решил клуб отгрохать! Дворцов, видишь ли, Шуринке не хватало. С Москвой тягаться надумали!

По-за углами еще откровеннее:

— Героя получил — вот и выкобенивается. И все-то ему с рук сходит. Попробуй я начать с клуба — так шею намылят...

— А ты попробуй.

— За дурака считаешь? За клуб с меня не спросят. А вот за урожай, надои, за поголовье, ежели что — го-

лову снимут. Нет уж, дудки! Пусть чудаки от рождения на каруселях крутятся, нам работать надо.

— Это верно. Докаруселится...

Баклыковская карусель долго была у соседей притчей во языцех. С нее-то и начал свою председательскую деятельность Василий Данилович. Вкопали столб посреди площади, насадили на него водило, к водилу — санки на веревках, и пошла потеха. Одни крутят попеременно, другие катаются. И стар, и млад...

А потом вывел Баклыков свой мотоцикл, привязал веревку к багажнику:

— А ну, лыжники, кто храбрый?

Вся Шуринка вывалила на улицу. Смеху, подковырок над незадачливыми — хоть в мешок складывай.

Вроде бы шуточки, «чужачества» в трудную пору, но Баклыков, сам, может быть, того не подозревая, проявил величайшую в то время чуткость, принял, так сказать, особые меры педагогического воздействия.

Люди устали после войны. Устали и физически, и духовно. Их надо было встряхнуть, расшевелить, пробудить в них интерес к жизни, дать им заряд бодрости. И примитивная карусель вкупе с лыжными гонками на мотоцикле сыграли в этом немалую роль.

Предыдущие председатели любили командовать. В первую очередь командовать. Баклыков начал от противоположного — с заботы о людях. И не ошибся. На заботу люди отвечали поистине самоотверженным трудом.

19 ноября 1949 года газета «Победа» в заметке «Колхоз высоких урожаев» сообщала своим читателям:

«Из года в год растет и крепнет хозяйство колхоза «Комсомольская искра». Труженики артели ширят начин

своего мастера высоких урожаев Героя Социалистического Труда В. Д. Баклыкова.

В этом году колхоз получил самую высокую урожайность в районе. Со всей посевной площади собрано в среднем по 16,9 центнера с га...

Колхоз досрочно выполнил свое обязательство перед государством по поставкам хлеба. Выдано только авансом на трудодень по 4 килограмма зерна. Созданы фонды».

А чуть позже встал перед ними каменной стеной тревожный гамлетовский вопрос:

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Зимой 1950 года по всей стране проходило укрупнение мелких коллективных хозяйств. Докатилась волна и до Шуринки. Баклыков намерился объединиться с хозяйством поселка Сибирский, что в трех километрах от Шуринки, но в райкоме рассудили по-иному: укрупнять, так укрупнять, чтоб потом снова не заваривать кашу, и предложили слиться в одно четверем степным хозяйствам — шуринскому, сибирскому, букашкинскому и девинскому. Баклыков — отнекиваться. Ну где это, дескать, видно, чтоб сразу после взвода дивизией командовать ставили.

— Шутите? — сказал он приехавшему в колхоз секретарю райкома.

— Какие могут быть шутки! Не в бирюльки играем. Сам должен понимать — мелкие артели свою роль сыграли, на поля пришли тракторы, комбайны, машины — им же разворот нужен. И вообще... Один конь один и есть, а десять — уже табун. От кого пользы больше?

Баклыков понимал все это прекрасно, умом понимал, а душа была

не на месте: как же с такой машиной управиться, когда и в одной-то Шуринке глаз да глаз нужен, и опыта у него пока почти никакого? Но ему «повезло»: букашкинцы пожелали объединиться с Пьяновским колхозом, где была хоть и не очень плодородная, но речка. А вот девинцы только на шуринский колхоз нацелились.

И Сибирский, и Девинский поселки родились почти в одно с Шуринкой время и на тех же, так сказать, основаниях. И в общем никому из трех поселков хватать друг перед другом было нечем. Правда, и сейчас находятся старички, которые не преминут в разговоре вставить словечко, что, дескать, шуринские и каши-то досыта не едали, а вот мы — сибирские, или девинские — и мясом баловались, и на праздники не только бражку пили, но и водочку покупали в сельпо с белой головкой; и вообще мы вели хозяйство по-деловому, по-крестьянски, а шуринцы... что бог пошлет, и ладно.

Спервоначально и я чуть было не поверил такому навету, ибо о шуринской нищете слышан был предостаточно. А копнул архивы, поговорил еще с людьми, и оказалось — все три деревни одним миром мазаны. Землянки, засуха, частые неурожаи, бескормица — чем уж тут похвалиться. Конечно, по своей слабости человек и прихвастнуть может, и выдать желаемое за действительность, а вот документ, им же составленный и скрепленный подписями, суров в своей правдивости, и память у него цепкая, не изменяющая.

Передо мной три годовых отчета о хозяйственной деятельности трех колхозов за 1949 год, год, после которого и объединили свои хозяйства в одно поселки Шуринка, Сибирский и Девинский. О чем говорят эти отчеты?

Итак, в 1949 году в Шуринке трудоспособного населения было 86 чело-

век. Посеяли они 775 гектаров зерновых, получив по уточненным данным 17,2 центнера с гектара. Коров у них к тому времени стало 30, телят — 59, лошадей — 34. Общий доход составил 165034 рубля. На трудодень выдано по 98 копеек и 4,1 килограмма зерна.

В Сибирске трудоспособное население составляло 90 человек. Зерновых посеяно 666 гектаров. Урожайность — 12 центнеров. На фермах стояли 41 корова, 37 телят и 38 лошадей. Общий доход — 84768 рублей. На трудодень выдавали по 1 рублю 71 копейке и по 3 килограмма зерна.

Трудоспособных в Девинске было 82 человека. Зерновых они посеяли 486 гектаров и собрали по 10,4 центнера с гектара. Коров у них было 29, телят — 27, лошадей — 24. Общий доход составил 51529 рублей. На трудодень девинцы получили по 39 копеек и по 1,4 килограмма зерна.

Нужно сказать, что год этот был урожайным, и ни до, ни после долгое время колхозники такого количества зерна на трудодень не получали. Цифры же эти я привел вовсе не для того, чтобы доказать преимущества одного колхоза перед другим в пору их объединения. (Какие уж тут преимущества, когда наивысший доход составлял 165 тысяч рублей в старых ценах!). Просто они сами по себе любопытны, зримо показывают, с чего и при каких средствах начинал новую свою жизнь колхоз имени Мичурина. Имя великого преобразователя природы новому укрупненному хозяйству колхозники трех поселков дали единогласно. И так же единогласно избрали они своим председателем Василия Даниловича Баклыкова, а центральной усадьбой Шуринку.

Василий Данилович признавался мне, что если бы и были другие предложения, все равно отстоял бы свою Шуринку — слишком много с ней было связано в жизни. И постоянно

тревожила, бередила душу давняя мечта: скрыть к чертям все эти землянки, построить красивые и удобные для житья дома, засыпать канавы, посадить сады и деревья, и чтобы скот не глядел на небо сквозь дыры в крышах, не высовывал головы в стенные проломы, чтоб урожай не зависел от одного лишь «боженьки», чтобы...

Но укрупнение хозяйств, кроме новых, многократно возросших забот, ничего пока не давало. По сути, все оставалось на своих местах, разве что бывшие председатели Сибирского и Девинского стали именоваться бригадирами. А вот отношение к работе изменилось, изменилось круто, но не в лучшую сторону. Девинцы кивали на шуринецов, шуринцы на сибирских, а дело не двигалось — с горы покатился колхоз. Упала урожайность, снизились надои молока. Само собой, и на трудовень в пятидесятом году вышло всего по полтиннику деньгами да по восемьсот граммов зерна.

До сих пор перед глазами Баклыкова стоит страшная картина тех лет. Приезжает он в Девинск, идет на ферму и, едва переступив порог, спотыкается о заолодевшее тело павшей коровы. Чуть дальше — вторая... Пали они не сейчас, не сегодня, но никто не удосужился их даже убрать. Остальные — в чем только душа держится, ребра насквозь светятся, какое уж тут молоко, вот-вот упадут. Реветь не могли, с трудом выдавливали при виде вошедшего человека тяжелое хриплое мычание, похожее на стон.

Баклыков не мог произнести ни слова. И глаз не мог отвести. Горло перехватила спазма. Заныла рана в ноге. И так горько, так больно стало ему, что хотелось закричать на всю степь: «Люди! Что же вы делаете?! Совесть-то ваша где, люди?!»

На другой день созвали общее колхозное собрание. Председатель внес предложение: все дойное стадо перевести в Шуринку, а Девинск «закрыть» вообще, и землю, где стоит поселок, распахать, чтоб и памяти о таком безобразном отношении к общественному хозяйству не осталось.

Девинцы, конечно, на председателя в штыки: дескать, сам шуринский, так ничего больше, кроме Шуринки, тебе не дорого. Их тоже можно понять: легко ли бросать землю, на которой родился, где похоронены отцы и деды, пришедшие сюда первыми поселенцами, где каждая былинка вроде как родная, каждый куст твой.

Только восемнадцать семей из пятидесяти решили перебраться в Шуринку, четыре — в Сибирский, остальные же навсегда расстались с колхозом, подались кто куда...

— Доиграешься, все разбегутся, — стращали Баклыкова отъезжающие. — Самому придется за сиськи коров тянуть.

— Влип ты, Василий Данилович, ох, влип, — сожалеючи говорили друзья. — Ну, кому охота сейчас в голой степи жить, без воды, без дождей, без леса? Не двенадцатый год, когда мужику некуда было податься — сейчас кругом рабочие руки нужны. Принимал бы другой колхоз, чтоб не остаться у разбитого корыта.

«Что верно, то верно, — думал бессонными ночами Баклыков. — Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше. Пока еще тянут колхозники, но ведь и поклон отбить могут, сказать «до свиданья!»». К городу тянутся, к культуре, к лучшей жизни... Значит, так надо сделать, чтобы лучше было здесь, в Шуринке, чтобы люди другой пословицей мыслили: от добра добра не ищут. А как сделать все это? И возможно ли? Бы-

ла б хоть речка с омутами и заводами, лесок какой-нибудь, чтоб душой отдохнуть — дело другое. А здесь...»

Свои сомнения — одно, их преодолеть можно, а вот когда эти сомнения подогреваются друзьями-товарищами, недолго им и в уверенность обратиться. И опустятся тогда руки, уйдут мечты и останется лишь покаяться: виноват, дескать, дорогие мои земляки, обмишулился, не рассчитал, не подумал. А земляки в ответ: пустая ты, оказывается, Васька, головушка. Мы-то в тебя верили, доверяли тебе. Да будь бы твой батька жив, снял бы с тебя штаны, отстегал как следует... Хуже всякого матерка такое услышать...

Нет, другая нужна уверенность. Чтоб все эти сомнения к чертям собачьим. Только где этой уверенности взяться, когда кругом одни прорехи и заштопать их нечем. Протолчешься так вот по жизни, проканителишься этаким штопальщиком — и спасибо тебе не скажут, и сам себя потом проклинать будешь. Где же искать выход?

Ответ пришел как-то сам собой. Поездить надо, посмотреть, наверняка есть деревни в таких же степях, где ни воды, ни леса и дожди не по заказу. И чтоб поучиться можно было, опыт перенять...

В отделе пропаганды Министерства сельского хозяйства СССР Баклыкову сказали:

— Конечно, есть. Вот, можем порекомендовать... Колхоз имени Сталина Сальского района Ростовской области. Условия, если не хуже ваших, то, по крайней мере, мало чем разнятся, разве зима помягче и покороче.

Приехал — и глазам не сразу повесил. Стоит посреди степи веселое, все в зелени, село. Дома добротные, под черепицей, ни одной, хоть краем похожей на шуринскую избенки. Солнце же палит покрепче, чем в

Шуринке. Седой, без шапки, старик поливает из шланга буйно разросшиеся овощи в огороде. Вода! Откуда?.. Пригляделся — во дворе водопроводная колонка. Как чудо!..

Пошел, разыскал здешнего председателя — показывай, друг, хозяйство, да не ленись, говори-рассказывай, чтоб не только в голове, а и на душе отложилось.

Мне думается, что перенять чей-то опыт не проще, чем самому что-либо изобрести. Для этого нужен если не особый талант, то большое желание. Ведь бывает — мается человек, ищет, портит нервы себе и окружающим, а оказывается, всего-то и надо было запречь лошаденку да к соседу заглянуть. Но учиться у соседа — вроде как собственное достоинство уронить. Что, мол, сосед — умнее меня, выходит? Нет уж, как-нибудь собственным умишком дойдем, в ножки кланяться непривычны.

Баклыков придерживается иного мнения. Лучше лишнюю копейку, пусть даже из своего кармана, на билет потратить, чем изобретать велосипед. И самолюбие его от этого ни капельку не страдает. Да и о каком самолюбии может идти речь, когда все на пользу колхозу, людям.

Он возвращался домой вдохновленный вспыхнувшими дорогой идеями и проектами, многие из которых в то время кое-кто считал просто бредовыми.

Как-то я поинтересовался: когда впервые приехали за опытом в Шуринку? Баклыков пожал плечами: много ездили, не припомню.

И вот передо мной документ, информация об организационно-массовой работе районного и сельских советов за четвертый квартал 1951 года. В нем, в частности, говорится:

«...был проведен семинар председателей колхозов и заведующих жи-

вотноводческими фермами по обмену опытом в деле механизации животноводческих ферм колхоза имени Мичурина.

Руководитель этого колхоза депутат райсовета Герой Социалистического Труда т. Баклыков Василий Данилович добился больших успехов в деле механизации животноводческих ферм, кормоприготовления и в организации проведения зимовки скота. За 3 года колхозное село преобразило свое лицо, в этом колхозе построено 8 животноводческих построек, хорошо оборудованы механические мастерские, зернохранилище, клуб и др. В 1951 г. приобрели и установили ветродвигатель ВТ-5. Рядом с ним построена водонапорная башня, где установлен чан, позволяющий держать запас воды в 35 кубических метров. В скотный двор проведен водопровод. Механизация скотопомещений проводится в соответствии с требованиями современной техники в животноводстве. Взять, к примеру, коровник, где размещено до 200 голов, в нем чистота и надлежащий порядок. Полы моются регулярно. В каждом стойле установлена автопоилка и вода подается бесперебойно. Сейчас заканчивается оборудование по электродойке. Электродоильных аппаратов вполне достаточно. Скотопомещения освещаются электричеством. Оборудован кормозапарник, где производится запарка и дрожжевание кормов.

Члены этой артели под руководством Баклыкова поставили перед собой задачу в ближайшее время осуществить полную механизацию на всех фермах».

Сейчас никого не удивит ни водопроводом, ни автопоилками, ни электричеством. А тогда все это было впервые, все внове. И кто знает, было ли бы все это, не побывай Василий Данилович у сальских кол-

хозников. А потом за опытом стали ездить к Баклыкову. Вот так и идет добро от человека к человеку, если, конечно, человек сам его не сторонится.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Необычно привередливая весна 1975 года смешала все карты, подкидывая задачи с двумя и тремя неизвестными. По оттепели — грязь, слякоть, ни пройти, ни проехать. А время поджидает — надо обрабатывать и засеивать поля. И только начала обсыхать пашня — снова снег. И так чуть ли не до последних дней мая.

С трудом выбирая не то что дни, а часы и минуты, механизаторы уравнились с весенними работами, засеяли поля лучшими отборными семенами. Всходы были на зависть — густые, сочные.

— Два хороших дождя летом, и будем с урожаем, — говорил мне Баклыков, любуясь всходами.

— А если один? — спрашиваю.

— Только в июле.

— А ни одного? Сгорит все?

— Лет десять назад сгорело бы.

Десять лет назад... А если заглянуть еще дальше? Скажем, в год 1953-й, когда колхоз собрал всего по 5,1 центнера зерновых с гектара, всего лишь сам-два, и ни один килограмм из худосочного зерна не годился на семена. Плохо тогда было Баклыкову, очень плохо. Золотая звездочка Героя жгла грудь, тревожила совесть: что ж ты, такой-сякой, на десяти гектарах сумел, а как вширь земля перед тобой раздалась, так и умение куда делось?

«Да не было у меня никакого умения, — отвечал сам себе Баклыков. — В том-то все и дело. Люди помогли добрым советом, да руки вот. Ведь

за каждым колоском, как за цветочком ухаживали. На десяти гектарах можно было такую роскошь позволить, а попробуй это же сделать на трех тысячах... Навоз некому из конюшни вывезти. Другие, выходит, нужны мерки, другой подход. А какой? Знать бы...

Агротехникой в те годы колхоз по существу не занимался. Заботу о земле у крестьянина отобрали и передали МТС. За колхозом оставалась одна обязанность — дать рабочую силу. МТС командовала, распоряжалась, давала указания и выполнять их следовало безукоснительно и беспрекословно.

Василий Данилович выезжал в поле, приседал над чахлыми бледными колосками и чуть не плакал от обиды, чувствуя себя в положении человека, которому поручили сделать сложную операцию, а он даже не знает, как держать в руках скальпель. Участковые агрономы МТС отмахивались от бесконечных его вопросов, как от назойливой полевой мухоты: не до того, дескать, план выполнять надо — в срок посеять, в срок обработать, урожай убрать в срок, остальное же — от лукавого. Главное, чтоб в сводке на последнем месте не оказаться.

Нет, не согласен был с таким отношением к земле Баклыков. Но и сам ничего предложить не мог, потому как не знал, что можно и что нужно в этом случае предпринять. Ему нужен был совет, совет человека, в силу и разум которого веришь беспредельно. И Василий Данилович едет в Москву в надежде поведать о своих бедах самому академику Лысенко, тогдашнему президенту ВАСХНИЛ — Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.

Молодость смела, преграды ей ничем, и она не любит шагать по сту-

пенькам. Махнуть — так сразу через пролет. Ей подай авторитет, так авторитет. Президент ВАСХНИЛ виделся из Шуринки «богом». А бог, как известно, все видит и все знает. И его обязанность помогать людям в беде.

Академик принял Баклыкова не побожески холодно, даже руки не протянул, только кивнул на стул:

— Я вас слушаю.

Баклыков начал говорить о наболевшем, однако вскоре почувствовал, что академик его не слушает, читает лежащие перед ним бумаги и оборвал себя на полуслове. Но Трофим Денисович, хоть и краем уха, видимо, слушал Баклыкова. Только вот волнения его не понял, истинного желания его не угадал.

— Так-так, молодой человек... — Лысенко скользнул по шуринскому председателю невыразительным взглядом и изрек: — Агронаука — вещь серьезная, и изучать ее надо тоже серьезно, — и нажал невидимую Баклыкову кнопку.

Тотчас вошел секретарь. Лысенко сказал ему что-то. Секретарь вышел и вернулся с толстой книгой в руках. Лысенко взял ее, протянул Баклыкову:

— Вот, пожалуйста... Она вам поможет, надеюсь, в работе.

Василий Данилович понял, что аудиенция окончена. В коридоре взглянул на обложку: «Т. Д. Лысенко. Агробиология».

Сейчас вспоминается об этом происшествии, как о глупой мальчишеской выходке. Не мог же, в самом деле, президент академии, у которого дел и забот по горло, заниматься с молодым колхозным председателем. Но тогда стало уж очень больно и обидно.

Разве за этим он ехал в Москву, добивался приема у президента? Книжку он мог бы и в магазине купить, и в библиотеке взять. Ему живое чело-

веческое слово мечталось услышать, добрый отеческий совет получить...

Баклыков положил книгу на один из многочисленных подоконников в бесконечно длинном коридоре и вышел на улицу.

Ну и что теперь?.. Вспомнил, что даже не завтракал, боялся опоздать на прием, но есть не хотелось, и он побрел куда глаза глядят по торопливым и шумным московским улицам. Сел на скамью в каком-то скверике, задумался.

Под ногами прохожих шуршали оброненные деревьями листья. Осень переламывалась на зиму. Ничего хорошего эта зима не предвещала. Полученного нынче зерна не хватило ни с государством рассчитаться, ни с МТС, ни колхозникам на трудодни выдать. Кто виноват — он, земля, эмтэсовские агрономы? А ведь их, проходящих мимо него рабочих, учителей, инженеров, тех же академиков кормить нужно.

Кто же все-таки может ему помочь?

И вдруг всплыла в памяти фамилия — Мальцев. Нераз приходилось читать интересные его выступления в печати. И о нем самом кое-что слышал. Агроном без образования, урожаяев достиг невиданных, живет в Зауралье, в Шадринском районе, и деревня, кажется, называется Мальцево. Вот он поймет, от земли человек.

Баклыков пересчитал деньги, прикинул. Экономить, конечно, придется крепко, но на дорогу хватит. В общем-то почти по пути, а «крючок» в несколько сот километров по сибирским понятиям в счет не идет. Не раздумывая больше, поехал на вокзал...

В Шадринске зашел к председателю райисполкома, сказал, что хотелось бы побывать в Мальцево, только вот как добраться — не знает.

— На выучку к нашему академику?.. Что ж, это хорошо и, скажу я вам, вовремя. Я сам давненько не бывал у Терентия Семеновича, подождите с полчаса, вместе и поедем.

Райисполкомовский газик шустро бежал по схваченной первыми морозами дороге. Баклыков смотрел в подзапотевшее стекло на пробегающие мимо поля, словно ждал чуда, но чуда не было — подернутая инеем вспаханная земля отливала черным серебром так же, как и у них в Шуринке.

Память сгладила, отсекала второстепенные детали встречи с Терентием Семеновичем Мальцевым, но зато рельефно вычертила то основное, что не забудется до конца жизни.

— Это где ваш колхоз расположен?.. Ага, представляю, конечно... Ну-ну, рассказывайте... — взгляд голубых мальцевских глаз был благожелателен и заинтересован.

Вспомнив свою встречу с академиком Лысенко и опасаясь, что он и у Мальцева отнимает драгоценное время, Баклыков заговорил торопливо, перескакивая с одного на другое, но Терентий Семенович остановил его, положив на плечо руку:

— Что это вы так торопитесь? Я знаете ли, спешить не люблю. В нашем деле спешка особенно повредить может. Поспешить — людей насмешить. Это ведь про нас, хлеборобов, сказано. Возьмите хотя бы посевную. Звонят, телеграммы шлют, уполномоченных, торопят: скорей, скорей... А почему нужно скорей? Для отчета, для сводки или чтобы хороший урожай получить?.. У вас как — тоже на ранние сроки сева нажимают?

— Тоже, — кивнул Баклыков.

— Я, конечно, не противник ранних сроков сева, как таковых. Но лишь в том случае, если они по климатическим условиям действительно помогают урожаю. У нас же, напри-

мер, при раннем севе семена попадают в недостаточно прогретую почву, развиваются медленно. Зато сорняки растут, как на дрожжах, и забивают посевы, отнимая добрую половину урожая. А вообще для каждого района, для каждого колхоза в отдельности и даже для каждого поля нужны оптимальные сроки. Вот вы проверяли, когда в ваших условиях лучше всего начинать сев той или иной культуры?

— Нет, не проверяли.

— Это, конечно, плохо. Нужно проверять, нужно знать. Экспериментировать нужно, Василий Данилович. Вы — учитель, вы особенно должны это понимать. Я вот ни одного дня не был в школе, жалею об этом, но, насколько возможно, самоучком знаний достиг. Может, это и приучило меня к экспериментаторству, а?... А может, и другое... — Терентий Семенович задумался, как бы решая про себя, высказывать или не высказывать наболевшее незнакомому, в сущности, человеку. Но человек этот был от земли, свой, и пришел к нему за помощью. Значит, и говорить с ним нужно открыто, поверяя все, что лежит на душе. — Давайте заглянем, так сказать, в нашу историю. Когда крестьянин был единоличником, он все решал сам, и от его умения, смекалки, знаний зависел урожай и, в связи с этим — все его существование. И он, хотел того или не хотел, совершенствовался. А как вошел в артель, да его спрашивать перестали, так он и перестал чувствовать себя хозяином на земле. А без этого чувства на земле жить нельзя. И без науки сейчас тоже не проживешь, ни на шаг вперед не продвинешься. Нам каждый клочок земли основательно изучить надо, знать о нем все досконально... Вот вас интересует вопрос — с чего начать? Начинайте с того, с чего и я начал — не прогадаете: землю

изучайте, ставьте опыты, бесконечное число опытов, анализируйте их, сравнивайте и делайте выводы, свои собственные выводы, — Терентий Семенович особо подчеркнул последние слова и спросил: — Сколько миллиметров осадков у вас выпадает?

Баклыков не знал.

— А каковы запасы почвенной влаги?

Баклыков не знал тоже.

— Как же вы, дорогой мой, намереваетесь бороться за урожай, когда не знаете вещей, которые знать необходимо? — Мальцев посмотрел на него с укоризной, покачал головой, но тут же успокоил: — Ничего, конечно, страшного в этом нет. Главное — хотеть знать. Вы молодой еще, у вас все впереди.

Муторно было на душе Баклыкова. Так опозориться! Что сейчас думает о нем Терентий Семенович? Вот, дескать, приехал за тридевять верст передовые методы изучать, а сам как первоклассник в алгебре — ни «а», ни «б». А какой, собственно, позор? За тем и приехал, чтоб поучиться. Так что естесняться тут нечего.

Всего четыре часа провел Василий Данилович в беседе с Мальцевым, но за эти четыре часа он узнал для себя, пожалуй, не меньше, чем мог бы ему поведать иной толстый учебник.

— Главное — не копировать бездумно наши приемы, — говорил Баклыкову Терентий Семенович, — не допускать шаблона. Земля этого не терпит. То, что хорошо у нас, у вас может дать обратный результат, хотя я считаю, что от пахоты можно отказаться везде и перейти на безотвальную обработку почвы. Но эту обработку опять же, конечно, нужно сочетать со своими почвенно-климатическими условиями. Я знаю, какой и когда применить агротехнический прием у себя, на своем поле, но я ни-

когда не решусь сказать, чтобы точно такие же приемы применяли даже в соседнем колхозе. Надо искать, самостоятельно искать такие способы обработки почвы, которые увеличивают урожай на данном поле, повышают плодородие именно этого поля. А для этого нужны опыты. Как можно больше опытов. И на небольших площадях. Увлечаться площадями тоже нельзя. Мы еще очень мало знаем о своей земле. Нам нужен хлеб, но не любыми способами. Иначе вообще можем остаться без хлеба.

Потом были еще встречи с Терентием Семеновичем — на совещаниях, семинарах, и потом еще раз, уже в 1973 году, ездил Василий Данилович к Мальцеву, чтобы поделиться результатами своей многолетней работы, рассказать о своей, годами проверенной системе земледелия, которая в корне отличалась от «мальцевской», но также привела к ощутимым положительным результатам.

ПЕРВЫЙ ПОМОЩНИК

Весной пятьдесят седьмого года в правлении колхоза появилась высокая, с любознательными, все замечающими глазами, девушка. Спросила председателя. Сказали — в Сибирске, на свиноферме. Подождала с полчаса, вышла на крыльцо, и так стало ей почему-то грустно, не по себе стало, что будь ее воля, пешком бы кажется ушла домой, в Промышленную.

На крыльцо поднялся человек в поношенном демисезонном пальто, взялся за ручку двери, потом обернулся, спросил:

— Вы ко мне?

— К председателю.

— Значит, ко мне... Пойдемте... — распахнул дверь, пропустил девушку вперед.

«Тов. Сыромяжко Вера Антоновна, — читал он полуслепой машинописный текст, — направляется к вам для прохождения практики...»

«Нет, чтоб настоящего агронома прислать, — подумал Баклыков. — Одна возня с этими практикантами, а дела никакого. Мне не практикант — помощник нужен».

Положил направление перед собой, разгладил руками, сказал:

— Ну, что ж... Рассказывайте, Вера... Антоновна.

— О чем?

— О себе. Где родились, как учились... И чему научились?

Вера напряглась, приготовилась отвечать, как на экзамене, но вошел бухгалтер — срочно надо было подписать банковские документы, потом долгий разговор председателя по телефону с районом, потом за ним прибежали с фермы — с компрессором что-то не заладилось, а пора доить начинать...

Уже следующим только днем, когда шли по заснеженным, начавшим оттаивать полям, Вера поведала Василию Даниловичу частичку несложной своей биографии и неслучайно разочаровала Баклыкова, чистосердечно признавшись, что учиться на агронома пошла не по призванию, не по велению души, а в общем-то случайно. Мечтала стать инженером-химиком, да не прошла медицинскую комиссию, не то оказалось здоровьишко, полностью противопоказано ей дышать даже мало-мальски отравленным воздухом.

— А землю вы любите? — спросил Баклыков.

Вера пожала плечами.

Да и что она могла тогда ответить — ведь еще не соприкасалась с землей по-настоящему, не отдавала ей полностью душу.

— А землю надо любить, — сказал

Задумчиво Василий Данилович. — Так же любить, как самого близкого человека. Она ведь живая. И боль она чувствует, и радость. Только сказать об этом не может. Хотя, впрочем, и говорит многое... своими урожаями. А урожаи нас, Вера, не радуют. Я кое-что пытался предпринять, да ведь один в поле не воин, не хватает меня на все. А агроному у нас непочтительный край работы. Заканчивай институт и приезжай к нам насовсем. Начнем сначала. Идет?

И снова пожалала Вера плечами. Ничего не могла она сейчас ответить на это.

Проходили дни, недели. Баклыкову все больше и, больше нравилась новая практикантка. Чувствовалось, что приехала она сюда не лишь бы отбыть необходимую перед государственными экзаменами «повинность», а чтобы помочь колхозу своими не ахти какими пока, но знаниями. И ссорилась, бывало, с председателем, убежденно стояла на своем, доказывала свою правоту теоретическими выкладками, подтверждая тем самым свое далеко не безразличное отношение к земле и колхозу. И когда срок практики истек и Вера уехала в институт, Баклыкову казалось, что колхоз лишился главной под собой опоры.

На вопрос, вернется ли она в Шуринку, получив диплом агронома, Вера ответила уклончиво, и это беспокоило Баклыкова. И не только как председателя. В конце концов он не вытерпел и написал ей. Написал сухо и строго: колхоз, мол, вынужден подыскивать другого агронома.

За полгода практики, а по существу настоящей агрономической работы, Вера успела полюбить и небольшую эту деревушку, и поля, ожидающие человеческой помощи, и самих шуринцев. Но была причина, заставившая крепко ее призадуматься.

Баклыков ничего не говорил ей об этом, но женская интуиция подсказывала, что между ними зародилось чувство, его дотоле не испытанное. Она внутренне сопротивлялась этому чувству, пыталась свести его к досадному недоразумению, убеждала себя, что все это чепуха, ничего на самом деле нет и быть не может — ведь у Баклыкова жена, дети... А потом вспоминала его к ней не совсем председательское отношение, вернее, не только председательское, нередкие его, как бы вскользь бросаемые фразы о неудавшейся личной жизни, и снова одолевали сомнения, снова начинала взвешивать все «за» и «против», а когда пришло время решать окончательно, сказала себе: «Будь, что будет!» — и взяла направление в Шуринку.

Личная жизнь у Баклыкова действительно не ладилась. Как же так, — говорили ему, — коммунист, Герой Труда, руководитель хозяйства, где с людьми особая работа нужна, а в собственной семье навести порядка не можешь? Только ведь трудно, да вряд ли и возможно постороннему человеку вникнуть в суть семейных неурядиц. Доподлинно об этом могут знать только те, двое. А любовь — штука коварная, она может вспыхивать, но может и угасать. Сохранить ее до конца дней не просто, здесь нужны особые человеческие качества. У кого-то из двоих этих качеств не доставало.

Вскоре Вера стала женой Баклыкова.

Семейственность на работе у нас, известно, не поощряется, но этот «семейный дуэт» сразу же повел хозяйство в гору. Василия Даниловича и Веру Антоновну связывали не только семейные узы, но и пять с половиной тысяч гектаров земли, требовавшей к себе не менее бережного и заботливого отношения, чем маленький ребенок. Земля задавала вопро-

сов побольше, и ответить на них было посложнее, чем на бесконечные детские «почему?».

Сейчас, по прошествии времени, все кажется простым и обыденным. И весь многолетний труд, споры и моиски, неудачи и радости легко укладываются в несколько газетных строчек, говорящих о том, что «За двадцать лет в Шуринке сложилась стройная система земледелия, дающая возможность не только выращивать большие урожаи, но и повышать плодородие почвы: безотвальная пахота не чаще одного раза в три года; своевременное закрытие влаги; ежегодная предпосевная поверхностная обработка земли в несколько следов луцильниками и кольчатыми катками; создание обильного мульчирующего слоя на поверхности почвы за счет стерни и соломы; органические удобрения, первоклассные семена, оптимальные сроки сева, четкая организация труда, систематическое опытничество».

Непосвященному эти строчки ни о чем значительном не скажут. Разве что слова о больших урожаях тронут сердце горожанина. А ведь за ними стоит то, что иначе как Подвигом не назовешь.

Ведь они могли работать, как все. Никто не заставлял их недосыпать, забывать про еду. Только, наверное, человек, «предрасположенный» к подвигу, просто иначе не может жить. Борьба, творчество, поиск, ощущение радости своего труда или даже горечь поражения — это для него самая обыденная жизнь, самая обыденная работа.

Вернувшись от Мальцева, Баклыков сразу же решил поставить свой первый опыт, — посеять зерно без пахоты, по луцевке, — куда там!

— Стране хлеб нужен, Василий Данилович, — сказали ему в агроно-

мическом отделе МТС, — а ты со своими опытами.

— Да разве мы хлеб даем? Крохи. Больше наша земля может родить. Вдвое, втрое больше, — пытался убедить Баклыков агрономов. — Нужно только с ней как следует поработать.

— Мы, выходит, не работаем? Стулья протираем штанами? Короче, не разводи-ка, Василий Данилович, демагогию. Мобилизуй-ка лучше людей на досрочное окончание весеннего сева...

Без МТС и шага не сделаешь, вся техника в ее распоряжении. А лошадка ни луцильник, ни сеялку с места не сдвинет.

И все-таки умолил Баклыков механизаторов. Пролуцили они ему и посеяли около гектара. Но какое это было «опытное» поле! Не поле, а горе — огрех засоренный. И луцильники были не те, что следовало, и сеялки старые, дисковые. Недаром говорится: «Поспешишь — людей насмешишь». Так и получилось у Баклыкова с первым опытом. Если главное в земледелии — борьба с сорняками, забирающими без пользы драгоценную влагу и нарушающими плодородие почвы, то у Баклыкова вместо пшеницы вымахал такой осот, что и нарочно выращивай — не вырастишь.

— Ну, убедился? — спросил его директор МТС таким тоном, что стало ясно: никакого разговора о продолжении опытов быть не может.

Урожай в том, пятьдесят четвертом году, собрали всего по шесть центнеров с гектара. Крестьянину-единоличнику в свое время пришлось бы с сумой ходить. И кто знает, как бы все обернулось для колхоза и лично для его председателя, если бы не постановление состоявшегося в конце февраля 1958 года Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций».

Ничто так не возвышает человека в своих собственных глазах, как оказанное ему доверие. Баклыкову партия доверяла теперь и землю, и технику, и денежные средства. Она как бы сказала ему: «Теперь ты на земле самый главный хозяин. Теперь все только в твоих руках. Так смотри же, не подведи, не оплошай. Кому многое дается, с того больше и спрашивается».

— Ну, Вера, — сказал тогда Баклыков, — С чего начнем?

— С севооборотов, — не задумываясь ответила Вера Антоновна.

С институтской скамьи она твердо, на всю жизнь усвоила, что без правильных севооборотов, без чередования культур, плодородия земли не улучшишь, а следовательно, не поднимешь и урожайность. В колхозе же, по существу, не только севооборотов, но и полей-то, с агрономической точки зрения, не было. А уж о каком бы то ни было чередовании культур и речи не велось. Сеяли хлеб там, где вспахать успевали. Зерновые высевались по зерновым годами. Откуда же было взяться урожаю!

— Что ж, давай начнем с севооборотов, — согласился Баклыков. — Тебе и карты в руки...

Одно из полей, площадью триста пятьдесят пять гектаров, что сразу за околицей, сделали экспериментальным. И начались опыты, началась постигине творческая работа с землей...

Годы спустя Вера Антоновна скажет:

— Не знаю, получился бы из меня агроном, попади я в другой колхоз, в другие руки...

ГОД НА ГОД НЕ ПРИХОДИТСЯ

И меня начинает охватывать беспокойство. Дни проходят, недели, а дождя нет. В колос пошла пшеница,

вот-вот выбросят свои колокольчики овсы, а дождя все нет и нет. Хуже того — нет и нужного для развития растений тепла. Застя солнце, мыкаются по небу, как неприкаянные, серые тучки, обходят шуринские поля стороной и лишь изредка бросают нищенскую подачку — сбрызгивают землю, как по принуждению, только бы пыль прибить. И я, городской житель, который всегда хмурился при летнем дожде, жалея о чистом солнечном небе, стал замечать за собой обратное: смотрю вверх и моллю мысленно тучки сойтись и пролиться над Шуриной добрым дождем. Но тучки не внемлют, и на душе становится пасмурно.

А тут скотники оставили ночью без присмотра стадо, и предоставленные сами себе коровы зашли в овсы.

— Как же так получилось? — спрашивает Баклыков.

Пожилые мужики, ковыряя сапогами землю, молчат. Баклыков знает причину и потому, не дождавшись ответа, говорит прямо:

— После суточного дежурства у вас два выходных дня. Неужели не хватает времени напиться, чтоб на работе не прихватывать?

Пьяниц Баклыков ненавидит лютой ненавистью. Но заменить скотников некем. Они это знают и пользуются.

— За потраву взыщем сполна. Замерять сами будете?

— Да чего там... Замеряйте, верим...

Едем по овсяному потравленному полю, на которое жалко смотреть. Василий Данилович засекает спидометр, подсчитывает. Четыре с половиной гектара. Вроде бы и немного, а убыток. Взыщут-то со скотников деньгами, не зерном. А общую урожайность и на эти гектары придется раскидывать.

— Ну что за день! Вот и еще ру-

гаться придется, — вздыхает Баклыков и поворачивает машину к поросшему высокой травой логу, где пасется скот. — Позавчера еще видел, думал — случайно забрели, ничего не сказал. А оно видишь как...

Подъезжаем, выходим из машины, спускаемся в лог. Парнишка-пастух на лошади, в руках длинный кнут. Лицо виноватое, взгляд настороженный. Баклыкова, судя по взгляду, знает хорошо, и вину свою тоже. Он пасет стадо личных коров из соседнего поселка Прогресс.

— Здравствуй! — говорит Баклыков так, словно встретил хорошего старого знакомого.

— Здравствуйте.

— Сам пасешь или в подпасах?

— С дедом пасем.

— А где дед?

— Дома.

— А ты разве не знаешь, что на чужой земле пасешь? — спокойно, будто о чем-то совершенно постороннем, спрашивает Баклыков.

— Не-ет, — бега глазами, неуверенно тычет парнишка.

— Ваша земля там, за плотиной. А ниже уже нельзя. Эта трава колхоза имени Мичурина, — не повышая тона, объясняет Василий Данилович. — Фамилия-то твоя как?

— Зотов.

— А зовут?

— Александром.

— Ну вот, Саша... Давай договоримся, что здесь ты больше пасты не будешь.

— Так я и вчера вас видел, думал — можно, — явно хитрит подпасок.

— Ладно, не притворяйся. Парень ты уже большой, все знаешь и все понимаешь. Так что — договорились?

— Ага!

— А то ведь и так может случиться, что целый год бесплатно будешь

пасты, — на всякий случай, с едва скрываемой улыбкой, страшает «грозный» председатель. — До свидания, Саша!

Садясь в машину, я говорю:

— Я бы так спокойно не мог.

— А еще неизвестно, что лучше — накричать или спокойно поговорить. Мальчишка же. Когда кричишь — у человека вырабатывается обратная реакция, злая, и ничего хорошего из этого не получится. А так, думается, он все понял.

И мне пришел на память подобный же воспитательный разговор, еще по весне, когда мы с Василием Даниловичем стояли на крутом склоне возле сосновой рощи. Точнее, правда, будет сказать — возле будущей рощи. Ее посадили в семьдесят четвертом году. Засушливый ветер и знойное июльское солнце без единого тогда дождичка чуть не погубили нежные, не привыкшие расти на просторе крохотные сосенки. Поливали каждый саженец в отдельности. И выходили. Сосенки успешно перезимовали и теперь набирали силу, чтобы пустить первые ростки.

Из всех мест окрест Василий Данилович любит именно это.

Тишина здесь какая-то особая, радостная и веселая. Щебечут пичуги, насвистывают суслики, шелестят травы. Вид отсюда великолепен. Справа напротив — летняя молочная ферма, прямо — поливные пастбища, огороженные тонкими бетонными столбиками. А внизу — тихое и огромное по здешним масштабам зеркало пруда.

Пруд построили в семьдесят третьем году. Главная его задача — сохранить воду для полива. Но в пруд запустили сеголеток карпа и карася. Рыбачить кому бы то ни было строго настрого запретили. И вот мы увидели на косе под обрывом трех пареньков с удочками. Они тоже заметили председателя, но не сорвались, не

побежали, а степенно и не торопясь смотали удочки и стали подниматься по склону чуть правее нас.

Василий Данилович пошел им навстречу.

— Ну, здравствуйте, молодцы!

— Здра-асте, — нестройно ответили «молодцы», швыряя носами.

Самому старшему, высокому и плотному парню, лет шестнадцать. Он угрюмо, скобенившись, смотрел в землю. Отводил глаза от председателя и второй, худенький востроносый пацаненок с метр ростиком. Зато третий, круглолицый, с веселым хитрым взглядом и такой же хитровой улыбочкой, глядел на нас безбоязненно и отвечал председателю тоже не особо стесняясь.

— Рыбачили?

— Не-е, только пробовали.

— А вы разве не знаете, что ловить рыбу на пруду запрещено?

— Так то ж в прошлом году запрещали, а нынче никто еще не говорил, — в глазенках так и прыгают бесенята.

— Ох, Юрка-Юрка, я ж и в прошлом году заставлял тебя с удочкой. Забыл?

— Не-е...

— Вот, не забывай... Ну, а клевало?

— Не-е...

— А почему?

Ребята мнутя, не зная что ответить.

— Эх, вы, горе-рыбаки! Спит сейчас еще карп. И карась спит. Понимаете? Вода холодная. Вон еще забереги не растаяли. Рыбу надо ловить, когда вода в пруду нагреется до двенадцати градусов. А сейчас здесь делать нечего. Вы на чем сюда добрались?

— Пешком.

— Делать вам нечего, за восемь километров зазря по грязи топать.

Ну, ступайте... Да, вот что, рыбаки... Если захотите ловить для своего удовольствия, могу с вами договор заключить. Ловите сколько угодно, но рыбу сдавайте в колхоз. А вам, согласно расценкам, еще и зарплату начислю. Идет?

Ребята молча кивнули и зашагали прочь. Им надо было с километр пройти до плотины, да оттуда еще семь километров до Шуринки по весенней, размытой тающим снегом дороге.

Предложение председателя вряд ли пришлось им по вкусу. Одно дело рыбачить для себя, другое — для колхоза, хоть на этом и заработать можно.

Со стороны Салаирского края пробежал холодный ветер, взрыбил воду, и пруд стал похож на огромную рыбину с крупной чешуей.

— Пруд мы, конечно, не для рыбы строили, — сказал Баклыков, глядя, как и я, на завораживающую взгляд воду. — Рыба так, для порядку. Специально-то ею заниматься некому. А пруд без караса тоже не пруд. Кстати, думаю разрешить ребятишкам ловить удочками. Как считаешь?

— Конечно, надо разрешить. Выводят-то сущую ерунду, а воспоминаний потом — на всю жизнь.

— Ну, уж скажешь — на всю жизнь! — недоверчиво усмехнулся Василий Данилович.

Сам он ни разу в жизни не держал в руках удочки, не ходил в лес за грибами, не сиживал у вечернего костра с охотниками, отняв у себя тем самым немало простых человеческих радостей. А если добавить к тому, что и курить не пробовал, и больше одной рюмки в самой развеселой компании не выпивал, то может он показаться человеком односторонним, скучным, лишенным всех других интересов, кроме постоянных и неустанных забот о земле.

Ну, во-первых, это не так. Василий Данилович любит играть на гитаре и балалайке, в молодости устраивал даже концерты в клубе, а сейчас прямо-таки по-детски радовался, когда колхозники ко дню тридцатилетия Победы над фашизмом преподнесли ему современную электрогитару. Он живо интересуется международными отношениями, у него есть свой взгляд на литературу и искусство, хотя много читать не приходится — не хватает на все времени. Он наблюдает за жизнью птиц и зверьков, и знает об этой жизни немало. А, во-вторых, все-таки не в этой ли приверженности одному главному делу, умению не распылять себя, и кроется то, что мы именуем талантом? В данном случае — талантом земледельца.

Баклыков, мне кажется, и по сей день остался прежде всего учителем, воспитателем, постепенно, но настойчиво внушающим людям их великое предназначение на земле, которую им и только им предстоит холить и беречь. И еще талант Баклыкова видится мне в беспредельной, неохватной любви к этой земле, безжалостно отнимающей у него все время и мысли, в постоянном поиске нового, нужного ей и полезного.

Вся сложность сельскохозяйственного производства заключается в том, что, в противоположность промышленности, здесь фактически нельзя ничего точно спланировать. Планы, разумеется, составляются — и годовые, и на пятилетку. И колхозники делают все, чтобы их выполнить и перевыполнить, но... стоит задуть сухо-вею, не вовремя пройти дождю, просыпаться граду — и все расчеты летят в пух и прах.

— Двадцать восемь лет я здесь председательствую, — с затаенной болью говорил мне Баклыков, — и не припомню, чтоб хоть один год из них был в точности похож на другой. С

каждой весной приходится начинать жить как бы заново.

А легко ли это — жить заново?!

Вот хотя бы этот, семьдесят пятый год...

Всходы были отличные. Просто на зависть великолепные всходы. При хорошем июльском дожде — тридцать-сорок центнеров с гектара как пить дать. Но цыплят, как известно, считают по осени. А считать-то особо и не пришлось — с трудом взяли по одиннадцать с половиной центнеров зерна на круг. Правда, средний по области урожай меньше восьми центнеров, но кивком на соседа не оправдываются. Как же все-таки так получилось?

А получилось то, что не один и не два, а все «одиннадцать дождей» пролились над Шуриной за два летних месяца. Только дали-то они все вместе всего пятьдесят три миллиметра осадков. Поставьте на ребро спичечный коробок — вот и вся вам небесная влага. Конечно, если бы эти миллиметры пролились за один раз, завалился бы зерном колхоз, а когда вот так, по капельке, никакой почти пользы. Все равно что голодного накормить, разделив чашку наваристого борща на одиннадцать раз и давать по чайной ложке, да и то не каждый день.

И что тут ни говори, какие приемы ни применяй, какую систему ни разрабатывай, а для получения высокого урожая все же необходим хороший, пусть даже единственный среднеиюльский дождь. Еще К. А. Тимирязев говорил, что «для получения пуда зерна мы должны доставить растению, в круглых цифрах, 1000 пудов воды». Шутка ли!

Дождь пролил второго августа. Он мог бы стать неплохим, хоть и припоздавшим для хлебобобов дождем, если б не прихватил с собой в попутчики град. Более тысячи гек-

таров ячменя, овса, кукурузы — четвертая часть всей пашни оказалась побитой градом.

Второго сентября, когда готовились начать обмолот скошенного с пядисот гектаров ячменя и развернуть жатву на остальных полях, пошли мелкие нудные дожди. А колхоз, кстати сказать, по давней традиции привык сдавать хлеб государству в основном высшего качества, да и семена на будущий год нужны первосортные. И потому зерно здесь стараются выдерживать до полной спелости, равномерного созревания и низкого процента влажности. А о каком созревании, о каком проценте можно говорить, когда в воздухе жмарь и мокреть.

— Ну вот как сейчас поступить? — сам себя спрашивает Баклыков. — Обмолочивать и сдавать зерно рядовым или подождать погоды? А будет она, погода, или нет? Так ведь и сгноить хлеб можно. Хотя бы на неделю вперед знать.

— А метеосводки? — говорю я, и в ответ на ироническую улыбку председателя развожу руками: виноват, мол, глупейший задал вопрос.

На овсяном поле Баклыков вырывает пучок стеблей, растирает в ладонях колосья.

— Вот, смотри, что получается... Зерно почти спелое, а стебель зеленый. Впервые в жизни встречаюсь с таким явлением. И подгона никогда такого не видывал. Как, по-твоему, быть? Скосить сейчас? При такой погоде и солома в валках погниет, а зерно прорастет. Ждать? До каких пор? Какие таинства происходят сейчас в растении? Вот так нам, земледельцам, всю жизнь и приходится задачки решать. И чувствуешь себя порой первоклассником, начавшим только осваивать алфавит.

Я понимаю — Василий Данилович скромничает, притворяется таким

неумехой, попавшим в трудное положение. Положение-то и верно у него незавидное, ну, а что до задачек, так он их бесспорно решит, хоть и придется, конечно, поломать голову.

Ведь решили же в колхозе одну, самую для хлебопашца главную. Задача эта сводилась к накоплению влаги в почве. Без ее решения никак не удалось бы получать довольно приличные урожаи в самые засушливые годы.

«По образному выражению академика Г. Н. Высоцкого (1898) «Вода в почве и грунте с содержащимися в ней растворами есть настоящая кровь живого организма. Поэтому в почвообразовании режиму воды следует отводить первое место».

Эту цитату я выписал из диссертации Веры Антоновны Баклыковой. Диссертация называется: «Агротехнические приемы регулирования водного режима почв в степи Кузнецкой котловины». Вера Антоновна защищала ее 23 мая 1975 года на заседании ученого Совета агрономического и зоотехнического факультетов Новосибирского сельскохозяйственного института, порог которого она переступила впервые двадцать два года назад. Совет единогласно присудил колхозному агроному ученую степень кандидата сельскохозяйственных наук. Кстати, за время работы в колхозе Вера Антоновна закончила еще заочно Горно-Алтайский педагогический институт, получив диплом преподавателя естествознания и основ сельского хозяйства.

Защита диссертации продолжалась около двух часов. Работа над ней отняла у Веры Антоновны семнадцать лет.

Доктор биологических наук Сергей Сергеевич Трофимов, официальный оппонент диссертанта, в своем выступлении на защите удачно со- стрил:

— Диссертация, как мы видим, о воде, но воды я в ней не нахожу.

Я тоже прочитал диссертацию и тоже не нашел в ней воды, той самой «воды», которую частенько переливают из пустого в порожнее. Диссертация построена на подлинных фактах, конкретном материале, и если бы ее перевести на художественный язык прозы, то получилось бы отличный повествование о том, как шуринцы боролись за каждую каплю влаги, скудно, словно бы по талонам, отпускаемую небом этой безводной степи. В среднем за год здесь выпадает всего 340 миллиметров атмосферных осадков при постоянных иссушающих ветрах южного и юго-западного направлений. К тому же грунтовые воды залегают очень глубоко и смыкания их с влагой атмосферных осадков не происходит.

Прежде уповали только на небо. Даже академик Н. М. Тулайков в начале нынешнего века писал, что в засушливых степях «не земля родит, а небо».

Баклыковы задумали если не совсем, то хотя бы на какую-то часть сократить свою зависимость от небесной канцелярии... Надо только искать, искать и не сдаваться, пусть даже на первых порах результаты будут не очень обнадеживающими. Главное — верить, что победа придет, не может не прийти.

Я просматриваю таблицы, графики, диаграммы, говорящие сухим языком цифр и линий об этой победе, и думаю, как же рассказать обо всем этом. Ведь рассказать нужно о многом. И о том, как искали наиболее приемлемый для колхоза севооборот, как испытывали различные орудия обработки почвы, как выбирали оптимальные сроки сева, проверяли влияние минеральных удобрений, как внедряли безотвальную

пахоту, создавая свою, отличную от всех систему земледелия. И ушли на это не дни, не месяцы, а многие годы. И каким же нужно было запастись терпением, чтобы выдержать, устоять, не бросить на половине, когда к тому же к труду и поискам твоим относятся как к очередным «баклыковским чудачествам».

Подготовленную под посев землю привыкли видеть чистой, ухоженной, приглаженной — тогда, дескать, и сорняков не будет, и урожай полной мерой. А у Баклыкова поля стали — страшнее не придумаешь. И я представляю весь ужас в глазах тогдашнего начальника районного сельхозуправления, когда он, увидев весной поле, обработанное только дисковыми луцильниками, не паханное, похожее на несуразный ковер, сотканный горемастерицей, дальтоником от рождения, с торчащей из земли прошлогодней стерней, спросил председателя:

— И по такому-то, извините за выражение, полю вы собираетесь сеять?

— Да, именно по такому, — ответил Баклыков.

— К сожалению, я не в силах вам этого запретить — слишком много воли вам дали, — но... в общем... — он задохнулся, не сдержав гнева, сел в машину и уехал.

А заведующая районной контрольно-семенной лабораторией прямо заявила Вере Антоновне:

— За такую «операцию» вас снять с работы не жалко.

И не только «чужие» возмущались. Свои, доморощенные, механизаторы бросали оземь шапки и отказывались «угроблять» зерно. Уговоры не помогали, пришлось приказывать.

Но сказала свое слово осень. Мичуринцы собрали урожай значительно выше, чем в соседних хозяйствах. Нагоняя от начальства за «чудачества» не последовало. Механизаторы,

удивляясь, чесали затылки. И на следующую весну уже не спорили, строго выполняли все требования агронома, хотя на душе и скребли подчас кошки.

Да что там первые шаги! Уже когда прочно утвердилась система, молодому директору вновь организованного совхоза предложили поучиться у Баклыкова обращению с землей. Директор, не мудрствуя лукаво, прежде чем начать разговор в кабинете, решил сначала, так сказать, втихаря посмотреть на мичуринские поля. Заложил бричку и поехал кружным путем, минуя Шуринку. Посмотрел и, не заглянув в колхозное правление, вернулся домой. А тем, кто его посылал, заявил:

— Нет уж, дудки! Пусть такому безобразию учатся другие, а я не намерен. Глаз таких полей не принимает.

Что верно, то верно — глаз не принимает. Зато урожаи с таких вот «безобразных» полей чуть ли не в полтора раза выше, чем получали с прежних, «чистых»: стерня задерживает снег и способствует накоплению влаги в почве, а перепревшая солома — отличное удобрение. К слову сказать, совхоз, которым руководит тот же молодой директор, полностью принял шуринскую систему земледелия, благо почвенно-климатические условия у них почти одинаковы.

— А теперь все, значит, закончено? — спросил я Баклыкова, возвращая ему кипу таблиц и диаграмм.

— Что именно?

— Ну, опытничество, поиски... Ведь система земледелия уже сложилась...

Никогда я еще не испытывал на себе такого недоумевающего взгляда Василия Даниловича. Он словно бы спрашивал меня: «Ты что — нарочно прикидываешься или в самом

деле ничего не понимаешь?» Вслух же сказал:

— Земля — живой и сложный организм. Познать ее до конца одной жизни мало. К тому же, если бы человек мог сказать себе, что он сделал все и больше делать нечего, этот человек перестал бы жить. Нет, он бы, может, и жил, то есть существовал, но совсем в другом измерении, наподобие, как бы тебе сказать... клопа, что ли... А я еще хочу жить по-настоящему.

ЖАТВА

Какая она — жатва?.. Богатая? Золотистая? Обильная?.. Я никак не могу найти подходящий эпитет к этому слову. Потому наверное не могу, что сам смысл, заключенный в этом слове, не требует, не переносит даже никаких эпитетов, ибо в нем — сам корень жизни. Жить — жать. Поменяйте местами гласные, и ничего не изменится.

К жатве готовятся, как к рождению ребенка, загодя. Да оно так и есть — рождение! Рождение нового хлеба! Земля приносит людям свое потомство в виде золотящихся зерен жизни, потому как нет, не может быть человеческой жизни без хлеба.

Жатва!

Ее ждут и люди и машины. Еще зимой отремонтированные, поблескивающие на солнце степные корабли как бы мнутса нетерпеливо на просторном дворе механических мастерских, спрашивают: «Ну, когда же? Целый год ведь ждем работы, от скуки изнываем».

Василий Данилович и Вера Антоновна с рассвета до темноты — в поле. Не прозевать бы какой-нибудь подоспевший массив, тут каждый час свою роль играет. Проверяются зерноочистительные агрегаты, тока,

автоматические весы, зерносушилка...

Из районных организаций звонок за звонком: когда начнете уборку? Сводка горит, понимаете или нет?

Баклыков усмехается: пусть горит сводка, лишь бы урожай не сгорел.

Мне же приходится на память прошлогогодняя осень.

...Восьмой день стояла мокреть, не поспевали хлеба, тянулся в рост подгон, начал прорастать в валках скошенный перед непогодью ячмень, и бессильны были наука, техника, знания перед запоздавшим, никому не нужным и вредным сейчас дождем.

Мы с Баклыковым, как всегда под вечер, объезжали поля. Но на этот раз почти не разговаривали. Настроение у обоих было скверное. Ведь если дожди не прекратятся, если хотя бы на недельку не проглянет солнышко и не подсушит валки ячменя, пропадут многие тонны зерна. К тому же вчера Василий Данилович получил незаслуженный нагоняй за простой техники и людей. А куда ее пустишь сейчас, эту технику? Кутью в бункерах варить? Из зерна-то еще молочко выступает. Потому и на вопрос: — «А каковы планы на следующую пятидневку?» ответил довольно грубо — не от него, дескать, коммуниста, эти планы зависят, а от самого господ-бога. Ну, естественно, поцапались с одним из районных руководителей. Правда, тут же и помирились, но осадок на душе Василия Даниловича остался.

— Неглупые же люди, — говорил он мне с тоской, — все знают и понимают. И что от подобного разговора никому из нас легче не станет, и что жатву все равно начинать нельзя. Так к чему же на нервах играть, портить и без того испорченное настроение.

Мы едем мимо недавних кукурузных полей. Три тракториста обраба-

тывают землю плоскорезами. Баклыков замеряет глубину обработки, советует глубоко не зарываться. Потом останавливаемся возле небольшого, густо заросшего поля. Здесь была оставлена люцерна на семена. Но после детального и внимательного осмотра растений Василий Данилович с горечью произносит:

— Придется скосить на муку. Не вызреют семена, — и словно бы сам себя лишний раз убеждает: — Нет, не вызреют. Придется скосить.

Я тоже разворачиваю в руках крохотную зеленую спиральку, расковыриваю ногтем, вижу малюсенькое, совсем зеленое семя, взглядываю на хмурое небо и, будто я в этом действительно что-то понимаю, говорю:

— Где ж им вызреть... Можно сказать, одна завязь...

С семенами трав положение в колхозе неважное, да и не только в Шуринке, во всех колхозах области. Все никак не могут оправиться после критики травополя. А ведь уже десять с лишним лет с тех пор прошло. Нелегко восстанавливать в сельском хозяйстве однажды нарушенное.

— Это еще что?! — удивленно восклицает Баклыков, когда мы свернули к пруду.

Вдали, за логом, на полях соседнего хозяйства работали комбайны. Не один, не два — добрый десяток. Со стороны картина была великолепной: грузные машины на фоне густых облаков.

— Посмотрим?

Не дождавшись ответа, Василий Данилович переезжает лог по старой, начавшей обваливаться плотине, сворачивает вправо.

Из-под хедера комбайна ложатся на землю худосочные валки совсем почти зеленого ячменя.

Ближайший к нам комбайнер оста-

навливает машину, подходит, знакомо и приветливо здоровается с Баклыковым. Вскоре выключают свои агрегаты еще пятеро комбайнеров. Остальные четыре комбайна на дальнем участке поля продолжают работать.

— На зерно? — спрашивает Баклыков.

— На кутью, — нехорошо смеется один из комбайнеров. — Поминки по хлебу справлять.

— Чего ж торопитесь?

— А нам что, приказали валить — валим.

— Сам-то как на это смотришь?

— Да чего смотреть! Рано, конечно, убирать.

— Я тоже думаю — рано. До морозов еще далеко. Ни к чему бы спешить. Хотя, ребята, честно говоря, я и сам не знаю, спешить или обождать. И что завтра будет — солнце ли, град ли, снег ли вдруг в сентябре посыплет — не знаю тоже.

— А сами как — не косите? — интересуются комбайнеры.

— Что поспело — убрали. Пятьсот гектаров в валках лежат. Знать бы, что дожди зарядят, разве б скосили. А теперь приходится ждать погоду. Еще неделя такой мокрети — и погниет.

— Погниет, — соглашаются комбайнеры, смотрят искоса на свои валки и огромное, не скошенное еще поле недозревшего ячменя. — Сколько сейчас времени? Семь?... Можно, пожалуй, закругляться. А если прищучат — на Василия Даниловича свалим. Идет?

— Сваливайте, — смеется Баклыков.

На обратном пути нам встретился агроном из одного соседнего колхоза. Поприветствовались, поговорили, как водится, о том о сем, потом агроном спросил, не будет ли у Баклыкова

лишку семенного овса. Дам, дескать, все, что хочешь, любое зерно сдам за мичуринцев, только выручи. А то в будущем году сеять нечем будет.

— А у тебя что с овсом?

— Недозрелый скосили.

— Зачем же?

— А то не знаешь! «Зеленые на строения» и прочее... Дашь?

— Посмотрим. Не убирали еще. При возможности, конечно, выручу.

Все вместе зашли на шуринское овсяное поле, растерли в ладонях колосья. Стал накрапывать мелкий дождь. Небо от края до края в серых гнетущих облаках, только на западной стороне виделся едва заметный просвет.

— Как думаешь — пора убирать? — спросил Баклыков агронома.

— Подожди с недельку. Тебе подождать можно, — не без зависти ответил сосед.

— Вот двадцать восемь лет проработал, тогда и тебе будет можно.

Они рассмеялись, хорошо поняв друг друга.

А мне, признаться, было не до смеха. На мгновение мне они показались даже чужими этой земле, легкомысленными людьми. Ну, скажите, какой сталевар выпустит сваренную сталь прежде, чем она созреет, дойдет до кондиции? И ведь никакому, абсолютно никакому руководителю и в голову не придет поторопить его с выпуском, даже если «горит» план. А вот земледельцев поторопить можно, и не только поторопить — приказывать делать то, чего делать никак не следует. И случается, из-за этой спешки пропадают тысячи и тысячи тонн зерна, товарного и фуражного, силосуются недоспевшие травы, сдается на мясокомбинат неполноценный скот, зато не стоит на месте сводка о выполнении, движется, отражает... Но такая сводка не кормит — вот в чем дело.

И как же эта сводка влияет на психологию даже очень умных, разбирающихся во всех тонкостях своего дела людей. Даже на Баклыкова, который в общем-то никогда ради сводки ничего не делал.

Обычно он начинает сеять пшеницу 21—22 мая. А нынче пустил один агрегат шестнадцатого.

— Опыт ставишь, — спрашиваю, — или ранняя весна вынудила?

— Какой там черт опыт! И весна нынче такая, что раньше двадцатого сеять никак нельзя. Окружение подействовало. Словно кто в тиски тебя зажал и спрашивает: ты что ж, такой-рассякой, умнее всех оказаться хочешь? А ну как наоборот выйдет?

— Действительно, что ли, зажали?

— Да никто не зажимал и не нажимал. Обстановка такая сложилась. Какую газету ни развернешь — везде сеют, везде сводки. По радио тоже. Кто-то впереди, кто-то отстает, а я вроде как выключенный. Вот и поддался, так сказать, общему настроению. А надо было бы еще денька четыре подождать...

Нет, я не против сводок вообще. Наоборот. В нашем плановом хозяйстве оперативная сводка имеет немаловажное значение. Она необходима и для правильной организации труда, и для учета использования ресурсов, и для решения очень важных вопросов, связанных с дальнейшим планированием, распределением производственных сил и т. д. и т. д. Короче, сводка — зеркало любого производства. Глянул — и сразу увидел, где прыщик вскочил, а где какая морщинка появилась. Сводка, я бы еще сказал, это руководство к действию. Без нее любой, даже хорошо знающий свое хозяйство руководитель растеряется, ибо она успела войти в его плоть и кровь, стать доброй его помощницей.

Если это правильная и точная свод-

ка, отражающая истинное положение дел.

И сколько же она может принести вреда и ущерба хозяйству, стоит только ее подкрасить, одеть в модную и по обыкновению очень непрочную одежку.

И сколько же вреда и ущерба может нанести хозяйству руководитель, который судит о положении дел только по сводкам. Особенно это касается производства сельскохозяйственного.

Баклыков не спешит с уборкой, выжидает, когда нальется, полностью созреет зерно, и переубедить, заставить его косить нездоровый хлеб невозможно. И такое, по-крестьянски хозяйское отношение к жатве пришло к нему не с годами, не с опытом даже, оно, наверное, вошло в кровь его и плоть, когда видел мальцом, как отец растирает в руках колосья, пробует зерно на зуб, глядит на небо — не подведет ли погодушка, если еще денек-два обождать, пока зерно обретет необходимую твердость и ждать еще какой-то прибавки будет от него бесполезно.

Любопытен в этом отношении второй год его председательствования. 8 августа 1949 года районная газета в передовой статье писала: «Герой Социалистического Труда В. Д. Баклыков, говоря о подготовке к уборке, заявил: «К уборке урожая мы, в «Комсомольской искре», начали готовиться задолго до посевной этого года». Эти слова председателя подтверждены делом. Начиная с лопаты для перелопачивания зерна, до сушилки, имеющей пропускную способность 700 центнеров в сутки — все находится у них в боевой готовности. Колхоз выполнил два годовых плана по стогованию кормов и обеспечил высвобождение людей и средств на уборку».

Однако через десять дней тон газеты круто изменился. В передовой:

«В колхозе «Комсомольская искра» уборка ржи преступно затянута». В этом же номере под заголовком «Мокро-зеленое настроение» нашли «стрелочника»: «Комбайнер Колбаскин, работающий в колхозе «Комсомольская искра», стал на путь прямого саботажа в уборке ржи. Он убирать не убирает и от уборки не отказывается, а на 16 августа убрал всего 8 гектаров. 16 августа Колбаскин отправил свой трактор на обработку пара, а сам улегся около комбайна спать, мотивируя свой поступок «мокрым хлебом»...

Разумеется, стрела была пущена не в рядового комбайнера и, конечно же, не сам Колбаскин «отправил свой трактор на обработку пара», чтобы не простаивала зря техника.

В конце августа бюро райкома и райисполкома отметило «неудовлетворительную работу на хлебопоставках колхоза «Комсомольская искра» (пред. тов. Баклыков), выполнившего план хлебосдачи только на 1,8%.

А Баклыков ждал. Ждал погоды, ждал полного созревания хлеба, чтобы взять не ошметки, а полноценный урожай. И не ошибся. К пятому октября колхоз первым в районе рассчитался с государством по хлебу, собрав к тому же наибольший в районе урожай зерновых. И 19 ноября в газете был напечатан фотопортрет В. Д. Баклыкова и пространная заметка под заголовком «Колхоз высоких урожаев». А сколько ради сводки было потрачено нервов, сколько попереживал Баклыков, когда его чуть ли не силой заставляли убирать действительно зеленый и мокрый хлеб, об этом только он и знает.

«Поспешить — людей насмешить». Я ни разу не слышал, чтобы Василий Данилович произносил эту поговорку вслух, но мне кажется, что она — любимая его поговорка. Выступая однажды на отчетном собрании

соседнего колхоза, Баклыков сказал так:

— Гляжу я иной раз, как вы хлеб убираете и, честное слово, сердце кровью обливается. Включаете третью скорость, лишь бы гектары нагнать, а то, что половина зерна в поле остается, это вас, видимо, не беспокоит. Ну зачем, спрашивается, гнать комбайн, пускать его рысью, а то и галопом? Чтобы в сводке гектаров побольше было? Но ведь людей-то не гектарами, хлебом кормят...

Своим комбайнерам перед началом жатвы, собрав их в кружок, Василий Данилович каждый год говорит одно и то же:

— Главное — не гнать гектары. Подбирать валки нужно с особой тщательностью. И ни в коем случае не вести подбор от стебля. Только против колоса. Иначе потерь не избежать. Лучше сделать холостой ход. И копнитель не перегружайте.

Авторитет Баклыкова среди комбайнеров непререкаем. И не только потому, что он председатель, а председателя положено слушаться.

Произошло это в 1962 году. Урожай выдался неплохой, убрать его без потерь — и первое место в районе обеспечено. Но заработок комбайнеров исчислялся не столько от намолота, сколько от количества скошенных гектаров, и потому комбайнеров больше всего волновали гектары. А то, что немалая часть колосьев оставалась в поле, не очень-то их беспокоило.

Баклыков останавливает один комбайн, другой, третий, буквально тычет носом водителей:

— Это же хлеб, понимаете — хлеб! Его целый год выращивали, а вам, выходит, наплевать, в землю затоптать можно. Неужели нельзя пониже срез брать, чтоб не оставлять в поле колосья.

— Нельзя.

— Почему?

— Потому что в бункере не зерно, а одна земля будет.

— А ты скорость убавь, да не в небо, на землю смотри.

— Мы-то смотрим...

— То и вижу, как смотрите, — Баклыков нагнулся, подобрал пригоршню оставшихся после прохода комбайна колосьев, поднес их к запыленному, словно в серо-черной маске лицу комбайнера: — Так вот смотрите?

— А ты мне колосьями не тычь, — зло посмотрел на председателя обиженный комбайнер. — Тыкать каждый может. Ты вот сам попробуй сесть за штурвал, тогда я посмотрю, кого из нас тыкать придется.

Лишь на какое-то мгновение задумался Баклыков, все еще держа в вытянутой руке колосья. Потом бросил их, обмахнул ладони.

— Идет. Но чтоб не отставать. И уж тогда за потери буду взыскивать по всей строгости.

— Валай, председатель! Посмотрим, кто с кого взыщет.

На следующий день Василий Данилович встал за штурвал комбайна.

В районе всполошились. Председатель колхоза за комбайном?! Этого еще не хватало! Или деньгу зашибить решил сверх оклада? Опять зачудил, никак человеку неймется. Жатва жатвой, а кто хозяйством руководить будет?

— Можете снимать с председателей, а с комбайна, пока не закончим уборку, не уйду, — решительно отвечал на все к нему претензии Баклыков и, проведя ранним утром раскомандировку, вставал за штурвал комбайна и не слезал с него, пока не оставляли силы.

В первый день так с непривычки вымотался, что едва до кровати доплелся и заснул, позабыв про ужин. И от передовых комбайнеров приот-

стал, хотя на его полосе ни одного колоска не осталось.

— Если такими темпами убирать, как наш председатель, — смеялись вечером комбайнеры, — то до морковкина загоненья не управимся. А туда же... я да я... покажу... Вот и показал производительность... С такой производительностью на молоко, не то что на что-нибудь покрепче, не заработаешь...

Но уже на другой день им было не до смеха. Намолот у председателя оказался выше всех на пять центнеров с гектара. Сначала не поверили. Решили, что весовщик приписывает председателю лишние центнеры. Бегали, проверяли, подсылали своих «контролеров» — нет, все законно. И только до конца поверив, пришли с повинной: говори, товарищ председатель, как и что нужно делать...

Весь урожай в этот год был убран в срок и без потерь. Когда же подвели итоги соревнования комбайнеров, оказалось, что первое место среди них занял сам председатель, заработав за жатву 1371 рубль. И остальные дела в колхозе не пострадали. Но от заработанных денег Баклыков отказался, хотя правление и настаивало на оплате.

— Мне председательская зарплата шла, и достаточно. А вот доказать этим шалопаем, что можно убирать хлеб без потерь — доказал. И это для меня самая лучшая награда. Пусть теперь кто-нибудь скажет: ты вот сам, дескать, попробуй постоять за штурвалом.

Жатва в Сибири — пора, как везде, радостная, но тяжкая. Может поэтому жатву называют еще страдой. Редко выпадает, когда две-три недели постоит хорошая погода, чтоб можно было скосить и обмолотить хлеб без излишней спешки, нервотрепки, постоянной оглядки на небушко. И чем выше урожай, тем ре-

альнее угроза больших потерь. Не хватает уборочной техники, слишком велика нагрузка на комбайн. Баклыков, правда, обходится без посторонней помощи, наоборот, посылает несколько машин в отстающие хозяйства. У него восемнадцать комбайнов. Если считать по нынешним сибирским нормам, то с уборочной техникой дела у мичуринцев обстоят вполне благополучно. Но механизаторов не хватает. Комбайны в страду, конечно, не простаивают, а вот трактора стоят. Все комбайнеры в колхозе — трактористы. С одной стороны, хорошо — квалификация высокая, а с другой — некому обрабатывать освобожденную от жнивья землю.

Первым поспевает обычно ячмень. Урожай его на здешних землях чаще всего превышает остальные зерновые культуры. Но как же не любят убирать его комбайнеры! Колос у него щетинистый, колочий, и как ни берегайся, а в рукав и за воротник щетинки все равно попадут, и тело долго будет потом зудеть, пока не попаришься в хорошо натопленной баньке. Но никто, конечно, перед уборкой об этом не думает. Отмыться — пустяки. Главное — намолотить побольше.

— На втором поле ячмень подошел, — говорит на раскомандировке Василий Данилович. — Подсохнет роса и можно начинать...

Вряд ли есть картина величественнее той, когда начинается жатва. Широкое, окаймленное лесополосами поле. Десять—пятнадцать идущих в ряд комбайнов. Столько же следующих за ними автомашин. Светлое, с неярким уже осенним солнцем небо. Золото берез в лесополосе. Напряженные, со сведенными к переносице бровями, незапыленные еще лица комбайнеров. Растущая гора зерна на току.

Началась жатва. Страда началась. Хлеб пошел к людям.

ОТЦОВСКОЕ ПОЛЕ

Первое поле третьего севооборота... Второе...

Я уже понемногу начинаю отличать их друг от друга, знаю их месторасположение. На первом сейчас наливается не колкий пока, но уже ощетинившийся ячмень, на втором — прикрыла от солнца землю широкими листьями кукуруза. Лесополоса между ними тоже вся в сочной и яркой зелени. Порхают меж ветвей пичуги, мелодично потрескивают кузнечики. Совсем иной стала эта степь с тех пор, как сюда пришли первые поселенцы. «Эстетической» — так сказал о ней один агроном из группы экскурсантов, приехавших в колхоз высокой культуры земледелия за опытом.

Эстетика поля.. Лет пятнадцать назад это выражение вызвало бы ироническую улыбку у самого образованного колхозного агронома. А сейчас эстетика все шире и шире входит в обиход земледельца. И потому частая в колхоз имени Мичурина экскурсии, чтобы в самом прямом смысле полюбоваться на чистые, ровные, ухоженные поля, испытать при одном лишь взгляде на них чисто эстетическое наслаждение.

Помню, уже в 1966 году, когда мне впервые довелось побывать в Шуринке, поля мичуринцев завидно отличались от соседних отсутствием сорняков, дружными всходами, безупречно ровными строчками сева. И с тех пор Василия Даниловича постоянно донимают вопросом: «Как вам удалось добиться такой красоты?»

Василий Данилович обстоятельно рассказывает о тех агротехнических приемах, которые они вот уже два десятилетия применяют в колхозе, о сроках сева и методах обработки почвы, но под конец, чуть смущаясь,

обязательно добавит: «—Любить надо землю, товарищи. Женщина, как вы знаете, от любви расцветает. Да и любой человек. Вот и земля тоже...»

Любить землю... Любить человека... Значит, отдавать этой любви всего себя без остатка. Иначе какая же будет любовь?! На словах только, воображаемая.

Баклыков, смею утверждать, любит со страстью, с полной отдачей сил. И не только, конечно, Баклыков. Для всех мичуринцев нет ничего роднее земли, которую они берегут и лелеют, и земля отвечает им тем же.

Шутка ли—довести за девятую пятилетку среднегодовой урожай зерна до 20,2 центнера с гектара, увеличив его, несмотря на два засушливых года, по сравнению с восьмой пятилеткой на 4,3 центнера. А ведь до шестидесятых годов стопудовый урожай был чуть ли не пределом мечтаний. Для тех же, кто начинал распахивать эту степь, и пятьдесят пудов были рекордом.

Как-то, подумав о первых поселенцах, я спросил Василия Даниловича:

— Слушай, а ты мог бы показать, где была отцовская пашня?

— Конечно.

Баклыков подъезжает к старой, первых посадок, лесополосе, мы пересекаем ее, и перед моими глазами открывается огромное, в триста пятьдесят гектаров, пшеничное поле. Солнце стоит в зените, и пшеница кажется полинявшей. За день она несколько раз «меняет» свой цвет, то угасая, то вспыхивая яркой, лишь начинающей золотиться зеленью.

— Вот здесь, — говорит Баклыков.

— Все это?

— Ну, что ты, Одной лошадкой дай бог было гектаров пять—шесть вспахать и посеять.

— Видел бы сейчас это поле Данила Петрович, а?

Василий Данилович ничего не сказал, зашел в пшеницу, огладил, насколько позволила рука, мягкий пшеничный ковер. О чем он думал сейчас? Вспоминал ли отца с матерью, или раннее детство свое, когда бегал босиком по жнивью отцовской пашни? Или озабочен был мыслями сегодняшнего дня, прикидывая в уме, сколько даст это поле в нынешнем году? Не знаю. А я представил себе идущего за плугом мужика по прозвищу Данила, в холщевой домотканой рубахе, просоленной от пота, понурюю усталую коняку, узкую вспаханную полоску земли и тихий закат над бесконечной, до горизонта степью. Вряд ли могло когда прийти в голову Даниле, что меньшей его сын Васятка станет хозяином всей этой земли и что будут приезжать сюда с разных мест люди, чтобы поучиться бережному, любовному к ней отношению, и что сам директор опытно-показательной сельскохозяйственной станции скажет однажды своим сотрудникам: «Казалось бы, у нас должны учиться культуре земледелия, а мы вот вынуждены ездить к Баклыкову и у него настоящей культуре учиться».

— А Саша дедову пашню знает?— первым нарушил я затянувшееся молчание.

— Нет, не интересовался.

— Сам показал бы.

— К чему?! У него поле будет побольше, не десять десятин, а все пять с половиной тысяч гектаров.

— И тоже — отцовское.

— Выходит, так.

С Сашей, — а теперь уж, пожалуй, Александром Васильевичем Баклыковым, — первое мое знакомство было заочным. Просматривая старые протоколы заседаний колхозного правления, я наткнулся на решение от

24 июля 1963 года, по которому имя Саши Баклыкова заносилось на доску Почета.

— Сколько же тогда лет твоему сыну было? — спросил я Василия Даниловича.

— Четырнадцать.

— И чем же он в такие годы отличился?

— Телят пас в школьные каникулы. Получил хорошие привесы, на уровне лучших наших скотников.

Мне сейчас как-то трудно даже представить парнишку с кнутом, босяцкого, в подвернутых штанах, серьезного и озабоченного важностью данного ему колхозом поручения. Василию Даниловичу не нужны были заработанные Сашей трудовые, достаток в доме был полный, ему важно было воспитать, привить сыну любовь к крестьянскому труду, к земле, которую пахал еще его дед.

Вторично я встретился с Сашей на газетной полосе, где сообщалось, что «Саша Баклыков в 1972 году убрал 150 гектаров кукурузы и занял первое место по колхозу».

— Это он из института на практику приезжал, — прокомментировал Василий Данилович.

— А до этого на комбайне не работал?

— Нет.

— А как же...

— Ну, об этом ты уж у него самого спросишь, — с полуслова понял мой вопрос Василий Данилович.

Месяца через полтора после этого разговора я уже лично познакомился с Сашей. Он приехал в колхоз на преддипломную практику и работал мастером-наладчиком в тракторной мастерской.

Позже бригадир тракторной бригады Николай Егорович Гуров скажет мне о нем:

— Парень что надо! Толковый из него инженер выйдет. Я на своем

веку немало инженеров повидал. Командовать-то они все мастера, а коснись настоящего дела — и в кусты. Саша не отбывал практику, как нередко бывает со студентами, он работал, старался во все вникнуть, понять, до всего докопаться самостоятельно. Уже на что серьезная вещь — одноплунжерная аппаратура у трактора «Беларусь» — Саша за три дня ее наладил. А бывало по месяцу над ней бились. В общем, пока трактор или комбайн готовеньким в поле не выпустит — не отходит. Молодец, ей-богу...

— У меня с детства была страсть ко всяким механизмам, к «железкам» — сказал мне Саша. — Да и вообще мне кажется, что у деревенских мальчишек эта страсть почему-то больше развита, чем у городских. Мне, помню, отец купил велосипед. Я тогда в пятом классе учился. Так я, немного покатавшись, почти тут же его разобрал — узнать хотелось, как все это крутится-вертится. Ну и собрал, конечно, самостоятельно.

Я пользуюсь моментом и спрашиваю, приходилось ли ему работать на силосоуборочном комбайне до того, семьдесят второго года.

— Нет, — отвечает, — не приходилось.

— А как же сразу в передовики?

— Работали на совесть, вот и все. А машина сама по себе не сложная. Да и тракторист у меня был опытный — Василий Зиневич. Если какая поломка — подскажет, поможет исправить. А достаточно приглядеться, как и что, в следующий раз уже сам справишься.

В институт, если говорить по правде, Саша поступать не собирался. После десятилетки выучился на токаря и, вернувшись с военной службы, снова встал за токарный станок в колхозной мастерской. Влюбился в

сельскую учительницу Таню, женился. До института ли!

А тут в колхоз бумага пришла: есть, дескать, место для колхозного стипендиата в Новосибирском сельскохозяйственном институте. Желаете иметь своего доморощенного специалиста — выдвигайте кандидатуру.

И отец, и Таня, и Вера Антоновна скопом навалились на Сашу: учись! Натиск был сильным, не устоял, сдался и поехал на подготовительные курсы. После курсов на «отлично» сдал вступительные экзамены, только по одному предмету получил «четверку», проучился с месяц, забрал документы и вернулся в Шуринку. «Испугался городских трудностей», как он мне сам сказал. Не было общегития, заскучал по семье, которая к тому времени увеличилась на одного человечка. «Буду, — заявил, — работать шофером».

И снова пришлось убеждать, уговаривать. Нашли квартиру в Новосибирске, там же устроилась на работу Таня — и все наладилось. Учился Саша великолепно, на повышенную стипендию, и когда подошел срок выбирать тему для дипломной работы, он назвал ее, не задумываясь: «Орошение кормового севооборота в колхозе имени Мичурина Промышленновского района Кемеровской области».

Давно ли, кажется, шуринцы искали воду, чтобы себе и скотине вдоволь напиться. Кстати, хранитель и хозяин воды в Шуринке, моторист водонасосной станции Иван Иванович Кокарев с гордой деловитостью показывал мне обширное свое хозяйство: две закольцованных артезианских скважины, водонапорную башню, мощные насосы. Водопровод проведен в каждый дом, на фермы, в мастерские, гаражи, школу — в среднем Шуринка потребляет три-

ста кубометров воды в сутки. Зимой большую ее часть забирает молочная ферма, летом — огороды. Колхозники за воду не платят — пользуйся в свое удовольствие, принимай хоть каждый день душ или ванну, если имеются.

Но одно дело — вода для личных нужд и общественного стада, и совсем другое — для полива нескольких сотен гектаров. Вспомните: «для получения пуда зерна мы должны доставить растению, в круглых цифрах, 1000 пудов воды». Где ж ее взять столько? Никакие артезианские скважины не помогут. Только приличное водохранилище может выручить. И колхоз решил переродить плотиной овраг, образовавшийся вдоль русла речки Окуневки.

Вроде и невелика штука — плотина, давно бы соорудить пора, но у колхоза дыр столько, как в иной многодетной семье: то ли младшенькому ботинки, то ли старшенькому портфель. А плотина не пятнадцать рубликов стоила — все шестьдесят девять тысяч обошлась. Да система орошения с трубами и дождевальными установками — еще двести тысяч. И если бы основные расходы не взяло на себя государство, то и по сей день вряд ли переливалось бы радужными бликами зеркало пруда, вмещающего двести сорок тысяч кубометров воды. Никак не одолеть бы колхозу такую махину собственными силами.

Водоохранилище это могло бы быть значительно большим, но проектировщики либо слишком перестраховались, либо просто, как говорится, прошляпили, не приняв во внимание рельеф местности, и значительная часть берега осталась «неработающей». Поднять плотину хотя бы на два метра — и в полтора раза увеличился бы объем водохранилища. А

это прибавка урожаю немалая. Но теперь кулаками размахивать поздно, дела уже не поправишь, ведь вместе с плотиной построены водоспускные сооружения, их переделка дороже новой плотины обойдется. Ошибка исправится при проектировании второго пруда-водохранилища. Высота плотины будет уже не шесть, а одиннадцать метров, и вмещать он будет около миллиона кубометров

воды. За вторым намечается строительство третьего...

Будущее в засушливой этой степи за орошением. Вот почему Саша, простите, Александр Васильевич Баклыков избрал его темой своей дипломной работы. И потому, что он избрал именно эту тему, мне думается, он, как и его отец, намерен жить и работать на этой земле, пока достанет сил.

Кузбасс в десятой пятилетке

● На дальнейшее развитие угольной промышленности Кузбасса в десятой пятилетке предусматривается вложить около двух миллиардов 300 миллионов рублей.

Будет завершено строительство крупнейшей в Советском Союзе шахты «Распадская», войдут в строй Новоколбинский и Сибергинский разрезы. Развернется освоение нового — Ерунаковского — угольного месторождения. Здесь будет создана мощная строительная база, начнется строительство нового шахтерского города и крупных угольных предприятий.

В десятой пятилетке горняки Кузбасса призваны поднять добычу угля еще на 25 миллионов тонн и довести ее до 162 миллионов тонн в год. Это — почти четвертая часть прироста добычи угля всей страны.

А весною наш городок
Деревенским приметам подвержен.
Так же в воздухе чуешь: дымок
Огородный чуть слышно подмешан.

Горожанин уже по нутру,
Но не чужд и крестьянской повадки,
«Частный сектор» сжигает ботву,
Поднимает просевшие грядки.

Нависают балконы над ним,
Под асфальт палисадник упрятан...
Окунается облако в дым,
Проплывая над химкомбинатом.

Скоро, скоро закончится снос,
И простишься с крылечком покатым,
Вон скворечник с собой перевез
Новосел, поселившись на пятом.

Скоро вырастет наш городок.
Поспевают балконные грозди!
По весне огородный дымок
Не встревожит ни чувства, ни ноздри...

И во все понесется концы
«Личный транспорт» — от здания к зданию!
Только вот, прилетят ли скворцы?
Я пока — что не знаю.

Увидеть землю

Как ощутима неизвестность
На грани лета и зимы!
Вот рек весенняя надтреснутость!
Вот жуть осенней тишины...

Аэропорт забросит в небо.
И время года — ни при чем.
Над облаками солнце слепо
Горит негреющим лучом.

Но где-то меж землей и небом,
Грань начиная ощущать,
Нам напряженно, каждым нервом
Нельзя не ждать и не мечтать

Увидеть землю под собой!
Как будто вырваться на волю!
И полюбить наш шар земной
Безумной первою любовью!

Как хорошо бежать по лугу
Напропалую босиком
И, повстречавшись, словно с другом,
Поцеловаться с родником!

И пульс у веточки потрогать,
Прикосновением руки,
И окаменевать по локоть,
Когда нам, хитро так, с реки
Подмигивают поплавки...

Как хорошо — откинуть варежки
И новогодние снежки
Бросать по шубкам удирающим!

И с гор, где ели онемели,
Вскочить в лыжню наискосок,
Чтобы от скорости летели
Из глаз слезинки на висок.

Ввалиться в дверь — мороз
не маленький, —
Вон иней на лице еще,
И веником почистить валенки:
— Ну здравствуйте!
Как хорошо!

Мне весело живется!
А почему бы нет?
Скажу — и улыбнется
Мне женщина в ответ!

Забуду все печали —
От слов, как от вина,
Глазами и плечами
Хохочет вся она!

А там, совсем вначале —
У детского окна,
Меня с утра встречали
И тополь, и сосна.

И потому случалось,
Что в жизни мне везло:
И женщина смеялась!
И дерево росло!

Песня о счастье

Женщина пела о счастье,
Маленький сжав кулачок.
Неограниченной власти
Тоненький был голосок.

Словно в присутствии зала,
По-волшебству,
Щедрой рукой окунала
Голые ветки в листву.

И раздавала охапки
Нам соловьев под листвою —
Словно боялась: ах, как бы
Ей не осталось самой!

Пела свободно и жадно,
Перезабыв обо всем,
Так утоляется жажда —
Ртом и лицом под дождем!..

Песенка, веточка, птица!
Сжат добела кулачок.

То ли от счастья искрится,
То ли слезинкой зрачок.

Что же ты сразу погасла
Вслед за струной...
Словно припомнив, что счастье
Не повстречалось самой.

Стихи о новом жилом районе в городе Кемерове

Каждым утром
Без заминки,
Стаи кранов осветив,
Там, где вырос жилмассив,
Солнце из-за Искитимки
Начинает новый день!
Вот двенадцатитажный
Дом с макушки сбросил тень,
И стряхнули с ветки каждой
Воробьи ночную лень.
Значит, дрыхнуть — бесполезно!
Шторой смята полутьма,
И панельные дома
Выдыхают из подъездов
Озабоченный народ.
И уже на остановке,
Нарушающих черед,
Молодых,
На локти ловких,
Общество во всю клянет,
Набиваясь до отказа!
И троллейбус в кулаках
Держит провод в облаках!
Жизнь пошла — разнообразно.
Так что нынче,
По старинке,
Даже боже упаси,
Думать о Заискитимке
Только с кладбищем в связи...
Что ни год — микрорайон.
Что ни день — то новоселье.
Мы теперь чуток с похмелья
Так вот, значит, и живем!

Общежитие

...и когда я уже собирался заснуть,
Веки сном наливались свинцово,
Вот тогда-то, на локоть опершись

чуть-чуть,

Я обидел товарища словом.
Он обиду в невидящий спрятал прищур,
Он сказал так подчеркнуто вяло:
«Я такое тебе никогда не прощу», —
И уснул, натянув одеяло.
Поделом мне досталось.
Я выключил свет,
По холодному полу прошлепав.
Но заснуть, как обиженный мною сосед,

Все никак не давало мне что-то.
То весь наш разговор повторялся в уме,
Забвтью создавая преграду,
И таким монологом блистал я во тьме? —
С красноречием не было сладу.
То я слышал, как долго ругался вахтер,
Неспеша расправляясь с замками.
А потом, оглушая ночной коридор,
Кто-то бухал дневными шагами.
Я в потемках из носика чайника пил.
А под утро заснул бронебойно!
...Как ни в чем не бывало меня разбудил
Мой товарищ, обиды не помня.

Кузбасс в десятой пятилетке

● Согласно постановлению Совета Министров СССР «О мерах по предотвращению загрязнения бассейна реки Томи неочищенными сточными водами и воздушного бассейна городов Кемерово и Новокузнецка промышленными выбросами», в Кузбассе развернулась большая работа по охране и оздоровлению окружающей среды. В минувшей пятилетке на эти цели было затрачено 150 миллионов рублей. Построено и реконструировано 520 газоочистных и пылеулавливающих установок, 150 сооружений по очистке сточных вод.

В десятой пятилетке эта работа приобретает еще больший размах. Будет сооружено 126 крупных очистных комплексов, 27 водоочистных систем 78 газо- и пылеочистных установок, создано 20 санитарно-защитных зон. Намечены меры по резкому сокращению вредных выбросов мелкими предприятиями и организациями.

Важным фактором для улучшения состояния водной артерии Кузбасса — реки Томи явится сооружение крупного гидроузла в районе Крапивина. Его строительство включает плотину с гидроэлектростанцией и создание крупного водохранилища, что позволит зарегулировать сток воды Томи и благоприятно скажется на ее чистоте.

На охрану внешней среды в десятой пятилетке намечается затратить более 600 миллионов рублей,

РОДНЫЕ СТЕНЫ

рассказ

Еще каких-то пять-семь лет назад мне, студенту, возвращавшемуся на каникулы в родительский дом, приходилось выходить из поезда на станции Проектной и добираться пешком.

Иду, бывало, вприпрыжку по некоему лугу на рассвете — белый туман начинает подниматься от земли, роса, как зеленая ягода крыжовника, повисла на овсянице. Протуюжь ногой по траве — и осыпаются тяжелые росные ягоды. Пройдешь метров сто, оглянешься, а за тобой темно-зеленая полоса осталась: кругом трава белесая от росы, а я посбивал капли на землю, попримял овсяницу с белыми кашками да диким луком...

Можно и не мочить ноги, пойти по широкой выбитой дороге, но это вдвое дальше.

Туман хоть и поднимается от земли, а встречного пешехода в десяти шагах не видно. Только задумаешься над тем, что сессию можно было получить закончить, а перед тобой уже выросла фигура, похожая на тень. Такой же удалый и скорый шпарит через луга на станцию, боясь опоздать к поезду. Едва успеваем разминуться. И уж потом, пройдя в разные стороны по нескольку шагов, оглядываемся. И тот издала спрашивает, стора от нетерпения получить подтверждение:

— Это 167-й прошел?

— Да, он самый.

И снова каждый в свою сторону. Вообще тут где-то слабо обозначена тропинка — ее пробивают весной и к осени, — но разве разглядишь по такой траве. Каждый ориентируется больше по памяти.

Еще две-три пробежки спортивным шагом, и ты выходишь на узкоколейку. Хорошего тут тоже мало: шпалы неравномерно разложены по насыпи. Нога то и дело попадает между ними, ты спотыкаешься, как дряхлый ослепший конь. Зато идешь по сухому. Ноги в промокших ботинках как будто стряхивают с себя мокрый холод, блаженствуют.

Только успеешь оценить все преимущества узкоколейки, как в тумане показывается мост через Иню, с перилами по левому краю.

Давно он существует, этот мост, с самого моего детства.

Осторожно ступаю по дощатому настилу. Туман у самой воды, туман над головой. И кажется, что ты на стометровой высоте. Даже голова слегка кружится. И на самом деле смельчаки ныряют с моста в речку. Только подальше от сруба, чтобы не разбиться о старую, скрытую в воде сваю...

Мост кончается. Но я всматриваюсь вдоль линии: там, в тумане, маячит человеческая фигура. «Кто-то на станцию торопится», — говорю я себе, а сердце отчего-то колотится, ноги, руки немеют, не слушаются.

Собственно, я не боюсь, ну а что, если... Несколько секунд сомнений и — бережливого бог бережет! — сворачиваю в кусты.

Тропинка, местами не просыхающая все лето, виляет по зарослям черемухи, калины, шиповника. То выведет на луга, то снова заведет в кустарник. А если считать по линии, то прошел не больше ста метров. Выхожу опять на линию и останавливаюсь. Внимательно смотрю в сторону моста и никого не вижу. До сада берет, разочарование. И уж совсем собираюсь повернуться спиной к злополучному мосту, как вижу: из кустов, только с другой стороны насыпи, выходит человек и тоже внимательно смотрит в мою сторону. У меня отлегают от сердца, я успокаиваюсь...

Минут через пятнадцать покажется водокачка — она стоит на озере. А еще столько же пройти, и начинается наш поселок. Весной, в пору цветения, ходить этой дорогой — большое удовольствие...

Теперь я не доезжаю до своей станции. Выхожу в городе, сажусь в автобус и по асфальту подъезжаю почти к самому дому. Здесь, за нашими огородами, выросла шахта.

Спускаясь с пригорка, посматриваю на крышу своего дома. Обычно зимой по белому дыму из трубы я узнаю, встала или нет мама. А сейчас все тихо, мертво, ничего не говорит мне о жизни в доме. Хорошо, хоть он еще стоит на месте...

Из проулка выхожу на улицу и держусь ближе к ограде, чтобы поскорее заглянуть в окна. Дом наш второй с краю, и я иду, ни на секунду не выпуская его из виду. В окнах темно. Синяя краска на распахнутых ставнях начала шелушиться. По-прежнему первыми встречают

меня четыре куста ранеток, на которых уже отливают багрянцем мелкие, но яркие ягодки. Сердце начинает радостно колотиться, я ускоряю шаг. Нетерпеливо, но так, чтобы не встревожить маму, стучу в дверь веранды. Веранда как-то жалостливо перекосилась, в ней не хватает трех стеколышек.

Скрипит дверь, по скрипучим половицам слышу шаги мамы. И вот она сама стоит передо мной: желтоватое лицо с продольными морщинами на лбу, чуть припухшие после сна веки, черные, без седины, волосы.

— Ой, сыночка!

Какое-то время она вроде еще не верит, что перед ней стою я.

— Здравствуй, мама! Приехал вот к тебе...

Вот он, родительский дом. Потрескался, ссутулился, будто припал на задние лапы. Под ним отработано два угольных горизонта, два пласта. Две посадки выдержал дом, собранный из крепких стоек.

Знакомо затрещали разламываемые надвое лучины. Вспыхнула спичка, и в топке замельтешило пламя. Вскоре шумовка пробороздила по дну цинкового тазика с углем. С трепетом запылали искристые угли. Весь год — зимой и летом — мама готовит на печке: как-то электрические приборы не вошли в ее обиход. Для лета в ограде сложена маленькая печечка, но и ею она пользуется нечасто.

— Ложись-ка, сынок, поспи немного. Небось, устал с дороги. А я тем временем чего-нибудь спроворю.

Отдохнуть бы теперь не мешало, да разве уснешь!

В большой комнате прежний порядок: посредине круглый стол под белой скатертью, у стен железные кровати — одна моя, узкая, другая, двупальная самодельная, когда-то

принадлежавшая братьям. В правом углу на массивной тумбочке — радиоприемник «Восток-57», а у перегородки широкий гардероб — детище 50-х годов.

— Митька Малыгин говорит, что через два года еще раз будет посадка, — кричит мне мать с кухни, — тогда сдам уж дом, отступлюсь...

Я не отзываюсь. Большая койка одной ножкой провалилась в угол, накренилась. А ведь дом простоял всего двадцать лет. Другие сдали свои дома еще после первой посадки. Шахта оплатила полную стоимость.

— А почему ты не сдала тогда, в последний раз?

— Документы оформила, да все раздумывала. А теперь уже время давно прошло — не примут...

Знаю, о чем раздумывала. Да и что время прошло — плохо скрываема хитрость.

— Ну, что тут у вас нового в поселке? — спросил я просто так, не надеясь услышать ничего интересного, скорее обычное: да все по-старому.

Мама немного помедлила.

— Маша Сорокина померла в мае. Помнишь ли, все по дворам ходила? То милостыню просила, то картошку копать нанималась.

— Как не помнить!

— Из ее лоскутков да тряпок восемьсот рублей натрясли.

— Да-а...

— Гришу Тренко схоронили. Дочки-то как убивались у гроба! А жив был — отцом стеснялись назвать. Вишь, неродный-то был...

Я помнил этих людей, многое знал об их жизни, но мне не хотелось ничего уточнять. Печальные эти новости. А маму в ее семьдесят два года это волнует больше всего. Немало пережили старики, теперь бы в самый раз отдохнуть, — так нет, все, кончилось...

В это время тихо, вкрадчиво и оттого неожиданно в дверях появилась соседка Дарья.

— Ой, — сморщила она и без того морщинистое лицо, — Сергунька наш приехал!

— Здравствуйте, тетя Даша! — поднимаюсь я к ней навстречу, пытаясь обнять и поцеловать в щеку.

Она с напускной веселостью смеется и настойчиво отворачивает лицо в сторону.

— Ой! Да она не любит целоваться, — не то поясняет, не то сердится мама. — Все еще покуривает и тается ото всех.

Мама говорит, отвернувшись к печке. Иначе глуховатая Дарья поняла бы все по губам.

— Один, без семьи? — спрашивает соседка, и ближний ко мне левый глаз с маленьким белым пятнышком на зрачке жалостливо ждет ответа.

— Да вот, — говорю, — проездом, в командировке я.

— У-у-у, в раскомандировке... — понимающе-разочарованно в нос мычит Дарья.

— Ага, прямо по-твоему, — ворчит без всякой злобы мама.

— Ну как вы тут живете, тетя Даша?

— Вот так! — проворно вздернула она большой палец вверх. — Леслив и осерчаем когда с Алексеевой, дак помиримся. И опять душа в душу.

Откуда она появилась в нашем поселке, не знаю, мал был, но только хорошо помню, что ее глухоту долго не замечали. Но однажды после войны встретившийся знакомый мужчина спросил:

— Сколько времени? Столовая открыта?

Дарья была занята своими мыслями и обратила внимание на мужчину в последний момент...

— Ши да каша, — бойко и уверенно ответила она.

С тех пор и схлопотала она себе кличку: «Глухая тетеря». Возможно, тогда это было самой отличительной чертой ее, потому что Даш в поселке было много, и когда говорили «Даша глухая», все знали, о ком идет речь.

— Проходи, Дарья, садись, что ты у порога жмешься, — приглашает мама, и соседка, расстегнув фуфайку, садится на койку, на которой спит мама.

Я смотрю на ее глаз, пораженный едва приметным белесым пятнышком, и мне становится неимоверно жалко эту семидесятилетнюю женщину с углисто-черным лицом, которое избородили морщины.

— Сними фуфайку-то, жарко, — опять обращается к ней мама.

— Ниче-о, — отвечает Дарья, — жар костей не ломит.

Сколько я знаю, она с фуфайкой не расстается ни зимой, ни летом. Возможно оттого, что мерзнет, а может, стыдится показать свою худобу.

Я сходил за перегородку и вынес валенки.

— Вот, — говорю, — вам с мамой привез обещанное.

— О-о-ой! Гли-ко, пимы нам к зиме прибаровил! — Она засмеялась немного натянуто, но я видел, сколько было у нее неподдельного желания отблагодарить меня хотя бы чрезвычайным удивлением, безмерной признательностью и своей добротой.

— Теперь мы проживем с тобой. Алексевна...

Дарья осмотрела оба валенка со всех сторон, померила, сказав «аккурат», и поставила их у кровати. С валенками было покончено, и Дарья принялась за новости. Она не любила молчать, все время что-нибудь да рассказывала, точно без ее ведома

в поселке ничего не могло произойти. При этом характер речи ее менялся много раз. Если ей возражали, то голос был громкий, если слушали молча, то она принималась повторять все сначала в другом варианте с ньюансами и своими комментариями. А начинала свой рассказ, как и все глухие, тихо, доверительно и не настаивая на своем мнении.

— Хроська Брызгина привела свою Гальку домой. Говорит, что ты будешь мучиться, гнуть спину на стариков? Валерка отслужится, тогда видно будет. Да-а... Андрей ругается: «Отведи ее назад, не смей деревню». Да-а...

— Ой, Дарья, опять сама придумала! — смеется мама.

— Что ты, Алексевна, вот те истинный Христос!

Дарья сильно хочет, чтобы ей верили. Но она всегда врет.

Случается, женщины, собравшись вместе, начинают ее уличать во лжи. Тогда она фыркает носом и бросает им обвинение:

— Вы тут как сплетались, так и сплетайтесь! — И хлопает дверью так, что косяки трещат.

Два дня бродит по улице, никого не замечая. И когда она уходит в такую вот глухую защиту, то голову носит понуро, чуть ли не под фуфайку ее засунет, и не глядит по сторонам.

А потом, когда отойдет сердце, прибежит, как будто ничего и не было:

— Пойдем-ка, Алексевна, покупай пиво. Никак не пойму, чего ему еще не хватает. Да-а... кислит.

Алексевна всегда была для нее авторитетом, и Дарья подражала ей во многом.

...Мама тем временем приготовила завтрак и стала подавать на стол. Запереживала, запереживала, заоха-

ла: бутылочки не прибереглось к случаю.

— Дарья, — спрашивает она, — там у тебя ничего не завелось?

— Нету, Алексевна, сухо все. Зятек приходил позавчера, все подчистил. Да-а... Леслиф было, жалко, что ли.

— Хоть и есть, — не скажет, — незлобиво ворчит мама, веря, что у Дарьи ничего нет. — Хитрая стала... На гору сходить бы, вчера оттуда несли беленькую...

Я начинаю отговаривать:

— Да не надо, мама. Рано ведь. Я немного посплю.

— Ну, ладно. За хлебом пойду, дак возьму уж для свиданья... Сними фуфайку-то, Дарья, завтракать будем.

Дарья снимает фуфайку, одергивает черную в красных цветочках кофточку, приглаживает седоватые, выsekшиеся волосы и озирается. У нее сейчас такой вид, будто она стоит голая. Украдкой взглянула на фуфайку и пододвинула стул к окошку.

— Ладно, — подмигнула она, и добавила еще кивком головы, — апосля мы че-нибудь придумаем.

...Сон мой был прерывистый и нервный. Сколько лет уж пытаюсь приучить себя спать днем и не могу. Даже когда работал в шахте, после ночных смен спал плохо, мало.

Намучившись в жарко натопленной комнате, я открыл глаза и резко встал: уж лучше пойти на огород да чем-нибудь полакомиться, как когда-то в детстве. Сна все равно не будет, а просто так лежать — утомительно.

— Неужто выспался? — удивилась мама.

— Жарко очень.

— А ты бы одеяло на ту койку перебросил да покрывало взял.

— Теперь уж все равно. Впереди ночь.

— В честь тебя ли, че ли, пиво привезли к комбинату. Не поленишься, дак сходи — народу мало.

— Схожу, прогуляюсь.

Я причесался после мытья, накинул пиджак и, взяв приготовленную трехлитровую банку, пошел к двери.

— А деньги-то! — спохватилась мама и протянула мне кошелек.

Я остановился перед ней и снисходительно, может даже слишком снисходительно, сказал:

— Не надо, у меня есть.

Маме стало неловко, она засмузилась:

— Галстук-то, сынок, почему не одеваешь?

— Да как-то неловко форсить в своем поселке. Еще подумают: хочу пижоним выглядеть.

— Понапрасну ты это втемяшил себе. Наоборот, пусть посмотрят, каким ты стал в городе.

Я усмехнулся и, кажется, обидел ее этим.

— Покойничек таким же был, не этим будь помянут, — сказала она, отвернувшись к печке. (Милая моя мама! Как ей хочется погордиться мною...).

У комбината, как всегда, были люди. (Я до сих пор не знаю, как называют здание шахтоуправления с конторками участков, мойкой и залом для заседаний в других местах, а у нас это — именно комбинат. Зимой тут бывают даже танцы.).

Все та же желтая краска с фасада, лозунги на красной материи, а вот название шахты сменилось. И, видимо, к лучшему. А то ведь сколько было этих «Полысаевских», и никто никогда не знал, почему они так назывались. Наша стала именоваться — «Кузнецкая».

У парадного подъезда я заметил соседа Митьку и в знак приветствия поднял руку.

— Здорово, — сказал он сухо и мрачно. — В гости приехал к матери?

— Так, проездом заглянул на два-три дня.

— Ну, хорошо, — так же сухо произнес сосед, и я сначала не мог сообразить, что именно хорошо. Что заехал или что всего на три дня. Но после паузы он пояснил свою мысль: «Сегодня аванец должны дать»...

Значит, кстати угодил...

Пожилой мужчина, стоящий рядом с нами, спросил: «Не знаешь, всем будут давать?»

— Подземщикам только, — ответил Митька. — Вашему ЖКО — в понедельник.

— В понедельник? — переспросил мужик, прищурившись и изучая Митькино лицо. — Так они нам все выходные сорвут.

Мужики громко засмеялись, разряжаясь от томительного ожидания неопределенной участи, которую готовили им на сегодня в расчетном столе.

Один вопрос все не давал мне покоя, и я захотел его сейчас же разрешить:

— Слушай, Митя, когда будет очередная «посадка»?

— Как Красноорловский пласт начнем брать. Не раньше 77-го года.

— А-а-а...

— Это будет последний шанс. Тут уж придется обязательно сдавать свои дома, — разъяснил Митька, словно читая мои сомнения. — Больше ловить нечего: все перекорежит...

Я хотел уточнить еще один момент, но выбежавший на крыльцо мужик заорал:

— Митька! Ты что чухаешься? Пошли деньги получать.

Митька, направляясь к мужику, по-доброму взглянул на меня, точно от души пожал руку, и сказал: «Приходи вечером».

Я направился к пивной бочке, что стояла у двухэтажной столовой.

Наш шахтерский поселок был когда-то большим и населенным. Теперь он разорван в клочья, разбросан малыми островками на десять километров в округе.

Со мной здоровались те, кто знал меня как сына тети Нюры и выходца из того старого поселка. Они тут пережили разные встряски, хватили лиха, но совсем не так, как я, в своем неизвестном для них, далеком университетском городе.

Все они — и молодые, и постаревшие — были немножко сумрачные, с черными ресницами и темными дугами у глаз: угольная пыль каждый день набивалась у глазниц мрачноватой тенью, и ее уже не могла смыть никакая мойка даже за неделю.

Мне было неловко за свою белую рубашку с накрахмаленным воротником. Я охотно отдавал свою банку «беспосудным» мужикам, вышедшим со смены, терпеливо ждал, когда они опростают ее и передадут новой группе подошедших мужчин, словно искупал свою вину перед ними за то, что покинул их тринадцать лет назад...

Когда я, наконец, вернулся домой, мама удивилась, что «так скоро убежал народ». Поглядев в окошко, сказала:

— Опять куда-то Дарья потянулась. И не глядит в нашу сторону.

Соседка действительно шла по улице важно, сосредоточенно глядя вперед и неся свою голову носом вверх. Мама постучала о раму, но Дарья и не повернула головы.

— Поди, к дочке пошла, — предположил я.

— Ой, не мели, она к ней опять не ходит, — заговорила мама. — Дочка-то за космы ее таскала. Выпьет на копейку — и заприставляется.

— Не думал я, что Валька такой станет.

Впрочем, я сказал просто так. Я вообще о ней никогда не думал и как-то совсем не представлял ее дальнейшую жизнь.

Ее все так и звали — «Валя Дашина». Училась она в параллельном классе, и учеба ей не давалась. Мы, мальчишки, долго не знали, что у нее фамилия Тупиканова. Тимофей Тупиканов, прежде чем перевезти с Проектной семьей на Красную Горку, на время приласкал Дарью. Возможно, он и не обещал ей ничего, — об этом Дарья никогда ни с кем не говорила по душам, — только он не стал с ней жить, а перевез семью и поселился у лога.

Семья у Тупикановых была большая. Последней родилась девочка, и ее тоже называли Валентиной. В первый класс мы все пошли в один год. И по какой-то нелепой случайности обе Вали попали в 1 «б». Учительница их сразу разграничила так: Тупиканова-первая и Тупиканова-вторая. Право же, я до сих пор не знаю, какой по счету была Дашина дочка, только неужели их нельзя было развести по разным классам? Но почему-то до этого никто не додумался, и так они, две сестры, никогда в жизни не дружившие между собой, скорее ненавидевшие друг друга из ревности, в течение нескольких лет вынуждены были встречаться в одном классе. Думаю, в старшем возрасте их бы все-таки разделили, но после пятого класса Дашина Валя бросила школу. Я говорил: учеба ей не давалась. Сколько раз, придя решать ко мне задачки, она с завистью произносила: «Мне бы вот эту счастливую ручку...» Один раз я даже отдал

ей свою красную деревянную ручку с синенькой полоской на конце и с хорошо расписанным пером № 86. Но дела ее не поправились, чище писать она не стала. Дарья гоняла ее, лупила вожжами. Соседи отбирали девочку из рук отчаявшейся матери, а через некоторое время все повторялось сызнова. Я думал тогда, что эта всегда сопливая, с конопатым носом девчушка никогда не вырастет. А уж чтобы она могла стать кому-нибудь женой, я и вовсе не представлял. Как-то совсем не принимал ее всерьез.

...Наш обед, или как называет его мама «пауужинок», прошел в молчании, и мама тут же на кухне прилегла на койку: «Пусть жирка скольнибудь завяжется».

И отчего-то в этот момент мне вспомнился Андриан Пашенцев. Тогда ему было лет восемьдесят.

— Послушай, мама, а что случилось с Андрианом Пашенцевым? Помнишь, с Проектной был мужик. Еще его сын с нашим Ванькой дружил.

— Как не помню! Помер он давно, а я, грешница, даже на похороны не сходила. Правда, и узнала-то уж после времени.

Мне стало жаль старика. Помню, после войны он частенько захаживал к нам. Такой крепкий, плечистый мужик — и стариком-то грех назвать! Лицо волевое, мужественное, хоть и дряблое уж стало; волосы седые, короткие, как будто римский сенатор заявился к нам в поселок. Бывало, зайдет к нам, мама усадит его за стол, накормит горячими щами. Случалось, и домашнего пива поднесет стакан-другой. Раскраснеется Андриан и начнет про свою жизнь рассказывать. Сыновья его все волновали. Трое у него, все с женами, и ни с кем из них не хочет жить Андриан. А может, и снохи не берут...

— Знаешь, девка, — обращался он

к маме, и это его — «девка» — звучало как обращение к непререкаемому авторитету или по крайней мере — к равному среди мужчин, — знаешь, Алексевна, — они все мельче нас...

Отчего это я сейчас вспомнил о нем? Может, мрачные новости мамы навели мне это воспоминание? Нет, не это. Что-то ближе относящееся к нашему разговору тревожило меня, и не давало покоя, но что именно, я не мог вспомнить.

Мама глубоко вздохнула, видимо, раздумывая о своем, и сказала:

— Никто не знает, как жизнь пойдет.

Мне не хотелось сидеть без дела, и я пошел посмотреть, что можно сделать с верандой. Найдя на чердаке старые запыленные стекла, я вырезал три прямоугольника, вымыл их в теплой воде и вставил в пустые рамки. Дверную ручку, вырванную с внутренней стороны, я укрепил так, что ее хватит до конца столетия: в петли просунул ось от велосипедного колеса и с обеих сторон закрутил гайками.

Половицы в сенях и кладовке ремонту не поддавались. Слегки прогнили, к тому же от посадки шахтных выработок их вывернуло, и теперь половицы болтались на весу и скрипели. От того, что я ничего не мог сделать с этими половицами, у меня испортилось настроение. В конце концов с этим домом придется расставаться.

Я вернулся в дом, сел у стола и надолго задумался. У нашего дома была трудная судьба. А с ней переплелись и наши. И трудно понять, какая из них значительнее или дороже...

К 1954 году уже все шахтеры отстроились, а наш только по бревнышку да по досочке собирался. Старшие

братья затеяли громадину по тем временам — семь на девять. Но их желанию не доставало твердой руки хозяина — отца.

Оттого и затянулось строительство на пять лет. За одним стеклом по сельповским лавкам помыкались сколько. Потом еще круглый год простоял дом без наличников — такой убогий, сиротливый, с одинарными рамами. Потом уж он стать свою набрал. За это время мать от переживаний речку слез выплакала...

И вспомнилось мне опять: «Документы оформила, да все раздумывала». Раздумаясь тут: поневоле дом дорогим стал. Считай, в нем-то и счастья повидала сколь-нибудь. Дети хоть и разбрелись из дому, оставили мать при месте. Вот и получается: все хорошее связано с ним, с этим домом...

В коридоре послышался скрип половиц, и на пороге появилась Дарья.

— Х-ха, все дрыхнешь, — проговорила она, обращаясь к маме, и хитро, выжидательно на нее посмотрела. — А то не успеешь ночью выспаться!

— То-то и оно Дарья, что ночью как раз не спится. Сегодня вон кое-как к утру задремала. Всякая чепуха лезет в голову.

— Вставай давай!

— Куда поехали?

— Пойдем ко мне посидим.

— Ой, Дарья, вдругорядь...

— Я там свеженького борща сварила. Квашню завела, оладушек двести сковородки смастерим. Чтoб горяченькие были. — И щелкнув по своей одрябшей морщинистой шее, добавила: — По стопочке налью...

— Теперь разве отвяжешься, — проговорила мама, поднимаясь. — Пошли, сын, это она тебя уважить хочет.

— У нее поди, кроме меня есть кого уважить. Зять, например.

— Пойдем, Дашка хорошая баба. Ну как же, валенки ей привез, она рада-радешенька.

Идти мне совсем никуда не хотелось, но не будут же две старые женщины уговаривать меня, как красную деву...

Солнечный день угасал. Тополя печально жухали своими тяжелыми листьями, похоже, горевали об уходящем лете. В лучах заходящего солнца краснели мелкие ягодки ранетки. И как-то совсем не вязалась эта привычная картина, запавшая в душу с детства, с серыми сиротливыми островками разорванного на клочья селения. Новая шахта, подрабатывая дома, стронула одних людей с мест, других не один раз перетасовала из избы в избу. Вот и Дарья раньше жила через несколько домов от нас. А сейчас ее избушка, похожая на теремок, стояла рядом с нашим осевшим домом. Тесовая крыша выгнулась посредине, и острые концы ее, как гребень и хвост поднявшегося на шест матерого петуха, топорщились вверх. Маленькие оконца завешены нейлоновым тюлем.

Дарья накрыла стол прямо на кухне, и мы мирно уселись. В литровой банке дымилась голубоватая, с желтым оттенком жидкость. Дарья налила всем по половине стакана и сказала: «Ну, со свиданием...»

Она выпила первой, изобразив такую гримасу, что после этого ни к чему притрагиваться не хотелось, и отставила свой стакан на противоположный край стола. Потом стала потчевать нас.

— Ничего так. Можно потреблять в охотку, — оценила мама ее изделие.

— А ты, тетя Даша, почему не до конца? — спрашиваю я.

— Ой, что ты, миленький, голова стала слабой.

— Видно раньше много пила, — пошутил я.

— Как не пила, леслив в войну нам чистый спирт давали. Было дело... А коногоном стала работать, стали уж деньги платить. Ох и работенка была... Пошла бы она подальше... Корыстная ли тогда я была, а корытки ворочала почему зря. Дяденька Бухараев, покойничек, тогда на путях работал. Как забурятся все сразу четыре вагонетки, так он, сердешный, пуще меня матерится. На чем свет только стоит! Но он завсегда мне помогал. Иной раз сядешь с ним «вприпырку» покурить, он сам мне жалуется: «Дашка, ты пойми: костылей нет — рельсу гвоздком хрен прибьешь!» Татарин был... А Сокола так и прятали в шахте. Был у нас такой жеребец на легпроме. Красивый такой, статный, вороной масти. Как запрягать его в корытки, так сердце кровью обливается — жалко! А тут как раз приехали коней забирать. А у нас самих тягла не хватало. Нам-то Сокола неохота отдавать. Смена кончается, мы его на-гора не выведем. Овес и сено прямо туда спускали... Конечно, прогуливали по штреку... Так вот и сохранили жеребца. Думали, что ослепнет... Бог миловал. Апосля уж начальник шахты Теденьков выездным его сделал. Запрягут его в ходок, а он ажно на месте не стоит, так и играет, туды его мать, так и юлит. Ох, раньше кони-то, кони какие были... А яйца почему не берете? Ты, Сергунька, не стесняйся, кушай, милочек, все, чем богаты тем и рады...

Мама отчего-то громко, искренне рассмеялась. Я даже не понял, отчего.

— Дарья в азарт вошла. Прямо уж, она и сохранила Сокола! Верить, дак... — проговорила мама тихо, склонившись к столу.

— ...а после перешла на конный двор, — продолжала Дарья, — так и до пенсии, бог дал, доработала...

Я уже помню эти годы. Мрачные конюшни с большими длинными сеновалами. Здесь было две артельных шахты. Одна работала на предприятия легкой промышленности, «легпром» называлась, а другая — гортоповская — снабжала углем Томск. Этим они только и отличались. А так, почти все было одинаковым — и способ добычи, и пласт один, Красногорский, выбирали. Воронки от посадки лав тоже одинаковые делали. Помню, раз в одну из них провалилась машина с мебелью — переезжала семья — так чтобы выручить машину, хозяин раздал половину вещей.

Дарья всю жизнь проработала на «легпроме». Бывало, с вечера заняв очередь за хлебом, мы приходили к тете Даше в хомутную подремать.

Она не любит вспоминать эти годы. За десять лет у нее руки пропитались конским навозом. И порой сейчас еще кое-кому кажется, что этот запах сохранился.

— Стой-ка, — встрепенулась вдруг Дарья, — чуть не забыла. Она достала из комода альбом с фотографиями и начала его листать.

— Тут у меня десятка была. Должна же я тебе за валенки отдать. Куда она запропастилась? Все от Митьки хороню. А четыре рубля потом Алексевне отдам.

— Да ладно, тетя Даша, не ищите. Это мой подарок вам.

Мама опять не утерпела.

— Ай, все равно не отдаст. Пусть пообещает — все на сердце легче будет.

Дарья уселась за стол и снова налила нам.

— Нюра, леслив дом сдавать будешь, скажи мне. Я куплю его у шахты.

— Ох, опять надумала, — всплеснула руками мама. — Да кто ж тебе его продаст... Весь порядок снесут бульдозером.

Дарья внимательно, смиренно смотрела на маму и слушала, пока она говорила, и как будто понимала ее. А когда мама замолчала, соседка продолжала свою линию:

— Тебя сыновья примут, а мне до старости одной доживать придется.

— Поди, к дочке не пойдешь жить?

— Куда там! Митька говорит: нас, мать, в соцгородке дома под шифером давно ждут. Да как я с ними буду таскаться по казенным клетушкам.

— У тебя дак прямо хоромы выстроены! Дворец с печным отоплением. Аж сажа за Иню летит...

Не знаю, чем бы обернулся этот разговор, но поговорить им не дали. В избу с шумом вошли дочка с зятем и внук Дарьи, которого, как и меня, звали Сергеем.

— Здравствуйте, здравствуйте, — пожимал я руки своим соседям. И тут же спросил у Вальки, — отчего это захромала?

— Да вот, — указала она на сына, — хотела Сережку пнуть и промахнулась — по печке угодила. Верткий, паразит, такой стал...

Я только рассмеялся.

— Слышь, теща, — говорила Валька, — зять пришел с тобой мириться.

— Ха! Я с ним не ругалась, — сказала Дарья и как-то вся надулась.

Из ласковой доброй старухи, какой она была еще несколько минут назад и которая нас угощала оладьями, разной стряпней, она сделалась настороженной и сердитой.

Митька выставил на стол две бутылки водки, и я понял, что надо поскорее сматываться. Не люблю семейных скандалов...

Вскоре вернулась домой и мама, прилегла на свою постель.

— Митька опять начал к обоим придирааться, — сказала она.

Я это предчувствовал.

Так, значит, в 1977-м опять будут подрабатывать. А, может, не стоит ждать? Пора сейчас действовать.

— Мама, ты говорила, что времени много прошло, за дом не оплатят. Ну, хочешь, я поговорю в шахткоме. Там сейчас работает мой бывший горный мастер, он посодействует.

— Митька говорит, что в 77-м году начнут подрабатывать. Тогда уж сдам, — отвечает мама с кухни.

— Там уж деваться некуда будет. Люди привыкли до крайности выживать... У меня третий этаж — невысоко, плита газовая — с лучинами да углем не надо возиться...

Мама молчит. Обдумывает мое предложение.

— Нонче снохи такие пошли — матерей-то не шибко любят, — начинает она понемногу сдаваться.

— Если уж так судить, то и зятя не лучше.

— Ты, поди, про Дашку...

— А ты как?..

— Я-то что! Огород вон унавоженный какой пропадает...

— Мама, ты только не крути. Хочешь сказать, навозу пожалела. Так я и поверил! К брату, что ли, собралась — там и огород побольше твоего...

— Не знаю, сынок, не знаю... Теперь уж надо к одному концу прибавиться... У обоих наживусь еще...

Чувствую, не хочется ей трогаться с места, жалко чего-то, а чего — и

сама объяснить не сможет. Мне и самому при этой мысли становится неуютно. Пройдет бульдозер, разворотит стены, раскидает дом по бревнышкам и сугункам по всей ограде. И не будет у меня точки притяжения, вокруг которой я вращался все эти годы. Я часто покидал свой родительский дом и плохо оберегал его, редко навещал, но я никогда не забывал о нем. И где бы я ни был, с кем бы ни проводил время, в какие бы переплеты ни попадал, а в запасе всегда у меня было место, куда я мог вернуться в любую минуту без всякого сомнения: здесь меня всегда примут. И я возвращался...

И пусть бы не было рейсовых автобусов из города до нашего поселка, и мне бы ранним утром по росе приходилось идти лугами, загребая ботинками капельки воды, пусть детский страх от разбойников возникал бы на мосту через Иню, но я согласен на все это, лишь бы остался наш дом. Но разве можно жить одним прошлым? С этим я и заснул.

А утром пришла к нам Дарья. Она была такая присмирившая, мягкая, что казалась даже обиженной. Сказала: «Зять уговорил в городок переезжать». И смотрит, что скажет Алексева. Мама молчит. А Дарья выжидает.

Немного помолчав, она тихо и вкрадчиво сказала:

— Слыхали? В Африке опять президента кокнули!

На этот раз Дарья говорила правду...

О рыбалке

Опять рассветы
И закаты
Встречаю я на берегу,
Хоть говорю порою:
— Хватит!
А удержаться не могу.

В иные дни
И сам почую,
Что запах моря въелся в пот.
Уже, как рыбину большую,
Меня обнюхивает кот.

Но кот привыкнет понемножку.
Зато все чаще будет мать

Меня корить,
Что я и ложку,
Как удилице, стал держать.

У всех соседей на примете
До самых буду я снегов —
Когда и кто б меня ни встретил,
Все говорят со мной про клев.

А я таинственно киваю,
Неясным делаю ответ...
Как будто в самом деле знаю
Какой-нибудь большой секрет.

Сенокос

Тиха, пустынна улица,
Нырнув из-под ворот,
Через дорогу курица,
Как барыня, идет.

Старик к окну склоняется,
Чтоб распознать меня.
— Откуда, —
Удивляется, —
Среди такого дня?

Как судьи да присяжные
Каких-то давних пор,
Грачи уселись важные
На низенький забор.

У хаты той, что с краю,
Лежит, свернувшись, пес...
Не спрашивая знаю,
Что нынче сенокос.

Осеннее

Никак привыкнуть не могу
К тому,
Что лето миновало.
Нет-нет да утром убегу
К местам,
Где в августе клевало.

Как среди лета, тороплюсь
Увидеть синий блеск излуки,
Но вдруг с досадой спохвачусь,
Что у меня озябли руки.

Пойму, что осень верх берет.
Как будто вещей сон приснится,
Что не вода уже,
А лед
По всей излучине искрится.

Вот так другой догадки холод
Охватит сердце мне порой,
Терзая думой невеселой,
Что я уже не молодой.

г. БЕЛОВО

На рассвете спускаются звери к реке,
Осторожно ступают,
Как тени, легки.
И в волокнах тумана,
Как в парном молоке,
Тянут теплые губы
К прохладе реки.

Если встретиться хочешь,
Проснись на заре,
На тропу неприметную
Встань за пихтой,
Так, чтоб мягкий и трепетный
Бархат ноздрей
Не поймал среди утренних запахов
Твой.

Так, чтоб луч из-за дальней
Зубчатой гряды
Вдруг почувствовать влажной
И зябкой спиной.
И замри, и не вздрогни,

Когда впереди
Рыжим пламенем вспыхнет
Красавец лесной.

Он секунду-другую
Глядит не дыша,
Он внезапностью встречи,
Как и ты, поражен,
А потом он метнется,
Валожник круша,
И опять — только птичий
Ликующий звон!

Словно не было чуда
Мгновенье назад,
Словно все, как мираж,
Показалось тебе.
Только радугой брызги
Вдогонку летят,
Да раздвоенный след,
Как печать, на тропе.

г. МЕЖДУРЕЧЕНСК

От любви твоей я не избавлюсь.
Таает чисел счет с календаря...
За оградой тяжелеет август —
Травами, обилием дождя.

Встану рано утром с чувством новым.
Мысленно скажу тебе: «Прощай!»

Помяну тебя я добрым словом.
Погрущу, пока вскипает чай.

Вспомню ожиданье в стынью мороза,
Как в надежде встречи дорогой
Робко мякла каждая береза
Под моей горячею рукой.

Виталий Креков

Чтоб пережить хороший сон,
Мне стоит только в мой знакомый
Шахтерский выехать район,
Увидеть дом за терриконом.

Дом голубой, где ждет уют.
Где чаем встретят непременно.

В подарок прозвучит этюд,
Рожденный гением Шопена.

Там стопки интересных книг,
Как ожиданье встречи с музой.
Под ноты спрятанный дневник
Особы юной, светло-русой.

И хлеб, и соль, и винограда гроздь.
И сотни дней, торжественных и праздных...
И жизнь! В глазах твоих я скромный гость,
Но я пришел к тебе на главный праздник.
Так властвуй, коль такая власть дана!
Твой свет величье помыслов умножит.
Меня твоя счастливая весна
Апрельским мягким воздухом встревожит.
Я вскину руки, твой услышав зов,
Очеловечить небо голубое.
И буду плакать. И не хватит слов
Воспеть твоё величие земное.

Владимир Петраш

Парторг Каверин

За окнами вновь завьюжило,
Палата бела, как снег,
А в ней мы лежим, недужные,
И думаем о весне.
А у парторга сердце
Здорово барахлит,
И на него он сердится:
«В болезнь, — говорит, — влип.
Лежать, — говорит, — не дело —
Плохие в цехе дела:
Уже вторую неделю
Не выполняется план...»
Такой беспокойный дяденька!
А нужен ему покой.

И фельдшерица Наденька
Глядит на него с тоской.
А нам запрещает настрого
С ним говорить
И про Фиделя Кастро,
И про Мадрид.
Потом, когда станет легче,
Он взором окинет всех
И скажет, что здесь подлечится,
А вылечит только цех.
И мы ему все поверим,
Как несколько дней назад...
Но умер парторг Каверин
Сегодня у нас на глазах.

г. НОВОКУЗНЕЦК

ПРОБЛЕМА?

ДА, ПРОБЛЕМА

И. Дрейцер

ВРЕМЯ ВЫБОРА

В предлагаемых вниманию читателя заметках речь пойдет главным образом о рациональности сложившихся форм расселения в Кузбассе.

По предмету исследования эти заметки в какой-то мере продолжают разговор, начатый в очерке «Города, где мы живем» (см. «Огни Кузбасса», 1975, № 3).

«Но почему расселение? — предвижу я недоумение некоторых читателей. — Здесь нет проблем!»

Не спешите с выводами. Если вы дочитаете эти заметки до конца, то увидите, что проблемы здесь, к сожалению, есть.

И, наконец, последнее уточнение. Речь пойдет о формах расселения в районах развития добывающей промышленности, исключая территорию с преимущественным развитием сельского хозяйства. Исходя из демографической структуры нашей области, такой подход представляется вполне правомерным.

Старая истина: города возникают и развиваются наиболее интенсивно в районах промышленного освоения. Так богатство недр Кузбасса послужило той главной причиной, по которой область стала местом приложения значительных государственных средств. А следовательно, и районом широкой урбанизации.

Сегодня этот процесс приобрел столь внушительные масштабы, что все чаще приходится слышать о довольно серьезных издержках. Посудите сами. За срав-

нительно небольшой исторический отрезок времени на площади, составляющей менее 1% территории Сибири, возникло 19 городов, сконцентрировавших свыше 16% ее населения, в том числе более 20% горожан! Впрочем, и по союзным меркам мы выглядим вполне прилично. По удельному весу городского населения (85%) Кузбасс вплотную примыкает к лидирующей тройке областей: Донецкой, Ворошиловградской и Мурманской.

А вот еще несколько цифр. В 15 из 19 городов области проживает около 90% ее городского населения, и почти вся промышленность сосредоточена в узкой полосе освоения угольных месторождений. Последнее весьма существенно для нашего разговора, так как этим предопределяются условия расселения.

ПОСТОЯННЫЕ ВРЕМЯНКИ

Итак, основным градообразующим фактором в области выступает интенсивное развитие торнодобывающей промышленности, главным образом, угольной. Вспомним: 15 из 19 городов находятся в угольной полосе. Прибавьте к этому район Горной Шории, и тогда станет предельно ясно: условия расселения здесь чрезвычайно осложнены.

В чем же причина этого осложнения? Здесь все дело в том, что при выборе

площадки для любого обрабатывающего предприятия проектировщик располагает относительно большим числом «степеней» свободы». Место же заложения шахты, разреза или рудника выбирает природа. Отсюда и жесткость планировочных схем для мест приложения труда. Ну, а к последним, естественно, тяготеет и жилье. (Классическая формула расселения: труд — жилище — отдых).

Впрочем, естественно ли это? Ведь площадки в этих районах не благоприятствуют хорошей застройке. Да и соседство жилья с промышленным комплексом не отнесешь к факторам повышения социально-психологического комфорта.

Тем не менее сложившиеся его формы плохо согласуются со здравым смыслом. Для условий нашего бассейна это вылилось в появлении значительных размеров децентрализованного расселения, когда застройка ведется по принципу шахта — поселок.

Разумеется, новые формы расселения предопределяются и множеством иных факторов, кроме чисто экологических. Как бы то ни было, анализ статистики урбанизации свидетельствует о постепенном исчезновении города как замкнутой структуры совершенно изолированной организации.

Как назовешь сегодня жемчужину угольного Кузбасса Прокопьевск, который «разменяли» более чем на 35 поселков? И границы которого с Киселевском весьма условны. Или Междуреченск с его двумя десятками поселков? И компактны ли Ленинск-Кузнецкий, Белово, Березовский?

Складыванию таких нерациональных форм расселения способствовали несколько существенных обстоятельств: отсутствие эффективных средств коммунального транспорта, необходимость как можно быстрее обеспечить угольщиков жильем, недостаток капиталовложений — не забудем, что многие поселки возводились в трудное время, когда экономика страны была измотана изнурительной войной и восстановительным периодом. И, наконец, не

лучшая, мягко выражаясь, организация проектно-планировочных работ. Последнее очень хорошо иллюстрирует градостроительная история Междуреченска, Белова, да и не только их... Особого упора заслуживает то хаотическое расселение, которое появилось после пятидесятих годов.

Я покривил бы душой, обвиняя градостроителей теперь, с расстояния нескольких десятков лет, в незнании элементарных истин, что строить поселок у шахты — плохо, что на малой площадке не разместить хорошего жилья, что системный подход к расселению разумнее. Конечно же, они это знали. И тем не менее...

Градостроительные издержки тех лет видны, что называется, невооруженным глазом. Поселку не придашь современного набора «соцкультбыта». Ограничены возможности обеспечения необходимых коммунальных услуг. В этом же ряду и еще один очень существенный социальный фактор — трудовое использование вторых и третьих членов семьи.

А вот соображения из области элементарной размещенческой экономики. Проектный срок технической амортизации вновь возводимого жилья — 80—100 лет. Разумная эксплуатация обеспечивает ему еще большую жизнь. Угледобывающее предприятие проектируется на срок 40—50 лет. При этом возможности последующего использования создаваемых мощностей, разумеется, ограничены: шахту не перепрофилируешь на выпуск другой продукции.

К тому же и структура топливно-энергетического баланса страны довольно динамична — обстоятельство, которое не всегда возможно учесть при проектировании.

Строительство же значительного числа поселков (в бассейне их больше сотни) привело к образованию серьезного «перекоса». На фоне современных горных предприятий эдаким анахронизмом выглядит традиционная «пятистенка» с пилой, пришедшей к нам из седой старины. И с во-

дой, которую приходится носить из соседней колонки.

...Концепция единой системы расселения, разрабатываемая комплексно социологами, экономгеографами, градостроителями, опирается на предпосылку о том, что ее реализация должна привести к установлению межрегионального равновесия национальной экономики. Ведь речь идет о системе расселения в масштабе всей страны.

Одним из важнейших социальных результатов организации такого расселения должно стать сведение к минимуму межрегиональных различий в уровне потребления.

Но если задумана колоссальная работа в масштабе всей страны, позволительно ли сохранять старые формы расселения в области? Формы, рациональность которых очень сомнительна экономически, а в социальном плане, как уже было показано выше, просто ущербны.

Работа должна приблизиться к человеку... Едва ли можно усомниться в разумности такого требования. Но ведь размещение жилья в непосредственной близости от рабочего места не лучший и, кстати, не единственный способ такого приближения. Использование скоростного транспорта, к примеру, решает эту задачу более разумно. При этом не следует забывать, что современная научно-техническая революция — сложный процесс, вовлекающий в свою орбиту все стороны нашей экономики, в том числе, разумеется, и транспорт.

Развитие скоростного транспорта серьезно удлиняет радиусы так называемых «маятниковых мигрантов» — лиц, совершающих трудовые поездки из одного поселения в другое. Известный советский градoved Б. С. Хорев в книге «Проблемы городов» пишет:

«Не исключено, что в скором времени эти радиусы достигнут сотен километров, что будет означать, по существу, переход к новой фазе урбанизации. Нетрудно

представить и наступление такого момента, когда любой человек станет свободен в выборе места приложения труда вне зависимости от жительства при вполне доступных затратах времени на повседневные передвижения».

Социологи утверждают: длительное проживание в поселке снижает общественную активность личности, замыкает ее в тесном мирке приусадебного участка. И еще. Издержки того социального процесса, который питается «охотой к перемене мест», хорошо известны. Так вот, как показывают наблюдения, причины миграции не всегда следует искать в низкой оплате труда и плохой обеспеченности жильем. Не менее важен здесь и фактор социальной мобильности: возможность получить образование, повысить квалификацию, сменить профессию.

И если современный город притягателен, то это прежде всего потому, что он обеспечивает такую благоприятную среду для воспроизводства социально-культурного потенциала личности. Потому что здесь человеку предлагают широкий выбор приложения труда, потому что в городе существует возможность приобщения к более престижной профессии.

Урбанизацию, очевидно, нельзя сводить только к росту доли населения, занятого несельскохозяйственным трудом, к увеличению городов. Это, если хотите, образ мышления, система социальных установок. И с этим нельзя не считаться при выборе форм расселения, размещения предприятий, планировании многих социальных процессов. И с этих позиций приводившаяся выше триединая модель расселения (труд—жилье—отдых), сформулированная еще в прошлом веке, представляется в какой-то мере ущербной сейчас, когда уже заканчивается третья четверть нового века. И произошли очень существенные сдвиги, которые обусловлены научно-технической революцией, обеспечившей, кстати, и предпосылки к росту концентрации населения.

ПОСЕЛКОМ ИЛИ ГОРОДОМ?

Неизбежно ли дальнейшее появление поселков в Кузбассе? Действительно ли нет выхода? Ведь недра бассейна еще далеко не исчерпаны. И предстоит освоение новых угольных районов. Выход есть. Проектировщики видят его в реализации принципа централизованного расселения объединенными городами.

Расчеты, выполненные специализированным институтом для всех угольных районов области, убеждают: централизация расселения возможна в пределах допустимых затрат времени на поездку к месту работы (для крупных городов эти предельные нормы времени не должны превышать 45 минут).

Если вести разговор о централизации расселения, уместно было бы сослаться на довольно интересные градостроительные решения по Павлоградскому промышленному узлу (Западный Донбасс), по Львовско-Волынскому угольному бассейну. О разумности такого подхода свидетельствует и прогрессивный опыт расселения в Силезии, Руре и других зарубежных угольных бассейнах.

Например, в Остравско-Карвинском бу-роугольном бассейне (ЧССР) новое жилищное строительство сосредоточено в трех городах: Карвина, Гавиржове, По-рубe. В Верхнесилезском промышленном районе ПНР новые города и поселки размещаются на расстоянии 15—20 км от промышленных центров (Новe Тыхы, Тарнов-ски Гуры, Пысковиде).

Объемно-планировочная организация городов облагораживается здесь использованием домов различной этажности — от одного до пяти с введением в качестве архитектурных акцентов вдоль главных магистралей и в центре 9—12-этажных башен. В Виленьe (Югославия) — городе с населением около 30 тысяч — используют даже 16-этажные объемы.

А вот как рубят здесь еще один планировочный «гордиев узел» — выбор мест для личных гаражей. Их размещают в

боксах, пристроенных к торцам домов, либо в подвалах многоэтажных зданий. Это улучшает архитектурный облик города и приближает автомобиль к его владельцу.

Сегодня градостроители учитывают опыт централизации в кузбасских районах нового освоения: Ерунаковском, Итатском, Тисульском и др. Для первого из них, кстати, будет возведен город с населением 130 тысяч человек. Здесь очень существенно неукоснительная реализация разрабатываемой стратегии расселения. Важно не допустить хаотичного заселения площадок будущих городов десятками «нахаловок». Ибо сегодняшняя времянка — это дорогостоящий завтрашний снос. Это — неустроенность быта, бивуачность, затягивающаяся, как правило, надолго.

...Города Уската еще нет на карте нашей области. Впрочем, и само название его условно. Безусловно здесь вот что: будущим покорителям Ерунаковской угольной целины предстоит жить в современном городе. С большой концентрацией «соцкультбыта». С обилием зелени. И что особенно важно — с чистым небом над головой. И хотя предприятия будут отстоять от города весьма существенно — до трех десятков километров — скоростные электрички позволят преодолеть это расстояние довольно быстро. При этом путь от квартиры к павильону для ожидания поезда во всех районах города будет сведен к минимуму.

Ну, а как поступить со сложившимися поселками? Не отмахнешься же от факта их существования. Ведь в рабочих поселках с самостоятельным административным статусом в области проживает свыше 320 тысяч человек. Если прибавить к этому многочисленные поселки в городах, связи которых с центром фактически эфемерны, то получится весьма внушительная цифра.

Издержки нерационального расселения могут быть устранены и уже частично

устраняются их реконструкцией. И тут вот ведь какая незадача: из-за отсутствия достаточного числа архитекторов пока еще не начато комплексное проектирование реконструкции. Да она и не всегда целесообразна. Но для устранения этой нецелесообразности необходимо перебрать все «за» и «против»: перспективность района, все многообразие социально-экономических факторов, предопределяющих условия расселения.

Все это может быть обеспечено глубокими архитектурно-социологическими исследованиями, потребность в которых, на наш взгляд, давно назрела. Но здесь мы снова запнемся о проблеме кадров: в области почти с 3-миллионным населением и высокими темпами урбанизации нет ни одного научно-исследовательского учреждения градостроительного профиля. Да и проектный потенциал явно отстал от фактических потребностей. Один институт с филиалом едва ли могут обеспечить своевременное проектирование жилья и общественных зданий в девятнадцати городах. Впрочем, теперь уже следует говорить о двадцати — будущий Ускат властно требует проектной разработки.

Между тем, качественное проектирование и строительство Уската очень важно и своим побочным эффектом — будущий город должен несомненно оказать влияние на организацию расселения в угольных районах, точнее, на соответствующие сдвиги в оценочных критериях. Да и принятые в проекте города объемно-планировочные решения сослужат добрую службу для будущего градостроительства в области, если помнить о том, что еще предстоит освоение новых районов.

«СОСУДИСТАЯ» НЕДОСТАТОЧНОСТЬ

В контексте разговора о рациональности сложившихся форм расселения особое место принадлежит инфраструктуре — очень емкому понятию, включающе-

му в себя дороги, аэропорты, вокзалы и многое другое. В последнее время в научный оборот все шире внедряется понятие социальной инфраструктуры, под которой понимают школы, больницы, детские учреждения и всю совокупность того, что на языке плановиков именуется не очень благозвучным сокращением «соцкультбыт».

Эти структурные формы организации, несомненно, имеют подчиненный, зависимый характер по отношению к главным определяющим. Но их важность предопределяется тем, что они обеспечивают нормальную работу основных звеньев народного хозяйства. Диалектическую связь между основными и вспомогательными звеньями экономики очень легко проследить. Здесь следовало бы сделать лишь одно существенное уточнение. Отсутствие или недостаточная развитость некоторых из этих вспомогательных звеньев сказывается особенно остро в районах трудodefицитных, то есть таких, которые испытывают недостаток в кадрах. Скажем, нехватка детских учреждений по необходимости отвлекает из сферы производства женщин, что бывает очень ощутимо для трудового баланса района.

Когда ведется разговор о формах расселения, в первую очередь, естественно, приходится называть дороги, с которых, как известно, начинается все.

Еще К. Марксом была открыта зависимость между степенью развития производительных сил и площадью хозяйственно освоенной территории. Маркс писал, что страна, сравнительно слабо населенная, но с развитыми средствами сообщения, обладает более плотным населением, чем более плотно населенная страна, у которой средства сообщения не развиты.

Знание этой зависимости позволяет научно управлять процессом размещения производительных сил, разрабатывать стратегию освоения новых районов. В этой связи становится особенно понятной целесообразность и большая народнохозяйственная значимость, к примеру, строи-

тельства Байкало-Амурской магистрали и осуществления ряда других крупных проектов в районах нового освоения.

Излишне говорить о том, сколь высоко значение инфраструктуры, и дорог в особенности, в районах трудodefицитных, к числу которых принадлежит, к сожалению, и наша область. Не боясь сильно погрешить против истины, можно утверждать, что сегодня дороги — ахиллесова пята кузбасского исполина, — области с чрезвычайно высоким уровнем развития добывающих и обрабатывающих отраслей промышленности.

Ведь если у нас не ведется разработка ряда месторождений очень ценных строительных материалов, нужда в которых велика, если некоторые материалы приходится завозить с Урала и центральных районов страны, то это объясняется недоступностью месторождений, находящихся здесь, рядом.

Уже много лет можно слышать разговоры о целебных минеральных источниках Терсинского месторождения, что в нескольких десятках километров от Новокузнецка. По своему составу «Терсинка» близка к углекислым водам типа «Поляна» и «Боржоми» и, по заключению ЦНИИ курортологии и физиотерапии, может быть использована для лечения заболеваний органов пищеварения. Утвержденные запасы Терсинского месторождения позволяют строить здесь санаторий на 1100 мест.

Передо мной нормативный документ, которым официально признаются достоинства и определяются важнейшие параметры всех минеральных питьевых вод страны, — ГОСТ 13273-73. В нем учтена 101 вода, в том числе и наша «Терсинка». Почему же в таблице ГОСТа, в той ее строке, где перечисляются свойства «Терсинки», против графы «Современное использование» находится досадный прочерк?

Может быть, нет нужды в таком санатории? Вот данные технико-экономического обоснования, составленного специализированной проектной организацией.

Оказывается, даже если учесть, что около половины нуждающихся в лечении должны пользоваться здравницами союзного значения, то и в этом случае потребность кузбассовцев удовлетворяется только на 10%. Сегодня в области функционирует только один санаторий на 530 мест, из которых на лечении заболеваний указанного профиля специализировано всего 100 мест.

Но, возможно, строительство санатория здесь нецелесообразно по соображениям экономическим? (Хотя, когда речь идет о здоровье человека, допустимо ли абсолютизировать доводы о рентабельности?..) Нет, окупаемость капиталовложений здесь даже выше нормативной.

Если же до сих пор на площадке будущего курорта еще, как говорится, и конь не валялся, то основную причину следует искать опять в отсутствии дорог. Все дело в том, что площадка эта находится в 12 км от ближайшей железнодорожной станции и в 19 км от конечного пункта существующей автодороги. В текущем пятилетии намечено лишь начало строительства курорта.

Вот и преодолевают наши земляки пока неблизкий путь до кавказских минеральных вод, подвергая себя множеству всяких неудобств и к тому же издерживаясь изрядно. Речь, разумеется, идет о тех, кому показаны такие передвижения и резкая перемена климата. Многие, увы, такой возможности лишены.

Между тем, как убедительно доказано в уже упоминавшемся технико-экономическом обосновании, на базе Терсинского месторождения возможно построить санаторий регионального значения, который, кроме Кузбасса, частично восполнил бы дефицит курортных мощностей Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской и Томской областей и даже Тувинской АССР — большого региона с суммарной численностью населения свыше 12 млн. человек.

Потребности в санаторном лечении жителей этого региона сегодня удовлетворя-

ются примерно на 14%. Создание же санатория в Кузбассе позволяет повысить этот показатель почти до 42%. И это при общих объемах капиталовложений немногим более 9 млн. рублей.

Очевидно, нет нужды говорить о том, каково значение зон отдыха для городов с высокой концентрацией промышленности, в которых экологическая ситуация предельно усложнена. Неслучайно ведь в последнее время во многих промышленно развитых странах наблюдается заметный отток населения из больших городов и рост так называемой маятниковой миграции. Это отражает вполне естественное стремление человека быть ближе к природе, от которой он отторгнут городом.

Как сегодня горожанин-кузбассовец может осуществить такое приближение? Вспомните печально известные рейды «Летний отдых». Могут ли решить проблему базы отдыха, строительство которых оказывается по средствам только крупным промышленным предприятиям? Если же вы работаете в школе или в больнице, или, скажем, в небольшом учреждении, лишенном соответствующих фондов, то пути на такую базу по понятным причинам вам заказаны.

Между тем, существует очень хорошая форма приближения человека к природе — строительство дачных поселков. И здесь весьма существенно то обстоятельство, что для сооружения таких поселков используются личные сбережения трудящихся, а организацию их строительства может взять на себя дачный кооператив.

Строго говоря, в этом плане не существует принципиальной разницы между Кемеровом, Новокузнецком, Прокопьевском и любым другим городом, находящемся в центре или на западе страны, где эти формы широко привились. Ведь действующее законодательство не предусматривает никаких региональных ограничений, и дело тут, очевидно, только за инициативой местных советских, хозяйственных и общественных органов.

ПРИРОДА ПРЕДЪЯВЛЯЕТ СЧЕТ

Уже стало общим местом говорить о том, что современная индустриальная урбанизация протекает в усложняющейся из года в год экологической ситуации. Эта мысль довольно прозрачна: развитие промышленности — один из важнейших градообразующих факторов.

В русле этого разговора мне хотелось привлечь внимание лишь к двум аспектам этой воистину необъятной проблемы: не всегда деликатному обращению горняков с землей и плохо контролируемому росту размеров наших городов.

Еще Энгельс писал, что в природе ничто не совершается обособленно. И если мы сегодня, не задумываясь о последствиях, сводим леса и загрязняем реки, то это может обернуться завтрашним неурожаем и трудностями с водоснабжением. Известно ведь, что за последнее столетие эрозия и дефляция, вызванные усиленной эксплуатацией земель, вывели из сельскохозяйственного оборота 20 млн. км² земли — площадь, почти равную территории нашей страны!

И если все чаще и чаще ощущаются издержки неправильного природопользования, если начинают скудеть столы на щедром пиру природы, то это значит лишь одно: природа решила предъявлять к оплате старые векселя.

В нашем бассейне неуклонно возрастают объемы добычи угля наиболее прогрессивным, открытым способом. Его преимущества широко известны и не менее широко рекламируются. Действительно, что может быть убедительнее, скажем, стоимостного критерия или показателя безопасности труда?

Но вот почему-то меньше говорят и пишут о том, что, вынуд уголь (или любое другое полезное ископаемое, рудное или нерудное), мы оставляем обезображенной землю. Ведь выражение «оскальпированная земля» своим происхождением обяза-

но преимущественно горным работам. Между тем, рекультивация нарушенных этими работами земель еще не стала неотъемлемой частью технологического цикла добычи. Вот и оставляют после себя открытки зрелище, которое с довольно горькой иронией названо «лунным грунтом».

Да, сибирские просторы сегодня еще позволяют так роскошествовать. Но следует ли из-за такой вольготности злоупотреблять милостями природы? Могут же, к примеру, горняки из Эстонии очень рачительно восполнять нарушенные площади. Правда, их легко понять — земли там меньше...

Но ведь и у нас, в Сибири, с ее просторами такая самонадеянность во взаимоотношениях с природой не пройдет безнаказанно. Впрочем, теперь, после принятия известного закона о земле, эта наказуемость уже получила соответствующую правовую базу. И природа, таким образом, обрела себе союзника в лице государства.

Но в вопросах рекультивации, кроме чисто организационных, существует еще много иных неурядиц, устранение которых требует значительных объемов исследований и проектных проработок. Необходимо оборудование, людские и материальные ресурсы. А главное — требуется глубокое осознание необходимости проведения всей этой ответственной работы, нужна соответствующая перестройка в умах.

И, наконец, второй из заявленных аспектов проблемы экологических последствий урбанизации — рост размеров городов. В специальной литературе очень много копий сломано по вопросу определения оптимальной величины города. Количество мнений здесь уже почти догоняет число городов. Но как бы ни отличались позиции авторов в оценке предельно допустимого числа жителей города в зависимости от его функционального типа, все они сходятся в одном — большой город всегда порождает множество социально-экономических проблем.

Не случайно еще в 1956 году правительство СССР приняло Постановление о запрещении и ограничении строительства новых и расширении существующих предприятий в ряде крупных городов страны (первое такое ограничение было введено еще до войны). В перечень этих городов вошли наши Новокузнецк и Кемерово.

За истекшее двадцатилетие после названного ограничения каждый из упомянутых кузбасских городов прирос примерно на 200 тыс. человек, то есть на численность Белгорода, Петрозаводска или, скажем, Йошкар-Олы (два последних — города с высоким административным статусом). При этом и сегодня Кемерово и Новокузнецк обнаруживают довольно устойчивые тенденции к росту.

В этих условиях, естественно, усложняется управление и без того сложным городским хозяйством. Положение усугубляется множеством планировочных издержек, которые питаются, на мой взгляд, все тем же беспечным отношением к земле.

Всяческая экономия городских территорий — благо. В городах с ограниченными площадками под застройку «цена» такой добродетели многократно возрастает. Мне уже доводилось показывать на примере областного центра, к чему приводит преобладание одно-и малозэтажной застройки. А не в этом ли ряду те излишества, которые допускаются при строительстве второстепенных объемов, скажем, таких, как личные гаражи?

Уже не говоря о том значительном эстетическом ущербе, который эти объемы наносят архитектурно-художественному облику наших городов, они попросту «съедают» столь ценную городскую территорию.

Во дворе дома, где я живу, — полтора десятка гаражей. Когда смотришь на них, создается впечатление, будто авторы-владельцы гаражей употребили максимум своей изобретательности, чтобы их недвижимость оказалась непохожей на соседскую. Это — те «счастливицы», у которых

гаражи под рукой. Хуже тем из них, кто добирается до собственного автомобиля... на такси.

Очевидно, многих издержек здесь можно было бы избежать повсеместным переходом на кооперативное строительство, широко распространенное в центральных районах страны. При этом тоже очень важно правильно выбрать тип застройки. К примеру, многоярусные гаражи, не причиняя никакого ущерба архитектурно-художественному облику района, решили бы заодно проблему приближения автомобиля к его владельцу.

Ведь их можно размещать практически в каждом микрорайоне. Если к тому же позаботиться о его пластичности, то, удачно вписываясь в существующую структуру, он не создавал бы того диссонанса с общей застройкой, о котором шла речь.

Небезынтересно отметить в этой связи, что, по данным Госгражданстроя, в деся-

той пятилетке доля жилых домов высотой в 9, 12, 16 и больше этажей возрастет в целом по стране до 40%. А это значит, что в городах можно будет сохранить оазисы нерукотворной природы. Или, по крайней мере, вернуть ее там, где стараниями человека она уже изведена.

ВРЕМЯ ВЫБОРА

Эверест проблем... В производственном объединении «Кемеровоуголь», на балансе которого находятся 4 крупных поселка, вам пожалуются на то, что строители из года в год не выполняют планов ни по жилью, ни по соцкультбыту. Что автобусная связь с поселками крайне неудовлетворительна. Что обустройство поселков учреждениями культуры оставляет желать лучшего. Если судить по публикации в областной печати, производственное объе-

Кузбасс в десятой пятилетке

● В новой пятилетке предусматривается реконструировать доменную печь № 1 Западно-Сибирского металлургического завода, построить здесь новый мощный прокатный стан «3600» и ряд важнейших вспомогательных цехов. Намечается провести большой объем работ по реконструкции и совершенствованию металлургического производства на Кузнецком комбинате имени В. И. Ленина. Будет продолжена модернизация Кемеровского коксохимзавода и Гурьевского металлургического завода.

С поступлением в Кузбасс природного газа металлургия получит мощный интенсификатор для значительного подъема эффективности производства.

Будет продолжено развитие железорудной базы в Горной Шории.

Реконструкция Беловского цинкового завода позволит увеличить в новой пятилетке выпуск цинка почти в полтора раза. За счет интенсификации производственного процесса возрастет выпуск металла на Новокузнецком алюминиевом заводе.

динение Кузбассуголь страдает теми же недугами. И кто может поручиться, что в остальных угольных объединениях дела обстоят лучше?

Реализация социальной программы развития Кузбасса в десятой пятилетке обеспечит дальнейшее изменение облика нашего края. Назову лишь несколько цифр — они зададут необходимый «масштаб оценки». В 550 млн. м² жилья, которое будет построено в стране за этот период, более 6 млн. — кузбассовских. На нужды, связанные с охраной окружающей среды, Кузбассу на десятую пятилетку ассигнуется 500 млн. рублей. Только на строительстве гидроузла на реке Томи будет освоено свыше 100 млн. рублей.

Существенные сдвиги произойдут в инфраструктуре: увеличится протяженность автодорог с твердым покрытием, будет завершена реконструкция Кемеровского и начнутся работы по Новокузнецкому аэропортам, предусматривается строительство двух железнодорожных вокзалов в Киселевске и Ленинске-Кузнецком. Таковы ближние подступы.

Более далекая перспектива, за пределами 1980 года, естественно, проработана не столь детально, но и она просматривается. К сожалению, отчетливее пока только по развитию экономического потенциала области. Между тем, для предмета нашего разговора это будущее очень важно, так как с ним связываются надежды на утверждение качественно новых форм расселения в бассейне. Да и во всей области, пожалуй.

Не могу в этой связи устоять перед искушением привести очень тонкое наблюдение известного математика Германа Вейля из его книги «Симметрия»: «Прош- лое может быть познано, но его нельзя изменить. Будущее неизвестно, но его можно менять решениями, принимаемыми в данный момент».

Время принятия решений о будущем уже стучится в двери архитекторов, социологов, экономистов — всех тех, кому этот выбор делать. Поиск оптимальных форм расселения в районах, осваиваемых горной промышленностью — одна из важнейших социальных проблем. Путь к достижению успеха нелегок, но его необходимо пройти.

Кузбасс в десятой пятилетке

● В десятой пятилетке в городах и районах области намечается построить свыше шести миллионов квадратных метров новой жилой площади. Строителям предстоит освоить сооружение домов новых типов, с большим комфортом квартир и удобной планировкой.

Будет в основном решена важная социальная проблема области — ликвидация жилья барачного типа и переселение людей с территории санитарно-защитных зон промышленных предприятий в благоустроенные квартиры.

Возрастет внимание к благоустройству городов и сел области, развитию коммунального хозяйства, вопросам водоснабжения и теплофикации. Особенно заметным будет рост строительных работ и благоустройства в сельской местности.

В городах, рабочих поселках и селах будут построены десятки новых клубов, библиотек, музыкальных школ. Примет зрителей новое здание филармонии в Кемерове и ТЮЗ в Новокузнецке.

Михаил Сорокин

ПРОШЕНИЯ ГРИГОРИЯ БРОВЦИНА

В Государственном архиве Алтайского края в Барнауле среди широкого фонда Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства хранятся два дела, в которых содержатся любопытные документы — прошения горного советника Г. Бровцина в Кабинет, его управляющему графу Д. А. Гурьеву.

Первые из прошений Григория Бровцина датированы июнем-июлем 1805 г., последние — июлем-октябрем 1806 г. Ответы из Кабинета получены в Барнауле в мае 1806 г. В двух весьма емких делах сосредоточено большое количество интересных материалов, которые позволят более полно узнать многие из важных сторон жизни Колывано-Воскресенского горного округа первой четверти XIX века.

Вся сознательная жизнь Григория Бровцина была связана с Колывано-Воскресенскими заводами. Как и большинство горных офицеров, происходил он из мелкопоместных дворян. В формуляре Бровцина отмечено, что на службу в Колывано-Воскресенский горный округ он поступил в 1760 г. 14-летним подростком. Благодаря тому, что Бровцин уже успел окончить Московский университет, он получил свой первый чин унтер-шахтмейстера. Затем за долгие года «беспорочной службы» он с достоинством прошагал по крутой служебной лестнице почти до самой ее вершины

(был шахтмейстером, берггешвореном, гиттенфервальтером, бергмейстером, обербергмейстером и, наконец, на 37 году службы, дослужился до звания бергтауптмана).

На Алтай Бровцин прибыл в связи с решением правительства развернуть здесь в большом объеме производство цветных металлов, главным образом, серебра. Правительство отобрало группу молодых специалистов, лучших выпускников высших учебных заведений России (из Московского университета, морского и кадетского корпусов), и отправило их в Сибирь. Как и большинство его товарищей (В. Чулков, А. Слатин, А. Елагин, Ф. Бакунин и др.), Бровцин прошел на Колывано-Воскресенских заводах сложный жизненный путь, получил хорошую закалку и дослужился до поста управляющего крупнейшим на Алтае Павловским заводом.

Бровцин был одним из образованнейших специалистов своего времени. Он знал языки (латынь, немецкий), изучал естественные науки, имел хорошую математическую подготовку, был отлично знаком с современной ему техникой металлургического производства. Все эти обширные знания у него удачно сочетались с богатейшим практическим опытом. Бровцин внес большой вклад в развитие и процветание Колывано-Воскресенских заводов, был автором ряда изобретений.

Что же заставило Бровцина, ценой нелегкого труда немало добившегося в жизни, на склоне лет своих вступить в конфликт с могущественной Канцелярией Колывано-Воскресенского горного округа? Определить мотивы, которыми руководствовался Григорий Бровцин, затеяв небезопасную для себя переписку с Кабинетом, нелегко. Для нас ясно только одно: он, много лет прослуживший в горном ведомстве на высоком посту управляющего Павловской заводской конторой, не мог не знать, что ожидает человека, решившего выступить в роли заступника мастеровых, ходатаем по крестьянским делам. Поэтому очень важно определить, как сам Бровцин отвечает на этот вопрос.

В одном из прошений в Кабинет в 1806 г. он, объясняя побудительные мотивы своих действий, писал, что им руководят «патриотические помыслы», что его беспокоит будущее Колывано-Воскресенских заводов, их дальнейшая судьба, что все его действия направлены «к пресечению ропота» приписных крестьян и мастеровых. Содержание рассматриваемых документов показывает, что начавшийся повсеместно «ропот» крестьян пугал Бровцина и, очевидно, не только его одного.

Начинающийся кризис всей горнозаводской промышленности России, основанной на подневольном труде, вынужденная отмена приписки на Урале — все это не могло не волновать передовую часть технической интеллигенции страны. Не остался в стороне и Бровцин. Старый специалист считал, что его долг — предупредить Кабинет о грозящей заводам опасности, спасти их от полного запустения.

Не лишне отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Бровцин, несмотря на свое высокое звание и занимаемый пост, пользовался большим авторитетом и уважением у мастеровых и приписных крестьян. Был он резок, но справедлив, сурово наказывал тех, кто нагло грабил и разорял крестьян. Добрая слава о Бровцине широко разнеслась среди мастеровых и приписных крестьян округа.

Когда же Бровцин вышел в отставку и поселился в Барнауле, к нему часто стали приходить мастеровые и приписные рассказывать о своих бедах, спрашивать совета, просить защиты. Многим он помогал писать прошения и жалобы. После выхода в отставку Бровцин, возможно, считал, что теперь, не связанный узами службы с Канцелярией горного начальства, он обязан возвысить свой голос в защиту угнетенных.

Сильная сторона прошений Бровцина — их обобщающий, синтетический характер, объясняющийся, очевидно, тем, что их автор обладал огромным фактическим материалом, был тонким знатоком (до мельчайших деталей) различных сторон жизни Колывано-Воскресенского горного округа, а, кроме того, по уровню своего образования и интеллектуального развития намного превосходил мастеровых и приписных крестьян.

В прошениях Бровцина развивается несколько сквозных тем, главная из которых — судьба Колывано-Воскресенских заводов. Как типичный представитель дворянства, Бровцин питает страх и отвращение к массовым народным выступлениям. По его мнению, от них прежде всего и исходит гибель для заводов. Поэтому в своих прошениях в Кабинет он стремится найти выход в рамках старой системы, лишь преобразованной на разумных, в его понимании, основаниях. В своем прошении в Кабинет Бровцин с грустью отмечает, что на Колывано-Воскресенских заводах уже «бывали» неприятности «до выходящих из границ к потрясению благоустройств...» Он предупреждает власти в Петербурге, что если положение в округе в скором времени не изменится, а заводы и впредь будут руководствоваться «на нынешних дурных правилах», то они «скоро дойдут до бывшего примеру Екатеринбургских заводов, а может и более встретиться неприятностей».

Высшие слои технической интеллигенции Колывано-Воскресенского горного округа были хорошо осведомлены о важней-

ших событиях в жизни страны, о выступлениях приписных крестьян и горнорабочих уральских заводов. Близость судеб Урала и Алтая, общность самого уклада жизни заводов, их организации позволяли Бровцину ссылаться на пример Урала для доказательств своих мыслей. Обращаясь к управляющему Кабинетом графу Д. А. Гурьеву, он отмечает, что положение на Колывано-Воскресенских заводах «по примеру в Екатеринбургских заводах бывшее... точно таковыми же дорогами шло, а именно, через разные угнетения к расстройству крестьян напоследок так доведено было, что выплавка металлов дошла до того, даже и расходов не оплачивали... послан был по именному указу князь Вяземский с комиссией».

При рассмотрении приведенной части документа бросается в глаза, что Бровцин правильно понимает причины выступлений приписных крестьян — ухудшение их положения и устанавливает общее в судьбе приписного крестьянства Урала и Алтая. Недавние выступления на Алтае, о которых говорил Бровцин, по его мнению, были вызваны теми же причинами.

Григорий Бровцин едва ли не первый среди высших горных офицеров Колывано-Воскресенского горного округа возвысил свой голос в защиту приписного крестьянства Алтая. Он смело бросил упрек в адрес Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, обвинив ее в безразличии к интересам приписного крестьянства. Обращаясь к управляющему Кабинетом графу Д. А. Гурьеву, он писал: «Во всех сторонах здешнего ведомства жалобы приносят, а начальство слышит и видеть не хочет их законных просьб на управителей и называют ябедою».

Прошения Бровцина содержат яркий материал о положении приписного крестьянства, о состоянии земледелия, скотоводства, торговли и промыслов в горном округе. В прошении в Кабинет от 29 октября 1806 г. отмечалось, что «здешния крестьяна время от времени становятся беднее, что скотоводство у них умалется». А как результат

общего упадка земледелия и скотоводства — возрастание цен на хлеб и остальные продукты питания.

В прошениях четко проводится мысль, что благосостояние заводов неразрывно связано с благосостоянием крестьян. Автор прошений отмечает, что из-за разорения приписные крестьяне стали с меньшей охотой наниматься в заводские работы, а это неизбежно приводит к тому, что «рудная возка чувствительно уменьшилась».

Указывается ряд причин, вызвавших ухудшение положения приписных крестьян к началу XIX в. На первый план Бровцин ставит рост налогов и поборов, причем не только тех, которые узаконены государством, но и таких «до разорения доводящих поборов, которые сверх учрежденных государственных податей и положенных сельских повинностей собираются». Свои наблюдения он подкрепляет ссылками на мнение приписных крестьян, которые неоднократно заявляли ему, что «поборы мирские время от времени большими суммами денег в нынешнее время умножаться начали, мы от того приходим в разорение».

Бровцин дал убийственную характеристику судопроизводства над крестьянами, показал крючкотворство, взяточничество, волокиту чиновников судебного ведомства: привел многочисленные убедительные примеры, разоблачающие нравы чиновников полицейского и судебного ведомств. «Частовременные позывы... по судам, — пишет Бровцин, — разоряют приписных крестьян.» Они много раз заявляли Бровцину, что «сими отлучками вешнюю пахоту проводят нас, либо жнитво потеряем и много сему подобных потаскушек бывает». «А прежде эдаких волокит, — добавляли крестьяне, — никогда не бывало, а разбирались нашими сходками в деревне стариками... и решались без волокиты... А ныне если баба с бабой о брошенном кокошнике размолятся... для сих пустых брызгов всю деревню таскают... пошлют дело о кокошнике в судную часть, а тут и закабалят

наши головушки и таскают год или больше».

В своих прошениях Бровцин привел многочисленные примеры, характеризующие отношение чиновников канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства к крестьянам. Так, например, он рассказал о случае, произошедшем с приписным крестьянином Шемонаевым, когда тот пришел со своей жалобой в Канцелярию горного начальства. Чиновник, к которому обратился крестьянин, закричал: «Вы только с ябедами суетесь!» Затем послышалась отборная брань («забранился мерскою бранью...») и крестьянина тотчас же выбросили вон. Вдогонку ему пригрозили: «Если ты к Бровцину пойдешь, то от Канцелярии кнут схватишь».

Бровцин не выступает простым регистратором фактов. В его прошениях, несмотря на их насыщенность фактическим материалом, четко прослеживается авторская позиция, ясно видно его отношение к приписным крестьянам. Как бы подводя итог своим наблюдениям над злоключениями крестьян, он горестно заметил: «бедность столь угнетается, да еще здешними владыками пресекаются средства к сысканию защищения».

Прошения Бровцина в Кабинет — замечательный источник, характеризующий самые различные стороны жизни и быта горнорабочих, причем, как раз такие стороны, которые в прошениях мастеровых обычно или вовсе упускаются, или рассматриваются слишком фрагментарно.

Так, например, в них содержится яркая характеристика состояния медицинского обслуживания горнорабочих в Кольвано-Воскресенском горном округе, одной из важных сторон жизни и быта мастеровых, которая, в силу своей специфичности, менее всего известна исследователям. Прошения знакомят нас с организацией медицинского обслуживания, с постановкой дела ухода за больными, организацией питания в госпиталях.

Приводятся многочисленные факты, по-

зволяющие судить не только об отношении к нуждам горнорабочих вообще, но и о таких конкретных сторонах жизни мастеровых, как качество их медицинского обслуживания. Бровцин приводит свидетельства самих горнорабочих: «...когда вздумают, дадут лекарство, в другое время с неделю не видишь оного...» О качестве лечения можно также судить по следующему их замечанию: «...лекарство нам дают... один нашатырь в тепленькой водице... когда бывают ранами больны или зубы болят, так всем нашатырю же дают, к ранам на милость пластырку или вару прилепят... мы свежее приходим в госпиталь, а от духоты и от худой пищи нам тяжелее делается...» О больничной пище рабочие говорили: в супе «круп столь мало, что едва найдешь для уверения себе, что она положена... кашу не варят, а пшеничных булок ни одному больному давано не было, квас столь худ, жаль что воду испортили».

Мастеровые жаловались Бровцину: «...нередко бывало, что месяца по четыре и больше лежим в госпитале, будучи на половинном жаловании, по большей части довольствуемся собственною пищей и питанием, от того нам жаловаться не достаёт и принуждены содержать себя и семейство, в то время с бедностью сопряженное... есть у нас много таких мастеровых, у которых от 5 до 10 человек детей имеют, то чем будут кормить, почему здесь и по миру много ходит... нам при болезни и слабости, — добавляли горнорабочие, — лежать (в госпитале — М. С.) очень проигрышно, вычитают половинное жалование, а едим и пьем свое».

Прошения содержат материалы для характеристики такого слабо изученного вопроса, как торговля в заводских поселках Кольвано-Воскресенского горного округа. Они позволяют судить о том, что подрядная система поставок продовольствия приводила к установлению высоких цен на продукты питания, отрицательно сказывалась на их качестве, наносила ущерб интересам приписных крестьян, так как подрывала их торговлю.

Бровцин сообщает в Кабинет, что в разговорах с ним мастеровые не раз с горечью говорили: «Сколько из деревень крестьян навозили всякого скота мяс, а ныне с этими подрядами крестьянам возить запрящают». В его прошениях содержится красноречивая оценка мастеровыми деятельности маркитантов-подрядчиков, состояния санитарного надзора за торговлей продуктами питания. «Мясо-то подрядные маркитанты нам не лучше падины продают, ибо никто не свидетельствует, здоровая или больная», — с горечью заявляют горнорабочие.

Важное достоинство прошений еще и в том, что они содержат богатый материал для характеристики общественного сознания мастеровых. По ним можно судить, что горнорабочие в начале XIX в. уже более решительно боролись за свои права, чем их собратья полвека назад. «Мы, — заявляли мастеровые, — люди работные, всегда в трудной работе: да еще лишают нас... харчу, который нам... ко укреплению сил служит».

Прогресс помогают исследователю лучше понять отличия социального протеста горнорабочих от социального протеста приписных крестьян. Для первых были характерны: большая решительность в защите своих требований, умение не робеть даже перед высокопоставленными чиновниками Канцелярии горного начальства. Можно привести ряд примеров. В барнаульский госпиталь для расследования произошедшего там «ропота» был направлен член Канцелярии Буянов. Захватив с собой образцы пищи, конечно, гораздо лучшего качества, чем та, которую выдавали мастеровым, он набросился на больных, как потом те заявили, «с угрозами битья», и стал кричать «... это ли не хлеб, етот ли не квас?» Однако Буянов так и не сумел запугать горнорабочих. Выслушав его, они дружно отвечали ему: «етот хлеб не тот, которым нас кормят, квас не тот, которым нас поят». Горнорабочие общими усилиями сумели отбить первый натиск Канцелярии горного начальства. Однако Канцелярия не

оставила своих попыток запугать мастеровых.

Вскоре в заводской госпиталь прибыл управляющий барнаульской заводской конторой Александр Качка, непосредственный начальник мастеровых. В ответ на его «увещания» (он сообщил мастеровым, что недавно им прибавили жалование) последние заявили: «нам объявили Высочайшею монаршею милость о прибавке (жалования — М. С.)... однако вернее, что убавлено, ибо мы денег не получаем».

Прогресс Бровцина свидетельствуют о том, что у мастеровых начинает пробуждаться чувство классовой солидарности. Их уже не пугают угрозы расправы со стороны грозной Канцелярии горного начальства, с ее военным судом, горным батальоном и заводскою полицией. Горнорабочие смело стоят на своем, дружно возражают чиновникам. Независимый тон, отсутствие страха — важная черта того нового, что появилось в общественном сознании горнорабочих. «Об нас мало думают, — как выношенное, твердо осознанное и усвоенное, заявляли мастеровые Бровцину, — кому только недосуг, тот нас не бранит и не колотит, а никто не милует и не защищает от угнетений обижателей».

Необходимо отметить, что прошения Бровцина — документ необычный для той социальной среды, к которой принадлежал их автор. Большинство горных офицеров смотрело на жизнь мастеровых и приписных крестьян иначе, чем Григорий Бровцин. Однако это обстоятельство не умаляет их ценности, и наоборот, подчеркивает их уникальность.

На что надеялся умудренный жизнью горный советник? Он рассчитывал, что власти прислушаются к его мнению или, по меньшей мере, захотят их проверить. Вот почему он просил, буквально умолял чиновников Кабинета, чтобы из Петербурга на Алтай прислали достаточно авторитетного ревизора. «Необходимо нужен, — заключает Бровцин, — член Кабинета, чтоб рассмотреть крестьянские все угнетения».

Однако реакция Кабинета оказалась не

такой, какой ожидал Бровцин. Прощения Бровцина чиновниками Кабинета были расценены как дерзкие, возмутительные. Об их содержании Кабинет был намерен сообщить императору Александру I. Ни почтенный возраст, ни былые заслуги перед Отечеством, ни справедливость самих прошений — ничто не могло спасти престарелого горного советника в отставке от гнева высших властей. Управляющему Кабинетом графу Д. А. Гурьеву позиция Бровцина показалась дикой и непонятной. Как может он, дворянин, облагодетельствованный Кабинетом, вставать на защиту каких-то мастеровых и приписных крестьян?

В письме управляющего Кабинетом графа Гурьева начальнику Колывано-Воскресенских заводов Чулкову от 6 марта 1807 г. (в Барнауле получено 15 мая 1807 г.) говорилось: «если он (Бровцин — М. С.) впредь будет присылать подобные бумаги, тогда я поставлен буду в необходимость довести сие до сведения е. и. в. и спросить высо-

чайшего соизволения об удалении его из заводов».

Угроза управляющего Кабинетом могла означать слишком многое. Не исключено, что доклад императору Александру I повлек бы за собой не только выселение из округа, где Бровцин прослужил почти всю жизнь и теперь доживал свой век. Император мог распорядиться снять с Бровцина заслуженную им пенсию, лишить его дворянского звания, а то и разжаловать его и всех его близких в приписные крестьяне.

Прощения Бровцина в Кабинет показывают, что в начале XIX в. в среде передовой интеллигенции и дворянства России, в самых различных ее частях, в том числе и в Сибири, постепенно зрело недовольство крепостническими порядками, политическим и социальным бесправием народа. Прощения свидетельствуют, что лучшие представители передовой интеллигенции России, еще задолго до декабристов, пытались возвысить свой голос в защиту обездоленных.

Кузбасс в десятой пятилетке

● В десятой пятилетке намечается провести большой объем работ по реконструкции железных дорог Артышта—Междуреченск и Кемерово—Топки. Дорога Кемерово—Барзас будет переведена на электрическую тягу. Новые вокзалы примут пассажиров в Киселевске и Ленинске-Кузнецком.

Новый размах получает дорожное строительство. Сеть дорог с твердым покрытием возрастет почти на 800 километров. Будет построено сооружение современных автомагистралей Новосибирск—Кемерово—Красноярск, Кемерово—Новокузнецк—Междуреченск, Новокузнецк—Таштагол и т. д.

Будет проведена реконструкция Кемеровского аэропорта, что позволит принимать современные турбореактивные самолеты.

ДЕБЮТ И ПОСЛЕ НЕГО

В нынешнем году вышли: первая книжка рассказов Владимира Куропатова «Пожили-поработали» и вторая Екатерины Дубро — «Медленные часы».

Творчество обоих кузбасских прозаиков привлекает внимание читателей. Правда, и темы, и писательская манера авторов разнохарактерны. И в этой рецензии мы, естественно, их не сравниваем. Повод для общего разговора всего лишь временной: дебют и после дебюта...

Познакомимся с дебютантом. О чем пишет В. Куропатов, кто его герои, и чем они ему дороги?

Люди это разные. В различных обстоятельствах суждено им проявляться. Одним — исключительно привлекательной стороной характера. Другим — преимущественно негативной стороной. Но какой бы статью ни представляли персонажи, автор, чувствуется, всех их любит. Будто собственную родню, в которой, как известно, всякие бывают, да что поделаешь.

Не всеядность ли это в смысле выбора литературных типов? Нет, и вот почему: среди «родни», оказывается, есть те, кто всех дороже и милей.

Чем милей? — вот вопрос.

Откроем страницы рассказа, давшего название сборнику. «Пожили-поработали» — это, должно быть, автобиографическая вещь. Автор рисует образ отца, старого крестьянина, век свой отработавшего на земле. Пришел срок, и вот силы покидают человека. Но как светел и радостен его последний труд! До чего ненасытен в труде человек! Грустно, а в то же время завидно ощущать эту сладость работы. «А он, отец, шел осанисто и легко. Так легко,

что, казалось, совсем не напрягал сил, только поддерживал под нужным углом черенок косы, а она уже сама отлетала назад, ныряла в траву, сбивая стебли, укладывая их в валок и, пока отец делал маленький гусиный шажок, опять отлетала назад. Между косарем и косой установилась такая согласованность, будто были они звеньями одного хорошо отлаженного механизма».

Вообще симпатии автора отданы человеку трудолюбивому. Притом такому, кто в этой жизни не совершает исключительных поступков. Строго судить, по героям Владимира Куропатова трудно равнять свое поведение. Неприметные, негромкие. Так чем же все-таки они берут, и что в них видит писатель?

А тем они берут, что не просты, хотя и простоваты. Тут нельзя со снисходительностью подходить. Надо понять характеры. Нам кажется, молодой прозаик именно потому на верном пути, что старается прежде всего разобраться в действиях и смысле существования своих героев.

Заняв такую позицию, писатель может обойтись без «восклицательных знаков», раздумчивы его повествования, с необходимой долей иронии. Владимир Куропатов не ошеломит вас сюжетом, не построит экстравагантного диалога. Правильно понимает: не в конструктивных особенностях и не в стилистических ухищрениях сила воздействия. Дескать, знакомьтесь с моими героями, а коль придется они по душе, так это заслуга их душевных качеств.

Ничего особенного не представляет из себя героиня рассказа уборщица Дуся («Про Дусю»). Сначала читателю может

даже не понравиться самоуничижительность ее поведения. Выгоды она своей ни в чем не ищет, довольствуется и малым заработком, и барачными условиями быта. Одинока, почти беззащитна. Личная жизнь явно не получается, и в этом тоже вроде виноват характер Дуся. Она из тех, про кого в народе говорят — «легкий умок».

Легкий ли? Глубина и своеобразие чувств героини раскрываются в ее отношениях с дядей Васей. Ничего, собственно, не происходит, не взрывается конфликтом драма извечного любовного треугольника. Словом, роман, по всем понятиям, пресный. Но почему же ближе к концу рассказа нас охватывает неподдельное чувство сострадания? Когда погиб дядя Вася, соседки скажут Дуся несправедливо — резко: «Бесстыжая... Ты и тут его перевстрела». Незрячим сердцем могли ли соседи догадаться, что значит для этой женщины утрата? «Кто сможет, — пишет В. Куропатов, — заменить дядю Васю, который не был ей мужем, но был ей так дорог, как, может, никому, кто был возле гроба». И остается в нашей памяти эта простая русская женщина с мягким характером, но отнюдь не бессмысленной душой.

Надо иметь в виду: круг людей, событий, описываемых молодым прозаиком, намеренно узок. Определен воспоминаниями автора, либо по деревенскому детству, либо по знакомству молодых лет. Негладкая у них жизнь, небезошибочно поведение. Однако автор не склонен вымерять нравственным аршином достоинства и недостатки людей, ему запомнившихся. В рассказах вы не встретите окончательных оценок. Тем самым Владимир Куропатов приглашает нас вместе задуматься о сложных и противоречивых сторонах бытия.

Не все рассказы сборника заставят задуматься одинаково. Но рядом с неприятельной, где-то даже назидательной зарисовкой «Подушечки» встречаешь вещь, которая дает основание переосмыслить наше читательское представление о том, «что такое хорошо и что такое плохо» в жизни и в литературе.

Куда как необаятельна бабка Марфа Пронина из рассказа «Дьяволица», пожалуй, самый сильный, самый удавшийся образ во всем сборнике.

Ну как вызовет симпатию эта Баба Яга? Со всей деревней старуха на ногах: язвительна, неуживчива, хитра до коварности. Помрет бабка Марфа, и даже всепрощающие соседки не найдут о ней добрых слов, кроме обязательных поминальных, равнодушных вздохов:

— Легкой смертью померла...

— Никому не докучила...

— Другие-то вон годами...

Более того, когда память о колючей старухе отодвинется, скажут и объективнее: «А все же, бабы, дьяволица была Прониха, истинная дьяволица».

Оказывается, это не все, что автор хотел сказать о своей непростой героине. Читатель вынесет из рассказа нечто большее: убеждение, что характеры, подобные этому, не то что необходимы, — просто они неизбежны в мире людей. Да и действительно, писателю удалось изобразить совершенно жизненный образ: представьте себе деревню (как и вообще человеческое общежитие) без таких вот старух. Как говорится, без ночи нет дня, без грозы — тишины.

Нам кажется, в рассказе «Дьяволица» Владимир Куропатов ближе всего подходит к художественной истине, заставляет размышлять не только над конкретным образом, но и над целым кругом житейских вопросов. В нас пробуждается желание думать о неоднозначности явлений. Ведь жалко, признаться, людей, которые зачастую помимо своей воли, постепенно утрачивают в себе хорошие качества, все больше и больше отдаляясь от людей. Вот оно, то главное, чего мы ждем от литературы — чтобы она заставляла мыслить не узко, не сиюминутно, сравнивать, извлекать нравственные уроки...

В рассказах Владимира Куропатова что ни человек, то чудинка. Хочет ли он просто сказать: у каждого свой норов? Нет, автору интересно найти нравственную основу образа. Поэтому он нелегко выносит приговор, а чаще и не выносит вовсе. Чудинка героя для писателя — не обязательно признак ущербности, отрицательности.

Характерный пример — рассказ «Коза в огороде». Из всего сборника он выделяется сатиричностью, хотя не в этом его достоинство. Писатель верен своей манере — разглядеть за неказистой судьбою доброе первоначало в человеке.

...Трое односельчан вроде бы «одним миром мазаны»: ни привилегий друг перед другом, ни подчиненности какой. Почему же «крепкие мужики» Николай Самохин и Федор Давыдов столь снисходительны, пренебрежительны к Гришке Грошеву? А и есть, кажется, причина для иронии: самый худой хозяин Гришка.

Смотреть с точки зрения самостоятельных мужиков Самохина и Давыдова, нам надо также осмеять «лодыря» Грошева. Однако не будем торопиться, как не спешит приклеить ярлык сам автор.

О чем неспешная, ленивая беседа Федо-

ра и Николая? Да об одном и том же. Кто что урвал от казенного пирога, каким способом сумел защитить свое кровное. («Раскидал я ему нос по морде — велел жерди сбросить»). Если учесть все это, то станет ясно: позиция «крепких» мужиков из «точки» превращается в «кочку зрения». Гришка Грошев честен, обременен семьей, не хуже других разбирается в жизни. И уж, по крайней мере, одно он видит до доньшка: своекорыстные души насмешников-соседей. Пусть он живет не роскошно, его вина, что леноват, но зато не тащит откуда попало.

Этот рассказ построен в основном на диалоге. Автор как будто не хочет вмешиваться, объяснять, расшифровывать. Сущность натур раскрывается во взаимоотношениях. Тут основная позиция писателя подкрепляется своеобразным художественным приемом. В конце рассказа, когда оказываются разоблаченными Давыдов и Самохин (нет, к ответу их не притянули), подчеркнута еще раз одна из уязвимых черт Грошева — лень. Это выглядит особенно достоверно.

Маленькой повестью можно назвать рассказ «На добрую память». Автор выделяет еще одну деталь человеческой личности. Наряду с бескорыстием главного героя — деда Федора, в нем подчеркнута поэтичность, творческая способность натуры. И если первая черта — бескорыстие — роднит его с той же Дусей, то другая — оптимизм реалиста — присуща только ему. В повествованиях деда ирония и богохульство, и насмешка над жадностью, любовные удалы и сметкой. Все это импонирует автору, а вместе и нам, читателям.

Так от рассказа к рассказу расширяется нравственная площадь, на которой Владимир Куропатов располагает героев своих произведений. В согласии с жизненной правдой он не идеализирует людей. В одном случае мы видим не площадь, а всего лишь площадку, плацдарм («Коза в огороде» или «На телеге»), в другом — даже ничейную землю («Дьяволица»).

Писателю всегда важно оттенить определяющую линию образа. У деревенского подростка-приблудыша Сашки это природная чистота помыслов («Сашка-водовоз»), у деда Федора Щеголихина — самоотдача, не требующая ничего взамен, у отца («Пожили-поработали») — полнота наслаждения трудом. Используя название последнего рассказа, можно так определить идею прозы В. Куропатова: на долгую память людям остается после нас все, что сделано и делается хорошего, но и плохого тоже.

И с какого бы боку ни подходил он к

жизни, к судьбе своих героев, писатель видит один критерий: честность, доброта, внутренняя порядочность так же естественны для сильного, здорового духом человека, как дыхание, как шаги по родной земле. Поэтому и видна столь отчетливо связь хороших людей в рассказах молодого кузбасского прозаика, его привязанность к ним.

Достоинство первых рассказов В. Куропатова не только в этом. Подкупают доверчивые интонации письма, внимательность писателя к языку своих произведений. Автор бережно относится к слову. Судите сами. Почти все его герои — сельские, однако же в диалогах (а это часто бывает в «деревенской» прозе) он не злоупотребил корявыми словечками, отыскивая в народной речи лишь то, что емко и живописно типизирует самих героев или какое-нибудь жизненное явление. Сознательная работа над словом видна и в том, что Владимир Куропатов не обременяет авторскую речь «деревенскими» словечками даже для колорита.

Дебют есть дебют, и полностью в нем, будем надеяться, молодой прозаик еще не мог раскрыться. Потому о недостатках, которые есть, хочется говорить с надеждой, что они преходящи. Рассказ — жанр динамический. Ему не повредил бы герой более активный, действенный. Воспоминания — не слишком ли суженный размер для писания жизненного полотна в такой форме, как рассказ? Да и откуда взяться широте, если в книжке нет современности. Автор — журналист. Вот бы с тем же вниманием к сердцу обыкновенного человека, с той же раздумчивостью, которые показал в сборнике Владимир Куропатов, поисследовать тех, кто двигает жизнь, социальный уклад сегодняшнего села!

Это, думается, впереди. В. Куропатов находится в начале многотрудных путей творчества. Пока в его рассказах чувствуется сильное влияние Василия Шукшина. Это неизбежно, поскольку молодой писатель ищет на той же стезе: пристрастен к сельской теме, выбирает героев из глубины жизни, повествует неброско, с любовью к описываемому.

Что ж, учеба на лучших образцах никому не повредила. Было бы что сказать самому. Владимир Куропатов, без сомнения, имеет что сказать. Литературный дебют его получился интересный, многообещающий. Что-то будет после него?..

Этот вопрос уже не стоит перед другим нашим прозаиком — Екатериной Дубро.

«Медленные часы» — сборник, который и продолжает, и в чем-то не походит на первую книжку рассказов «Вернусь звездопадом», изданную у нас в Кемерове три года назад.

Е. Дубро и в новых рассказах видит прежнюю задачу — исследует душевную глубину человека. Задача не из легких. Тут не отделаешься зарисовочными приемами. Не обойдешься апелляцией к разуму и жизненному опыту читателя.

Жизнь человеческого сердца — самое сложное явление. Это писательница отлично понимает, и потому-то, вероятно, для своих произведений Екатерина Дубро подбирает самые разнообразные формы. В одном случае это бытовой психологический рассказ (например, «Богиня Семеновна»), в другом — аллегория («Кто-то с молоточком»).

В сфере внимания автора также ничем не выдающиеся люди. Они не решают масштабных проблем бытия. Их заботы будничны, волнения прозаичны. Однако, именно намеренный бытовизм позволяет писательнице взглянуть, проникнуть в сокровенные уголки человеческого поведения, понять мотивы поступков своих героев.

В этом отношении особо характерным получился рассказ «Медленные часы». Он несет на себе печать достоинства таланта молодой писательницы и в то же время содержит недостатки, присущие ее творчеству.

Больничная палата. Никаких особых событий не происходит. Одинаковость положения подчеркивается общим званием всех героев — «больные». В такой обстановке, по мысли автора, полнее, резче выявляются свойства характеров, психологическая совместимость или «несостыкованность».

Что ценно, так это нежелание автора сразу поделить людей в палате на «хороших» и «плохих». Сначала кажется, что все будут страдать от старческого, в чем-то деревенского эгоизма бабки Лукерьи. Но постепенно раскрывается более сложный эгоизм другой женщины — Нины Ивановны. Перипетии больничного быта вывернут наизнанку его основу — недоверие к людям, неспособность (да и нежелание) сострадать, приравнять свою беду к бедам других людей. Рассказу не окажется помехой локальность места действия, камерность страстей. Выразительными получились образы бабки, Тани, убедительным — образ Марины.

Что же все-таки не удовлетворяет в этом рассказе? Скажем об этом подробнее, по-

тому, что недостатки его не случайны. Вышел парадокс: самая интересная вещь оказалась несделанной. Рассказ рыхлый, в нем много лишних описаний, не играющих на сюжет деталей. Герои ведут длинные разговоры книжного свойства, но кто они, больные, во внебольничной жизни? Об этом догадаться трудно. Хотя бы по речи, к сожалению, не индивидуализированной. Отсюда и схематичность. И если творческое внимание автора, нравственная позиция, доверительность составляют сильную сторону таланта Е. Дубро, то не могут насторожить назидательность, стремление объяснить даже подтекст, которым она вообще-то умеет пользоваться.

Зачем, спрашивается, нам читать такую концовку, не дающую ничего ни уму ни сердцу? «Но память о больнице, — пишет Дубро, — и о соседях по палате, как правило, остается надолго, особенно для тех, кто попадает сюда впервые. И люди жесткие, бывает, становятся мягче, добрее. А бывает и по-другому: люди слишком слабые теряются больше, нагнав девишью чужие муки или же, что гораздо хуже, столкнувшись с эгоизмом чьего-то горя, позабывшего, что оно не одно».

У Екатерины Дубро нет людей, довольных собою, блаженствующих на высоте положения. Мерилом человечности у нее являются различные душевные качества, а не одно какое-то всеобъемлющее. Одинокая машинистка Диана Семеновна («Богиня Семеновна») бескорыстна, чутка к молодежи до самоотречения. Герой рассказа «Улица Тра-ля-ля» Максим горько заплатил за нравственную неразборчивость. Нечто подобное подстерегало в жизни и художника Петра Ожогина («По французской пословице»).

Трудную личную жизнь героев автор рисует в остро конфликтном ключе, однако нигде не впадая в экзальтацию и не ограничиваясь примитивными сентенциями. Не случайно писательница обращается к истокам чувств человеческих (рассказ «Отвесно падали дожди»).

Искренний, свежий, в чем-то грустный рассказ. Нам интересно следить за переживаниями четырнадцатилетнего Алеши, когда вспыхивает его первое чувство к яркой девочке Светлане. Целую гамму настроений вызвала у нас эта история. Поймет ли герой сложность интимного мира? Не рассудит ли, что все на свете ложь и кокетство? Заинтересовав читателя подобными вопросами, автор, пожалуй, напрасно дает сразу все ответы. От этого проигрывает в целом хороший рассказ.

«Отвесно падали дожди» вроде бы особ-

няком в сборнике. Но не обособленно существует его идея, что настоящее чувство должно быть зрелым. Сквозная мысль об этом проходит, по существу, сквозь все творчество молодой писательницы.

В сборнике есть два рассказа, составляющих своеобразную дилогию о трудном личном счастье. Прочтя первый («Петушинная весна»), мы почувствуем беспокойство за судьбу Виктора Пахомова, у которого так не ладится семья. Появление в его жизни Ольги, школьной подруги, углубляет семейную драму.

Правда, подобная ситуация достаточно тривиальна. И тут писательница проявляет настоящую художественную зрелость. Она завершает рассказ на щемящей ноте — и сюжетно-композиционно, и психологически. А в следующем рассказе («Сто белых башен») раскроет с глубиной достоверностью внутренний мир Ольги, подве-

дет нас к осознанию необходимости, неотвратимости счастья для двух хороших людей, которые наверняка сумеют сберечь драгоценное чувство любви.

Хочется отметить особую черту творчества Екатерины Дубро, отличающую ее от работ большинства кузбасских прозаиков. Проза Дубро лирична. Нам кажется, дело не в том, что автор — женщина, таково свойство восприятия мира. В отдельные произведения она умело вводит сказку, причем сказка не выглядит вставной притчей. Автору важна поэтическая основа сказки, душа этого жанра. Она служит дополнительным художественным приемом, средством характеристики героев. Не отсюда ли и тяга к жанру аллегории, проявившаяся, как упоминалось, в последнем рассказе сборника.

Словом, вторая книга Екатерины Дубро позволяет судить о несомненном творче-

Кузбасс в десятой пятилетке

● Работникам легкой промышленности предстоит освоить проектные мощности новых предприятий, расширить ассортимент и поднять качество продукции. Если объем производства легкой промышленности по стране увеличится на 26—28 процентов, то в Кузбассе он возрастет без ввода новых предприятий почти в два раза. Прокопьевский фарфоровый завод перейдет на выпуск сортовой посуды, готовую продукцию многих наименований станут давать торговле Кемеровский комбинат шелковых тканей и камвольно-суконный комбинат Ленинска-Кузнецкого.

Будет расширена швейная фабрика «Томь» в Кемерове. Предусматривается строительство нового крупного Дома моделей.

На треть увеличится производство мебели.

Пищевая промышленность пополнится новыми хлебозаводами в Гурьевске, Мариинске, Новокузнецке.

Будут расширены Кемеровский, Прокопьевский и Мариинский мясокомбинаты, новые молочные заводы дадут продукции в Анжеро-Судженске и Киселевске. Намечено строительство завода виноградных вин и шампанского в Новокузнецке. Войдут в строй новые мощности по производству пива и безалкогольных напитков.

На выпуск новой более совершенной модели пылесоса перейдет прокопьевский завод «Электромашина». Наряду с другими предприятиями выпуск товаров народного потребления начнет кемеровское объединение «Азот», Западно-Сибирский металлургический завод, Беловский цинковый завод. До 80% возрастет удельный вес товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода в местной промышленности.

ском росте. Расширилась сфера поиска. Герои рассказов вполне современные.

Главное же: сегодня писательница углубленнее изучает жизнь, раздвигает рамки камерности исследования. Возвратимся снова к рассказу «Улица Тра-ля-ля», удаче бесспорной. Так выписать моральный крах личности, как это сделано здесь, — надо иметь не только серьезность намерений, но обладать умением соблюсти пропорции между логикой развития самого образа и авторскими оценками.

Подчас Е. Дубро нарушает упомянутые пропорции. И тогда она вынуждена досказать, прояснить ситуацию, будто не доверяя собственным героям или не надеясь на догадливость читателя. Хорошо, к примеру, изображена сцена отчуждения супругов Ожоговых в рассказе «По французской пословице». Диалог, внутренняя речь героини, все убеждает в неизбежно-

сти разлада. Стоит ли дорисовывать картину следующим текстом: «А между ними была пропасть. Вовсе неширокая, но такой глубины, что перешагивать страшно. Да и нет нужды».

И уж коли речь зашла о претензиях к прозе этого сборника, то еще несколько замечаний. Писательнице, на наш взгляд, предстоит отрешиться от некоторой расщепленности в своих повествованиях. Совершенно напрасно, по-видимому, в сборник включена миниатюра «Моряк». Тема модная — об уважении к миру животных, но использована она несамобытно, повторяет не раз читанное нами в последнее время.

В заключение: от обоих авторов читатель в будущем может многого ожидать. Пусть они помнят только об одном: расти в современном творчестве трудно. А иного пути у художника быть не может...

Кузбасс в десятой пятилетке

● Химическая промышленность была и остается одним из «китов», на которых базируется экономика Кузбасса. Темпы ее развития в девятой пятилетке были примерно в полтора раза выше, чем в целом по промышленной области. Особенно быстро росло производство капролактама, лекарственных веществ, синтетических смол и пластмасс.

В десятой пятилетке производство химической продукции возрастет в 1,5—1,6 раза, в том числе выпуск таких важнейших видов продукции, как минеральные удобрения и химические волокна — почти в два с половиной раза, капролактама в 1,4 раза. Столь значительный рост будет получен за счет ввода в строй новых производственных мощностей и перевода ряда производств на новую сырьевую базу.

Речь идет о природном газе, который скоро поступит в Кузбасс по строящемуся ныне газопроводу из Томской области. Он и будет основным сырьем для кемеровского производственного объединения «Азот», носившего до этого название Новокемеровского химического комбината. Перевод производства на высококачественный природный газ требует от химиков большой и серьезной подготовки.

Одновременно с этим намечается проведение крупных мер по совершенствованию технологии химического производства и строительству очистных сооружений, что намного сократит выброс в атмосферу отходов химии, обезопасит от них водные источники. Оздоровлению внешней среды будет способствовать прекращение работы ряда действующих цехов и производств с устаревшей технологией.

Михаил Небогатов

УРОКИ А. Т. ТВАРДОВСКОГО

Трудно вспомнить случай, когда бы чей-то путь в литературу был с самого начала, с первых шагов, что называется, устлан розами. Такой путь может грезиться лишь в мечтах, а на практике совсем другое: прежде чем добиться успеха на литературном поприще, сколько же надо преодолеть всяческих препятствий, сколько провести бессонных, тревожных ночей в обессиляющих душу сомнениях, разочарованиях... И как же важно в подобные дни, недели, месяцы, а то и годы общение с человеком, которого ты ценишь, любишь как большого художника слова и чье мнение для тебя дороже всего.

Любовь к поэзии Твардовского родилась во мне еще в довоенное время, когда я был школьником — задолго до появления на свет знаменитого «Василия Теркина», произведения, которое сегодня мы с полным основанием можем назвать бессмертным. Помню, с каким наслаждением упивался я неповторимым ароматом сельской лирики еще молодого тогда смоленского поэта, который сразу и на всю жизнь вошел в мою душу, сроднился с нею так, как будто все, что было в его стихах, пережил и перечувствовал я сам.

В связи с этим вспоминается такой, можно сказать, казусный случай. Где-то в середине сороковых годов послал я

Александру Трифоновичу стихотворение, о котором мой кумир отозвался примерно так (первое это письмо ко мне, к великому сожалению, не сохранилось): стихотворение — незаурядное, но уж слишком напоминает «Поездку в Загорье» известного вам автора... Этот ответ вызвал у меня недоумение: какого известного мне автора, чья это «Поездка в Загорье»? Обратился к одному из старших товарищей по «литсреде», которые проводились тогда в редакции газеты «Кузбасс», и этот, очень начитанный и знающий, товарищ объяснил мне: «Поездка в Загорье» — известное стихотворение Твардовского. Я же, к стыду своему, до той поры в глаза не видел этой вещи... Поистине неисповедимы пути господни — не зная оригинала, написать как бы копию его.

С полной откровенностью признаюсь: когда начал я писать стихи (это было уже после войны), то даже и не подозревал, что многое в них звучит «под Твардовского». Обо этом сказали мне читатели, рецензенты, а позднее — и сам Александр Трифонович. У меня хранится несколько писем от него и, может быть, читателям будет небезынтересно узнать, какие отзывы, замечания, советы содержатся в этих письмах. Многое в них, как мне кажется, будет поучительно для начинающих.

В 1955 году я, после долгих колебаний, решился отправить А. Твардовскому восторженный отклик на только что опубликованные его стихи, подкрепив свой душевный порыв собственным стихотворением, в котором были такие строчки:

Творцы картин, симфоний, книг ли —
Все эти люди среди нас.
И мы настолько к ним привыкли,
Что мало ценим их подчас.
Заслуги близких не в новинку,
Теплей о предках говорим:
Как счастлив был, кто видел Глинку,
Встречался с Пушкиным, с Толстым!
Вот так, грустя над «Тихим Доном»
Иль шуткам Теркина смеясь,
Не раз со вздохом затаенным
Потомок скажет и про нас:
Мол, были некогда счастливцы,
Кому был другом до конца
И житель Вешенской станицы.
И автор «Книги про бойца»...

Я тоже мог посчитать себя счастливым, получив вскоре ответ:

«М. 30.9.55 г.

Дорогой тов. Небогатов!

Спасибо за добрые и, не сомневаюсь, искренние слова вашего письма относительно стихов в «Огоньке». Приведенные в письме стихи недурны, но я не могу о них распространяться, поскольку там и моя личность произведена в ранг «великих», что, конечно, вы сделали по доброте, молодости и... сгоряча.

С вашими другими стихами готов ознакомиться, прошу прислать.

Ваш А. Твардовский».

Как показало время, не просто «по доброте, молодости и... сгоряча» еще тогда, два добрых десятка лет назад, мой любимый поэт был «произведен» мною в ранг великих — таковым его и называют сейчас, посмертно, уже без всяких кавычек. Да и при жизни Твардовского многие считали его классиком. У Константина Ваншенкина, например, есть стихотворение «В Красной Пахре» — о посещении им тяжело больного, уже умирающего поэта, — где прямо сказано:

Какой тяжелый год,
Безжалостное лето,

Коль близится уход
Великого поэта...

В работе литератора все очень сложно, вплоть до самых, казалось бы, незначительных мелочей. Чего, вроде бы, проще: отобрать из написанного тобою что-то, на твой взгляд, наиболее удачное и послать это в редакцию или какому-нибудь конкретному лицу на отзыв. Однако и такой «пустяк» — не совсем простое дело: сплошь и рядом молодые литераторы допускают ошибки, отбирают совершенно не то, что следовало бы. Да только ли молодые! Бывает, что и опытный литератор — поэт ли, прозаик ли, — после выступления перед какой-то аудиторией, придя домой, досаждает на себя: нет, не то прочитал, надо было что-нибудь другое, более подходящее...

Говорю это, имея в виду и собственные промашки. Посылая в следующий раз Твардовскому новые стихи, я при отборе их рассудил так: ему больше должны прийти по душе те, в которых он почувствует что-то родственное со своей манерой и с манерой поэтического письма его земляка и старшего друга — Михаила Исаковского. Из полученного ответа нетрудно было сделать вывод: как бы ты ни любил какого-то большого поэта, а подражать ему не следует, ибо всякое подражание — это не что иное, как бег на месте. Ответ был кратким, но заставил призадуматься:

«3 мая 1960 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Все три стихотворения вполне, как говорится, профессиональные, их можно печатать, и то, что я их не оставляю для «Нового мира», не должно вас смущать. Хотелось бы, чтобы слишком послушное следование известным образцам (М. Исаковский и др.), некоторая сдержанность, вернее робость, — покидали вас более заметно.

Смелее, смелее — к самому себе, к тому, чего до вас не было.

Желаю на этом пути успехов.

А. Твардовский».

Замечания и требования эти были абсолютно справедливыми. Начались новые по-

иски. Шли они главным образом в направлении содержания. Ясно было одно: надо сделать что-то такое, чего не было ни у кого другого даже в намеке, о чем еще не писал ни один поэт. За что же взяться? Да, конечно же, за то, что пережито, пережито. То есть, основой новых вещей должны стать самые твои сокровенные мысли и чувства... Одно время мне довелось работать в газете, в книжном издательстве, в радиокомитете. Было решено: напишу поэму о журналистах, никто о них как будто еще не рассказывал — ни в стихах, ни в прозе, во всяком случае мне не встречалось. Сюжет поэмы был взят из жизни, не придуман, казалось, что все будет в порядке. Работалось легко, с вдохновением, потому что тема была моей родной стихией. Но — увы: на этот раз подвела форма. А какова была эта форма, читатель поймет по ответу Твардовского:

«19 августа 1960 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Использование такой исключительно индивидуальной, с исчерпывающей полнотой прозвучавшей в классическом произведении неповторимой формы, как онегинская строфа, — дело безнадежное. Это хорошо понимал уже М. Ю. Лермонтов, не случайно взявший в свое время эту строфу лишь для «Казначейши» — произведения особого рода.

В дальнейшем все попытки использования этой формы «всерьез», естественно, не имели успеха.

В наши дни эта форма своей обманчивой легкостью привлекает лишь наивных людей. Жаль, что и вы поддались этому соблазну. Как бы вы не исхитрились, все равно ваша поэма звучит пародийно, и тем самым «серьезное» ее содержание погашается.

Советую вам воздержаться от опубликования ее в печати, если даже будет такая возможность.

Не огорчайтесь, бывает.

А. Твардовский».

Вот каким неожиданным образом может обернуться иной «эксперимент»! Кого-нибудь другого, менее строгого и взыскательного, онегинская строфа могла бы и не

смутить, а Твардовский — мастер высокого класса, тонкий ценитель поэтического искусства — не допускал ни малейшей снисходительности в таком святом для него деле, как художественная литература вообще и поэзия, в частности. Он весьма деликатно, но со всей присущей ему прямоотой высказал свое глубокое суждение, в подтексте которого можно уловить как бы напоминание: нельзя, мол, ни на минуту забывать, что, создавая что-либо, ты тем самым претендуешь на вход в тот священный храм, который гордо зовется русской литературой, и этот храм воздвигнут не кем-нибудь, а самим Пушкиным.

«Советую вам...» Было бы непростительным легкомыслием, если бы автор поэмы, написанной онегинской неповторимой строфой, пренебрег этим, в сущности, добрым советом. Само собой разумеется, что поэма была навсегда похоронена в личных архивах: слово Твардовского было для меня законом...

А теперь о самом ценном для меня письме Александра Трифоновича — отзыве на целую книжку «Моим землякам»:

«М. 28 июля 58 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Книжку вашу давно получил, но просмотреть все не мог выбрать времени, — после назначения меня главным редактором «Н. М.» (журнала «Новый мир») моя личная почта вообще весьма запущена, т. к. время уходит на неотложные дела, на чтение того, что идет «в номер».

Книжка производит очень симпатичное впечатление, хотя много в ней лишнего, пустякового и малоинтересного — вроде ваших «пародий» или стихов, написанных явно «ко дню». Возможно, что мы дадим в «Н. М.» рецензию на нее. Но писать мне самому не только некогда, но отчасти и неудобно: м. б., я ошибаюсь, но мне кажется, что следы усердного чтения Твардовского на ней (книжке) заметны. Присылайте, если есть что-нибудь новое для «Н. М.».

Желаю всего доброго.

А. Твардовский».

Все, кто хорошо знаком с творчеством Твардовского, с воспоминаниями о нем, знают, как скуп он был на похвалы. И его откровенные, теплые слова «...очень симпатичное впечатление» до сих пор согревают сердце, вдохновляют на новые творческие поиски. Что касается «лишнего, пустякового и малоинтересного», то это замечание первоклассного мастера я запомнил на всю жизнь — впрямь наука.

Некоторые из писем к вашему земляку опубликованы в книге «А. Твардовский. О литературе», вышедшей в свет в 1973 году в Москве (Библиотека «О времени и о себе»). Впервые в разделе «За редакторским столом» публикуется значительная часть эпистолярного наследия А. Т. Твардовского. Все материалы книги знакомят читателей с раздумьями Твардовского о традициях в творческом опыте советской литературы. И тот факт, что в эту книгу (в числе других) включены письма к автору этой статьи, наглядно подтверждает

сказанное вначале: даже самые краткие замечания о тех или иных стихах, принадлежащие великому поэту, представляют определенный общественный интерес, имеют неоспоримую ценность для всех, кто любит литературу и кто сам работает в ней.

Кстати говоря, лишь теперь, после обнародования рубрики «За редакторским столом», по прошествии многих лет я узнал об одной характерной детали: о наивной и—увы—напрасной надежде напечататься в «Новом мире» тех авторов, которые еще при жизни Твардовского считали себя его учениками. Вот выдержка из его письма к «М. П. К-ну»:

«...в «Новом мире» весьма трудно попасть тому, что бывает отмечено признаком «под Твардовского»... Но как бы там ни было, уверен, что для многих авторов, которым пришлось общаться с Александром Трифоновичем хотя бы посредством переписки, его уроки не прошли даром.

Кузбасс в десятой пятилетке

● Получает дальнейшее развитие местная база отдыха трудящихся. На базе отличных по качеству терсинских минеральных вод у села Макариха Новокузнецкого района начнется строительство первого в Кузбассе курорта на 1000 мест. Крупный санаторий — Борисовский — также на базе лечебных минеральных вод будет сооружаться в живописной местности Крапивинского района. Будут реконструированы и расширены Прокопьевский, Таргайский, Ашмаринский дома отдыха. Нынешний Анжерский и Салаирский дома отдыха станут санаториями. Невдалеке от Кемерова начнет функционировать новый дом отдыха «Энергетик».

Примет первых отдыхающих комплекс туристской базы «Юность» на 500 мест. Намечается строительство 36 санаториев-профилакториев на 4450 мест.

СОДЕРЖАНИЕ АЛЬМАНАХА за 1976 год

НАШ СОВРЕМЕННИК

Владимир Кузнецов. Директор. № 2
Гарий Немченко. Секретарь парткома. № 1

С ПОЭТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА

Игорь Киселев. Новые имена, новые надежды. № 2.

СТИХИ

Сергей Донбай. «А весною наш городок...» Увидеть землю. «Мне весело живется!..» Песня о счастье. Общежитие. Стихи о новом жилом районе в г. Кемерове. № 4.

Владимир Иванов. Память. «Первый снег...», «Кто же это — угрюмый и странный?..» № 3.

Николай Колмогоров. Здравствуй! Полярный день. «В родных местах...» № 2.
Виталий Креков. От любви твоей я не избавлюсь. «И хлеб, и соль...», «Чтоб пережить хороший сон...» № 4.

Вячеслав Лопушной. «Я, кажется, дышать могу...», «И теперь, и во все времена...» № 3.
Павел Майский. (Из таежной тетради). «А покорить тайгу нетрудно...», «Потемнело на веранде...», «В глубоком сумрачном лого...», «Я помню все до мелочей...». «Красота какая на покосе! № 3.

Михаил Небогатов. (Из лирики). «Когда, бывало, в обороне...», «Не виноваты мы перед друзьями...», «Пока живем...», «Как-то раз, простой и свойский...», «Какой-то поселок...». На постое. «Отсвет далеких отроческих дней». № 3.

Николай Николаевский. «Приставки тяжесть придают словам...» Кое-что о религии. № 2.

Михаил Орлов. К недавним событиям в Чили. «О четырех ногах собака...» № 2.

Владимир Петраш. Парторг Каверин. № 4.

Николай Пискаев. О рыбалке. Сенокос. Осеннее. № 4.

Валентина Пьянкова. О черновиках. Свадьба. Этюд. № 2.

Александр Раевский. Доярки. Детство. № 2.

Владимир Юриш. «На рассвете...» № 4.

Геннадий Юров. Прощай, сосновый бор! Поэма. № 1.

Леонид Сербин. Ожидание. «Еще не все подведены итоги...» № 2.

Алексей Томилов. «Мне опять побывать довелось...», «Отдохну под сосной...» № 2.

Олег Философов. Дочь. «О, детство!..» № 2.

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

Джон Китс. Посвящение другу. «Равнины наши застилала мгла...», Песня пажа. «Ласков привет милых глаз...», Песенка маргаритки. К Фанни. «Не стало дня...» Перевод Сергея Сухарева. № 1.

ПРОЧИТАЙТЕ ВАШИМ ДЕТЯМ

Александр Береснев. Верхотаз. Остались без обеда. Неудача. № 3.

Евгения Леволь. Пингвиненок. Маляр. Портрет. Горизонт. № 3

РАССКАЗЫ

Владимир Власов. Лешка-чугунок. Мерзавец. Бабушка в больнице. № 3.
Екатерина Дубро. Второе начало. № 2.
Владимир Куропатов. Трошковые. № 2.
Виктор Старостин. «Родные стены». № 4.
Людмила Яковлева. Сказка, не кончайся! № 2.

ПОВЕСТИ

Геннадий Емельянов. Медный таз из сундука. № 3.
Анатолий Кругляков. Найти себя. № 1.
Олег Павловский. Баклыковы. № 4.

ПРОБЛЕМА?... ДА, ПРОБЛЕМА!

И. Дрейцер. Время выбора. № 4.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Михаил Сорокин. Прощения Григория Бровцина. № 4.

У НАШИХ ВЕНГЕРСКИХ ДРУЗЕЙ

В. Махалов, Н. Спирина. Утренняя земля. № 1.
Николай Янченков. И в бою — вместе! № 2.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

Анатолий Сосимович. На охотничьих перекрестках Кузбасса. № 3.

ПРОШЕЛ... УВИДЕЛ... РАССКАЗАЛ...

Петр Ягунов. Красавчики. Лысушонок. На мирной основе. № 1.

ИСКУССТВО

М. Кушникова. Тихая песнь Кузнецкой земли. № 2. Та самая минута. № 3.
Инна Тимошенко. Егерь голубого экрана. № 3.

СЛОВО — КРИТИКЕ

Людмила Глебова. Геннадий Емельянов и его книги. № 2
Игорь Киселев. Начало поиска. № 4.
В. Копылов. Дебют и после него. № 4.
С. Ф. Орлянский. «С Лениным в сердце». № 3.
Инна Тимошенко «Чтоб вместе с жизнью шла строка...» № 2.
Ю. Шатин. «Романтика мужества». № 3.

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

Всеволод Иванов. Беседы в дороге. № 3.
Михаил Небогатов. Уроки А. Т. Твардовского. № 4.

ВЕСЕЛАЯ МИНУТКА

Борис Антонов. Аналитик. Драма табачного киоска. Решительная мера. № 1.
А. Бродский. К вопросу об акселерации. № 2.
Владимир Матвеев. (Из блокнота сатирика). Творческий казус. Семейное благополучие. № 3.

НАШИ АВТОРЫ

Донбай Сергей Лаврентьевич родился в 1942 году в Кемерове. Автор сборника стихов «Утренняя дорога». Работает в редакции альманаха «Огни Кузбасса».

Павловский Олег Порфирьевич родился в 1925 году в г. Архангельске. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор книг «Иван, сын крестьянский», «Трудно, парень» и др. Член Союза писателей.

Старостин Виктор Семенович родился в 1940 году. Закончил Томский государственный университет. Работает заведующим Томским областным клубом кинолюбителей. В альманахе печатается впервые.

Пискаев Николай Александрович родился в 1935 году. Автор сборника стихов «Мой край задумчивый и нежный». Работает в Беловской городской газете «Знамя коммунизма».

Креков Виталий Артемьевич родился в 1946 году в Алтайском крае. Рабочий — обмуровщик. Живет в Кемерове.

Дрейцер Израиль Соломонович родился в 1930 году в Днепропетровской области. Окончил Днепропетровский институт иностранных языков. Работает в Кузнецком филиале НИИОГР. Печатался в центральных газетах, в журналах «Новый мир», «Знамя», «Юность» и др.

Сорокин Михаил Ефимович родился в 1933 году. Окончил Томский государственный университет. Работает заведующим кафедрой истории Кемеровского института культуры.

Копылов Владимир Тимофеевич родился в 1936 году. Окончил Томский государственный институт. Работает заместителем редактора газеты «Заря». Живет в Кемерове.

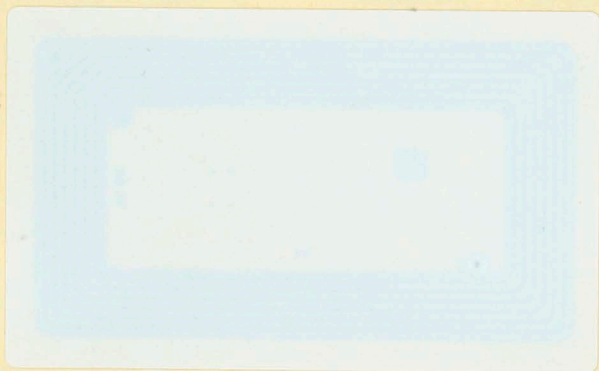

Кузбасс в десятой пятилетке

● К концу десятой пятилетки потребление электроэнергии в Кузбассе примерно на треть превысит нынешний уровень. Еще больше возрастет потребность в тепле.

Эти растущие потребности будут покрыты за счет единой энергосистемы Сибири и прироста мощностей электростанций Кузбасса. На Кемеровской ГРЭС, Новокемеровской ТЭЦ, ТЭЦ Запсиба войдут в строй новые турбоагрегаты. Будет реконструирована Кузнецкая ТЭЦ и увеличены теплофикационные мощности Томь-Усинской, Южно-Кузбасской и Беловской ГРЭС.

Энергостроители Кузбасса приступят к сооружению в Красноярском крае, примыкающем к Итату, Березовской ГРЭС — первой из серии мощнейших теплоцентралей на базе знаменитого Канско-Ачинского бурогольного месторождения. По Кузбассу будут проложены многие сотни километров новых линий электропередач. Важнейшей из них станет опытно-промышленная ЛЭП Итат — Новокузнецк с невиданным пока в мировой практике напряжением в 1150 тысяч вольт.

29 КОЛ.

КЕМЕРОВО - 1976